новая ПОЛЬША

 $N_{0}5_{(9)}$

2000

ДИСКУССИЯ КАК ВЫЙТИ ИЗ КОММУНИЗМА Александр Липатов о трудном соседстве «ПАНДРЁШКА» Кристины Курчаб-Редлих Георгий Владимов о своей новой книге Александр Ват СТИХИ И ВОСПОМИНАНИЯ Ежи Помяновский «Понять умом Россию»

В НОВЫЙ ВЕК - С НОВОЙ ПОЛЬШЕЙ

На наш журнал можно подписываться на любой срок, переводя соответствующую сумму на счет:
Вiblioteka Narodowa, Вапк Handlowy S.A. I O/Warszawa
№ 10301016-03327001.

Цена подписки:

в Польше:

квартал: 15 злотых, полугодье – 30 злотых; год – 60 злотых;

зарубежной:

квартал: 15 ам. долларов, полугодие – 30 ам. долларов; год – 60 ам. долларов,

информация о подписке для стран СНГ:

Издательство МИК, Москва, ул. Большая Переяславская, д.15, кв. 49 тел. 280-83-52 e-mail: mik@mecom.ru

№ 5(9) 2000 май

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

1		
	Артур Домославский 101 ПУТЬ ИЗ КОММУНИЗМА	3
	Александр Липатов ТРУДНОЕ СОСЕДСТВО	9
	Виктор Кулерский ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ	13
	Валерий Мастеров ЛАРЕК ДНЯ ПОБЕДЫ	19
	Виктор Кулерский СОВЕТСКИЙ ОФИЦЕР	22
	Игорь Славич "КОНТРА" И ЕЕ АВТОР ЮЗЕФ МАЦКЕВИЧ	25
	Георгий Владимов О КНИГЕ "ГЕНЕРАЛ И ЕГО АРМИЯ"	30
	Кристина Курчаб-Редлих ПАНДРЁШКА	34
	Александр Ват МОЙ ВЕК	38
	Александр Ват СТИХОТВОРЕНИЯ	43
	Лешек Шаруга ПОЭЗИЯ БОЛИ	43

Редакционный совет

Стефан Братковский Хенрик Возняковский Наталья Горбаневская Ежи Клочовский Кароль Модзелевский

Анджей Щипёрский

Януш Тазбир Станислав Чёсек

Главный редактор

Ежи Помяновский

Редколлегия

Наталья Горбаневская Никита Кузнецов Виктор Кулерский Янина Куманецкая Петр Мицнер

(зам. главного редактора)

Кристина Пашек

(секретариат)

Гжегож Пшебинда Ежи Редлих

(зам. главного редактора)

Станислав Филипчак

(ответственный секретарь)

Лешек Шаруга

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

(главный художник)

Графика, макет и верстка Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213 00-973 Warszawa Ал. Неподлеглосци, 213 00-973 Варшава телефоны:

(0-22) 608 27 95

608 26 65

факс:

608 25 05 608 27 96

e-mail: nowpol@bn.org.pl

Издатель

BIBLIOTEKA NARODOWA НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

По поручению Министерства Культуры и Национального Наследия Республики Польша

Переводчики: А.Базилевский, А.Бондарев, И.Верестюк, Н.Горбаневская, Н.Кузнецов, С. Тонконогова, С. Филипчак, Е. Шиманская.

Корректор: Э.Марчинкевич.

Фото ©: В.Мајеwski (стр. 9), В.Мастеров (стр. 19), М.Неtmanek (стр. 34), Е.Lempp (стр. 58), G.Rogiński (стр. 66).

Артур Домославский

101 ПУТЬ ИЗ КОММУНИЗМА

Чей вассал Польша? Кому сегодня не нравится рынок? Кого не любит рынок?

На конференции, организованной в Вене Институтом наук о человеке, встретились такие видные современные мыслители как лорд Ральф Дарендорф, лорд Роберт Скидельский, Збигнев Бжезинский, Даниэль Кон-Бендит, а также бывшие узники и диссиденты из-за "железного занавеса": Вацлав Гавел, Янош Киш, Тадеуш Мазовецкий, Александр Смоляр, Адам Михник. Это стало возможным благодаря великому "землетрясению", как назвал 1989 год в своем приветственном слове хозяин встречи, проф. Кшиштоф Михальский.

В ходе венской дискуссии можно было услышать немало юбилейных приветствий и аплодисментов. Но самым творческим и электризующим оказался спор о мире после "землетрясения". Каков он? И каким ему надлежит быть?

ПРОТЕКТОРАТ ЕВРОПА

Атмосферу встречи во дворце Ферстель, в самом центре Вены, создавали огромные фотографии (в большинстве своем авторства фоторепортеров "Газеты выборчей"), освещающие события "осени народов" 1989 г. и следующих лет. На одной из них группа возбужденных людей стоит на Берлинской стене: сейчас они начнут ее разбирать.

Для нас, восточноевропейцев, крушение стены— это символ конца коммунизма и начала свободы. В свете большой геополитики оно означало конец разделения мира на два блока, олицетворяемых двумя сверхдержавами: США и Советским Союзом. В настоящее время на "большой шахматной доске" (так называется новая книга Збигнева Бжезинского) осталась только одна сверхдержава — США. "И сегодня эта страна, — как сказал в Вене Бжезинский, —мировой гегемон".

Слушатели были особенно возмущены развитием тезиса о гегемонии США: "Европа сегодня — не партнер, а протекторат Америки".

В книге "Большая шахматная доска. Основные цели американской политики" 3.Бжезинский пишет, что после распада СССР положение США стало исключительным: "...мировое превосходство США напоминает (...) положение империй далекого прошлого, несмотря на то, что империи эти носили региональный, ограниченный характер, а могущество свое основывали на иерархии подчиненных им вассалов, ленников, протекторатов и колоний, считая все население граничащих с ними территорий варварами. В какой-то степени эту устарелую терминологию можно с успехом применить к некоторым государствам, находящимся в настоящее время в сфере американского влияния... "Имперское" осуществление Америкой своей власти во многом основано на превосходной организации, на способности в кратчайшие сроки подчинить свой огромный хозяйственный и технологический потенциал военным нуждам, на (...) явной привлекательности американского образа жизни как культурного образца, а также на огромной динамичности и органической конкурентоспособности американских общественных и политических элит".

Бжезинский разъясняет, что, в отличие от древней Римской империи, сегодняшняя американская не представляет собой пирамиду четкой иерархии власти: "Америка — это скорее эпицентр столкновения взаимозависимых интересов". Возможно, лучшим доказательством того, что мир признал ведущую роль демократических процедур в американской гегемонии, служит сегодня повсеместное участие представителей зарубежных государств в политических дискуссиях, проходящих в самой Америке.

На этой сложной шахматной доске, замечает 3. Бжезинский, наша старушка Европа — "основной геополитический плацдарм Америки на евроазиатском континенте". Здесь-то и начинаются сложности, ибо, как подчеркнул Бжезинский в Вене, Европа слишком слаба, чтобы из плацдарма превратиться

в полноправного партнера. "Европы воистину европейской не существует, — утверждает Бжезинский в своей книге. — Это лишь мечта, идея, цель... Хотя общий рынок в Западной Европе уже сформирован, Европе как единому политическому целому еще предстоит формироваться. Прискорбным подтверждением разобщенности Европы (...) стал кризис в Боснии. Жестокая истина такова, что Западная, а также, во все большей степени, и Центральная Европа оказываются под своего рода американским протекторатом, союзнические же государства напоминают давних вассалов и ленников. Эта ситуация нездорова – как для Европы, так и для европейских народов".

Бжезинский написал эти слова в связи с американской интервенцией в Боснии. В Вене он добавил еще один аргумент — Косово. Без Америки Европа не смогла бы справиться с сербско-албанским конфликтом.

Хотя Бжезинский и просил не воспринимать его выступление как иллюстрацию американской наглости, в значительной степени оно было воспринято именно так.

"США недооценивают то, что делает Европа, например, в связи с тем же конфликтом в Косово, будь то организация гуманитарной помощи или прием беженцев, — с раздражением возражал Бжезинскому вице-канцлер Австрии Вольфганг Шюссель. — Я не желаю больше слышать, что мы находимся под протекторатом".

"Меня радует это возражение. Оно означает, что вы будете прилагать усилия, чтобы больше подобного не слышать", — с улыбкой отвечал Бжезинский.

В кулуарах закипело: "Такого рода наглость пробуждает в некоторых странах Европы агрессивный антиамериканизм. Что это за язык: "гегемония", "протекторат"? Даже если всё это правда, подобного рода высказывания отпугивают и оскорбляют партнеров. Бжезинский не чувствует европейской культуры. У него имперские замашки", — и т.п.

Бжезинскому возразил главный редактор "Газеты выборчей" Адам Михник. Выразив благодарность США и лично Бжезинскому за проводившуюся в 70-80-е годы политику защиты прав человека, он констатировал: "Когда я услышал, что мы якобы находимся под протекторатом США, во мне проснулся слепой польский шовинист. Если кому-то кажется, что из нас можно сделать лакеев политики США, то он ошибается. Мы поднялись на борьбу с "империей зла", а не за "протекторат"".

Мне известно, что в кулуарах польские участники дискуссии спросили Бжезинского, считает ли он и Польшу протекторатом Америки. "Нет, Польша не протекторат, а жандарм", — ответил он.

Жандарм исполняет приказы. Это тоже протекторат, но деятельный. У него особое задание — присматривать за другими. Пожалуй, трудно сказать, какое из определений для Польши более неприятно.

И все-таки выступление Бжезинского оценивали по-разному. "Красивая провокация, — сказал мне английский историк, друг Польши Тимоти Гартон Эш. — Я не воспринимаю этого как оскорбление. Бжезинский хотел спровоцировать крупные государства: Великобританию, Францию, Германию, — поскольку считает, что эти страны, как и Европа в целом, не в состоянии справиться с проблемами вроде Косово". Похожей точкой зрения поделился со мной один польский профессор: "Европа привыкла к тому, что есть Америка, которая нас охраняет".

Можно обижаться на Бжезинского за его имперский язык, но нельзя пренебречь его диагнозом. Каково место Европы в мировой политике, если господство принадлежит лишь одной сверхдержаве? Не была ли "красивая провокация" дружеским пинком европейским лидерам — чтобы те энергичнее и эффективнее продвигались по пути к политическому союзу?

Для нас, жителей Восточной Европы, эти вопросы имеют также и психологический характер. Конечно, политическую диктатуру и экономическую бедность в странах советского блока нельзя сравнивать со свободой, демократией и материальным благополучием стран, находящихся в сфере влияния США. Тем не менее многие в Польше ответили бы на слова Бжезинского возмущением: "Ну вот, раньше нами дирижировала Москва, а теперь — Вашингтон". Невозможно исключить из политики эмоции и исторический опыт. Об этом не стоит забывать, расставляя фигуры на большой шахматной лоске.

Давайте представим себе, как повели бы себя польские парламент, правительство, президент, если бы несколько лет тому назад, во время дебатов о вступлении Польши в НАТО (а скептиков тогда было

достаточно!), кто-нибудь приехал в Варшаву и заявил, что нам предоставляется благо стать ленником или протекторатом США?

ФАБРИЧНЫЕ ТРУБЫ И ТУЧИ ДЫМА

На одной из украшавших зал венской встречи фотографий — хорошо знакомая сцена: Яцек Куронь в поварском колпаке разливает суп для бедных. "Похлебка Куроня" напоминает, что в нашем обществе еще много "отверженных", которым не дано пользоваться благами 1989 года. Отсюда вопрос: если рынок, то какой?

В том, что рынок — механизм испытанный, сомнений ни у кого не было. Но, как кто-то правильно заметил, "у свободного рынка нет противников, зато есть жертвы". Тут и возникает почва для дискуссий. Английская лейбористка Патриция Хьюитт предостерегала против абсолютизации рынка, ибо его характер зависит от нерыночных параметров: честности, доверия, человеческих достоинств. Все эти качества формируются на ранних этапах жизни человека. Поэтому важное место в политике государства занимает семья. В настоящее время, когда допустимыми становятся различные виды партнерства, семья принимает разнообразные формы. Это порождает множество сложностей, и государство пытается выработать единую "политику в поддержку семьи" (не знаком ли нам этот лозунг по проектам польских правых?).

В самом деле, государство может и, несомненно, должно заниматься обеспечением своим гражданам возможности получать образование и зарабатывать деньги. Те, кому такая возможность обеспечена, создают здоровые, психически уравновешенные семьи.

Левые, для которых вот уже двести с лишним лет понятие равенства остается фундаментальным, истолковывают его как равенство возможностей. Вместо передела собственности они проповедуют пробуждение в людях созидательных сил и создание благоприятствующих тому условий. Что это — отличительный знак новых европейских левых?

О трагедии "отверженных" напоминает и другая фотография: Силезия, шахтеры в касках курят, сидя на траве, на фоне фабричных труб и туч дыма, в ожидании чего-то неизбежного, неотвратимого, чего-то недоброго, чего не миновать. Может быть, они уже остались без работы?

Между участниками встречи разгорелся и еще один горячий спор: внешне — о радикализме либеральных реформ в посткоммунистическом мире, а в подтексте — о моделях рынка. На этот раз уже столица "империи" получила от "протектората" щелчок по носу.

Премьер-министр Саксонии Курт Биденкопф упрекал американских консультантов в том, что в России они продвигали слишком радикальные экономические концепции. По его мнению, они не приняли во внимание того, что радикальные реформы неизбежно приводят к появлению множества "отверженных". А ведь к участию в рынке, убеждал премьер, следует привлекать всех, как это, например, происходит в нищей посткоммунистической части Германии. Возглавляя правительство одной из земель бывшей ГДР, Биденкопф расхваливал успехи, достигнутые в деле сращивания двух организмов благодаря социальной политике, основанной на идеях христианских демократов.

С критикой американских "монетаристов" выступила и лейбористка Хьюитт: "Великобритания испытала на себе внедрение радикальных реформ правительства Маргарет Тэтчер; из-за их жестокости, особенно по отношению к шахтерам, были нарушены связи между слоями общества. Экономические реформы без социальных недостаточны", — констатировала она.

ЕВРОПА ОБЪЕДИНИЛАСЬ ПРОТИВ АМЕРИКИ

"Честь США" защищал взволнованный Андерс Аслунд, американец, бывший советник при правительстве Егора Гайдара: "Реформы в России были не слишком, а недостаточно радикальными. Потому они и провалились. Если бы в 1991 году, после неудавшегося путча, Ельцин решился на радикальные реформы, Россия была бы сейчас совсем иной".

Вопрос заключается в том, была ли у него такая возможность? Возможно ли "твердое руководство" в стране "политической изоляции", как назвал ее лорд Скидельский, автор книги "Мир после коммунизма"? Не стоит всю ответственность за поражение России возлагать на Запад. "Реформы были блокированы бывшей номенклатурой", — объяснял мне Аслунд.

По словам Аслунда, подтекстом его полемики с Биденкопфом был немецко-американский спор о том, какая модель рынка лучше: более жесткая и конкурентоспособная, чикагского образца, или более

гуманная, христианско-демократическая — германского; Биденкопф, по мнению своего оппонента, хотел убедить всех в превосходстве немецкой традиции.

Я бы охотно нарушил эту европейскую солидарность. Аслунд "сродни" таким людям, как Сакс, советник польских реформаторов (в первую очередь — Бальцеровича). Реформы по этому рецепту удались. С Россией же пока никто не в состоянии разобраться. Суть в том, что американские консультанты не учли политической почвы реформ, а она с самого начала была неурожайной; к рыночной экономике они отнеслись, по словам Скидельского, как к "переносному набору механизмов и учреждений". Однако следует прямо признать, что никто не знает, как излечить колосса. Венская встреча, несмотря на участие в ней таких знаменитостей, еще раз это подтвердила.

ТОЛЬКО БЫ НЕ СИНГАПУР

Некоторую логику в дискуссию о рынке и посткоммунистических временах внес лорд Дарендорф: в свободном и открытом мире нет двух-трех раз и навсегда определенных путей. Этих путей — 101. Иначе говоря, неисчислимое множество.

Существует много разновидностей капитализма, помимо чикагского, утверждал Дарендорф. Существует большое количество демократических систем, помимо вестминстерской. Их неоднородность отнюдь не является чем-то особенным. В этом — суть мира, порвавшего с замкнутыми системами.

Преобладающую часть своего доклада Дарендорф посвятил критике нового, "третьего пути", поисками которого заняты в настоящее время "новые европейские левые".

Британский премьер-министр Тони Блейр и немецкий канцлер Герхард Шредер в совместном документе "Европа: третий путь", в частности, пишут: "Почти во всех странах Европейского союза у власти — социал-демократы. Социал-демократия вновь пользуется поддержкой, но исключительно потому, что, бережно относясь к традиционным ценностям, она действительно обновляет свои идеи, модернизирует программы. Социал-демократия снова популярна, потому что служит сегодня символом не только социальной справедливости, но и динамично развивающейся экономики, мобилизации созидательных и новаторских сил".

Да, рыночная экономика и конкуренция нам необходимы, заявляет Дарендорф, но нам необходимо также общество, которое охватывает всех граждан и не порождает underclass, то есть "отверженных". Насколько суть рыночной экономики составляет конкуренция, настолько же суть социальной политики — принцип солидарности.

Однако новые левые имеют в виду нечто другое. Блейр и Шредер пишут: "Мы поддерживаем рыночную экономику, но не рыночное общество". В связи с этим Дарендорф спрашивает: что же, они хотят управлять обществом, дирижировать им? Если да, то это был бы шаг в сторону Сингапура: ограничение и угроза свободному обществу.

В последние годы "Сингапур" у Дарендорфа — ключевое понятие и навязчивая (в положительном смысле) идея. Этот термин означает приблизительно следующее: в демократическом обществе действуют три принципа — эффективность экономики, солидарность общества и свобода личности. "Сингапур" — это, с одной стороны, принятие двух первых принципов, а с другой — отход от третьего, зачастую прямая его отмена. Согласно "философии Сингапура", в деле достижения благосостояния свобода личности не нужна никому — ни государству в его конкуренции с другими государствами, ни отдельному человеку.

Дарендорф высказывает подозрение, что теоретики "третьего пути" в своих статьях и книгах не случайно избегают слова "свобода". "Это удивительная авторитарная черта. Я не утверждаю, что такова повсеместная практика искателей "третьего пути", однако, "синдром Сингапура" намного ближе, чем это могло бы казаться".

Авторитарные угрозы и соблазны, по мнению Дарендорфа, исходят прежде всего от политиков, которые охотно обошли бы традиционные демократические институты (парламенты, суды), заменив их, например, референдумами, что позволило бы установить власть, свободную от какого бы то ни было контроля. С другой стороны, авторитарная угроза кроется в пассивности граждан, согласных с существующим положением вещей, в их стремлении к "душевному спокойствию". Суть обращения Дарендорфа к политикам и мыслителям можно передать примерно так: в своих совершенно оправдан-

ных устремлениях к справедливому устройству общества не забывайте о свободе ("старой, если хотите, престарелой свободе").

Было бы кошмарным парадоксом, если бы страны, к которым мы устремляли свой завороженный взгляд, поразил новый, не сразу распознаваемый авторитарный вирус. В этом отношении среди многих интересных докладов выступление Дарендорфа было особенно новаторским и поучительным.

ГИЛЬОТИНУ — В МУЗЕЙ

Еще одна фотография в галерее воспоминаний и еще одна бурная дискуссия: "круглый стол" в Польше.

Как много оскорблений было брошено в последнее десятилетие в адрес этого ставшего историческим стола и тех, кто за ним сидел! Эхо дискуссии о постепенном демонтаже диктатуры донеслось и до венской конференции, в ходе которой состоялся эффектный поединок между премьер-министром Венгрии Виктором Орбаном и Адамом Михником.

Орбан высказал удивительно знакомый тезис: люди 1989 г. законсервировали "постсоветское общество", они хотели сохранения и преемственности старых структур власти, преобразования старой номенклатуры в класс новых владельцев, а заодно пытались распространить на Венгрию польский образец полудемократических выборов 4 июня 1989 г. "1989 год был последним годом диктатуры. Чем меньше от него останется, тем лучше", — заявил Орбан. "Людям 1989 года" он противопоставил "людей 1990-го", которые стремились к радикальным переменам, введению конкуренции в общественную жизнь, усилению позиций новых общественных сил.

Мне показалось, что Орбан привнес в венские дебаты элемент венгерских интриг. Он как бы перепутал интеллектуальный диспут с предвыборным митингом. В своих выводах он полностью игнорировал историческую реальность. Но зато как знакомо это прозвучало...

Деление на людей 1989 и 1990 гг. Михник счел совершенно бессмысленным. Тем более в Польше. "В конце 80-х годов, — говорил он, — Польша отчаянно искала пути выхода из западни. В 1944 г. восставшая Варшава оказалась одинока, как одинок был Будапешт в 1956-м. Нашей реакцией были осмотрительность и благоразумие: действовать надо так, чтобы не подвер тать опасности Польшу, а вместе с ней и всю нашу часть Европы. Всё тогда могло повернуться по-другому, как мы видим теперь на примере Балкан. Чтобы сесть за стол переговоров с коммунистами, нам нужно было перешагнуть через собственные эмоции. И нам это удалось".

Михник напомнил Орбану, благодаря чему выборы в Венгрии были полностью демократическими: "Потому что состоялся "круглый стол" и полудемократические выборы в Польше. Коммунисты проиграли, отдали власть, но никто не вешал их на фонарях".

Напрашивается риторический вопрос: разве польский опыт не повлиял на венгерских коммунистов?

Победа "Солидарности" состояла, в частности, в том, что, пользуясь умеренной риторикой, она добилась революционных перемен. "С одним лишь исключением: когда-то символом революции быда гильотина — мы отправили ее в музей", — добавил Михник. Он отметил также, что за "радикальной риторикой иногда может скрываться умеренная политика" и пример тому — правительства Анталла в Венгрии и Мазовецкого в Польше. Первый использовал радикальную антикоммунистическую риторику, но именно второй провел в стране более основательную декоммунизацию.

На одной из представленных на конференции фотографий запечатлен демонтаж памятника Дзержинскому в Варшаве. Орбан произвел впечатление политика, склонного как раз к такого рода символическому сведению счетов. Но демонтирован-то памятник был в Варшаве, да к тому же в пресловутом 1989 году.

После выступления Михника Орбан пошел на попятную. Он стал объяснять, что имел в виду Венгрию, что в Польше было по-другому. Он не ответил ни на один из аргументов Михника. В кулуарах венгерскому премьеру досталось немало нелестных эпитетов — если бы он попытался отстоять свою, пусть даже спорную, точку зрения, то снискал бы, пожалуй, больше симпатии. У меня вообще сложилось впечатление, что на протяжении последних десяти лет ни в Польше, ни — судя по венгерскому премьеру — в Венгрии не появилось лидеров масштаба Мазовецкого, Киша, Гавела. Может, десять лет

— это мало? Может, новые времена требуют лидеров нового типа? Может, восточноевропейский диссидент, политиканствующий интеллигент — это вымирающий вид?

МОГЛО БЫТЬ И ХУЖЕ

Когда я слушал предостережения лорда Дарендорфа об угрозе авторитаризма, в какой-то момент мне подумалось, что его опасения преувеличены и надуманны. Кто сегодня в состоянии представить себе, например, авторитарную Англию или Францию? Однако 1989 год показал, что история любит подшутить над нашими уже сложившимися представлениями. Ибо кто мог бы представить себе Дубчека, торжествующего вместе с Гавелом? Это — еще одна фотография из вывешенных на конференции: Дубчек, символ подавленной Пражской весны, и Гавел — победитель с поднятой вверх рукой и пальцами, растопыренными в виде буквы "V".

Что осталось от виктории 1989 года? Тимоти Гартон Эш привел слова французского исследователя революции 1789 года Франсуа Фюре, по мнению которого наша "осень народов" не была революцией, ибо не несла никаких новых идей, в то время как та, имевшая место 200 лет назад, принесла "свободу, равенство, братство". Однако почти все, включая самого Эша, единодушно выразили несогласие с подобным мнением. 1989 год оставил нам в наследие оптимистический вывод о том, что революции возможны без войн (канцлер Австрии Виктор Клима), а также готовность к самопожертвованию, этическое отношение к политической деятельности и убеждение в том, что в бессилии — сила (Гавел), а в безнадежности — надежда (Бжезинский).

Танки и дым на следующей фотографии (Литва? Югославия?) помогают осознать, что все могло быть и не так радужно.

Но эта фотография помогает осознать и еще кое-что. В мире после 1989 г. во имя справедливости и защиты слабых можно использовать силу (Босния, Косово). В этом видится определенный оптимизм: теперь будет труднее нарушать права человека. Но в этом кроется и опасный подтекст: не так уж трудно злоупотребить принципом "справедливой войны", не правда ли? Пока я не в состоянии ответить на этот вопрос. Да и никто, видимо, пока не может дать на него толкового ответа.

КОГДА СНЫ СТАНОВЯТСЯ ЯВЬЮ

Давайте попробуем представить себе, что по какой-то прихоти истории венская встреча проходит, скажем, лет 15 тому назад. Гавел и Киш, если не приняли решения эмигрировать, снова в тюрьме. К Мазовецкому и Михнику — в самом лучшем случае — приходят угрюмые типы и расспрашивают о подозрительных контактах с неким Бжезинским. И представим себе еще: 15 лет тому назад кому-то приходит в голову мысль, что Гавел будет президентом, Мазовецкий — премьер-министром, Михник — главным редактором самой крупной в странах Центральной и Восточной Европы газеты, Киш — профессором университета... 1989 год для людей из-за "железного занавеса", пожалуй, навсегда останется символом реальности нереального. Того, что сны становятся явью. Из Вены Гавел отправился в президентский дворец, Киш вернулся в университет, Мазовецкий — в Сейм, Михник — в редакцию.

Конференция "Десять лет спустя после 1989 года" состоялась в Вене 26-27 июня 1999 Темы и участники дискуссии:

Мир без СССР: международный порядок будущего (Збигнев Бжезинский, Сергей Кириенко, Вольфганг Шюссель) Победил ли рынок? Рынок без врагов (Курт Биденкопф, лорд Роберт Скидельский, Патриция Хьюитт) Что осталось от 1989 года? (Вацлав Гавел, Виктор Клима, Адам Михник)

Вне левых и правых. Идеологические отличия посткоммунизма (лорд Ральф Дарендорф, Александр Смоляр) Ценности в политике: нравственность и политический порядок (Даниэль Кон-Бендит, Янош Киш, Тадеуш Мазовецкий, Алан Вольф)

Преобразованный коммунизм (Джорджо Наполитано, Александр Квасневский)

лорд Рольф Дарендорф — британский ученый-философ и политик. лорд Роберт Скидельский — британский политолог и философ, автор книги "Мир после коммунизма". Даниэль Кон-Бендит — бывший лидер молодежного протеста в Париже в 1968 году, депутат Европейского парламента.

Янош Киш – известный венгерский философ, бывший диссидент.

проф. Кшиштоф Михальский - философ, директор института знаний о человеке в Вене.

Александр Смоляр — бывший деятель польской демократической оппозиции, один из лидеров Унии Свободы. Адам Михник — бывший диссидент, ныне главный редактор "Газеты выборчей".

gazeta

Александр Липатов

ТРУДНОЕ СОСЕДСТВО

Липатов Александр Владимирович (род. в 1937г.) — полонист, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, профессор РГ Гуманитарного Университета. Автор многих публикаций, в частности, трех книг: "Возникновение польского просветительского романа", "Формирование польского романа и европейская литература (средневековье, возрождение, барокко)", "Литература в кругу шляхетской демократии". Постоянно публикуется в журнале "Славяноведение".

Абсолютная внутренняя гармония присуща только мифам и утопиям. Таков, например, живущий по сей день (ибо по сей день идеологически эксплуатируемый политиками) миф славянского единства. Миф этот разваливается при первом же конкретном сопоставлении как с внутринациональной историей прошлого (вспомним бесконечные междоусобные распри Древней Руси, Польши и других западно- и южнославянских государственных объединений), так и с историей нашего времени (распад СССР, Чехословакии, Югославии). Миф славянского единства рушится и при сопоставлении его с историей внешних межславянских отношений: известные примеры традиционных антагонизмов соседствующих славянских собратьев — русских и украинцев; украинцев, русских и поляков; поляков и чехов; болгар и сербов; сербов и хорватов — достаточно красноречивы. Миф славянского единства раскалывается также ввиду исторической принадлежности славян к разным конфессиям (православию, католичеству, протестантизму, мусульманству) со всеми вытекающими отсюда последствиями в сферах национальной культуры, менталитета, отношения к другим этносам, внутри- и внешнеполитической ориентации. Точно так же это просматривается и

внутри самого христианства. Объединяя народы духовно, христианство не смогло предотвратить политических конфликтов, национальных распрей, государственных притязаний, равно как и личных амбиций правителей внутри самой христианской ойкумены.

Однако политика, экономика и культура не только разъединяли, но и соединяли разные народы и государства одного континента. Все это в достаточной полноте проецировалось на взаимоотношения русских (и шире — всего связанного с православием восточного славянства) и поляков.

Наряду с войнами и вопреки им русскому культурному самосознанию хорошо известна та особая, исключительная роль, которую Польша — ее культура, наука и словесность — сыграла в жизни русских в XVII веке (значительно раньше она сыграла эту роль в жизни украинцев и бело-

русов в силу самого их бытия в границах Польско-Литовского государства), когда при посредничестве польского барокко — еще до петровских времен — началось вхождение Московии в западноевропейскую современность. Сформировавшиеся тогда связи (коренящиеся в предшествующей традиции) заложили основы такого культурного взаимодействия, которое с разной степени интенсивностью просматривается вплоть до нашего времени (достаточно вспомнить роль польской литературы, кинематографа, музыкального искусства, наконец, самой моды в Советском Союзе начиная со времен "оттепели").

Параллельно — с давних времен — собственно политические конфликты и связанная с ними официальная национально-государственная идеология порождали и с большим или меньшим постоянством поддерживали и актуализировали негативные образы и отрицательные стереотипы во взаимных представлениях друг о друге как у русских, так и у поляков. Это отложилось не только в общественной памяти двух народов, но порой и в научных представлениях, не говоря уже о литературе и публицистике.

Поляки не могут забыть насилия России над их родиной, ибо сама Российская империя, а затем ассоциирующийся с ней империалистический СССР постоянно это насилие возобновляли и исторически наслаивали, выковывая непрерывную цепь национального порабощения и тем самым провоцируя героичные и трагические попытки непокорной нации эту цепь разорвать.

Участие России в разделах Польши и в ликвидации ее государственности, жестокое подавление восстаний, вызванных неуважением официальных властей к нации и ее культурно-историческим традициям, ограничения гражданских прав и общественной жизни, наконец, насильственная русификация — таков был удел поляков начиная со второй половины XVIII века вплоть до 1918 г., когда они обрели независимость. Новая угроза только что обретенной государственности возникла уже в 1919-1920 гг., когда Красная армия двинулась на Польшу, чтобы, реализуя большевистскую идею мировой революции, войти в Германию и содействовать немецким коммунистам в установлении своей

власти. Потом наступили преследования советских граждан польской национальности, ограничения и последовательное сведение на нет польской культуры в пределах СССР, совместное с фашистской Германией нападение на Польшу в сентябре 1939 г., массовые репрессии и депортация поляков с "освобожденных" земель, а в 1940 г. — уничтожение свыше 21 тысячи польских военнопленных в Катыни, Осташкове, Старобельске и других лагерях и тюрьмах. В 1944 г., началось насаждение на польских землях марионеточного режима, затем последовали репрессии, общественные и культурные ограничения, бесцеремонное вмешательство во внутреннюю жизнь страны, постоянная поддержка и контроль установленного тоталитарного режима под названием "Польская Народная Республика" вплоть до 1989 г.

Эта долгая традиция трудного соседства не могла не сказаться на самой психике поляков и их умонастроениях, не могла не внедрить в их сознание комплекс врага, создавая синдром постоянной "угрозы с Востока", что уже на наших глазах вылилось в стремление войти в НАТО. Для поляков это был не акт антирусской агрессивности, но способ спасения от исторически постоянной угрозы. Одновременно это было и проявление глубинного стремления освободиться от комплекса страха перед "Востоком", от неуверенности в своем национальном самостоянии в соседстве Большого Брата во славянстве.

В то же время параллельно этому (по крайней мере начиная с Мицкевича, который в период политической высылки в глубь империи познал Россию изнутри, обрел здесь близких друзей и литературное признание) в части польского сознания присутствует осмысление исторического бытия как бы двух Россий: официальной — чужой и враждебной — и неофициальной, которую составляют традиционная (народная) культура и высокая русская культура, притягательная и близкая своими общими для Европы ценностями.

Сейчас, когда Россия, пытаясь сбросить балласт, усложняющий ее вхождение в общеевропейский дом, стремится к осмыслению своих исторических свершений и просчетов, своего вклада в сокровищницу общечеловеческих ценностей и своих прегрешений перед человечеством и человечностью, особенно остро ощущается необходимость преодоления традиционных стереотипов мышления. Подобная проблема остро ощущает-

ся и в Польше, стремящейся к освобождению — не только от наследия тоталитаризма, навязанного ей советским "извне", но и от своих "исконных" национально-исторических стереотипов и комплексов провинциализма, отсталости от Запада. А для того, чтобы лучше понять самого себя: свою историю, культуру, свое место в прошлом и настоящем окружающего нас мира, — стоит увидеть себя также глазами других. Такой ракурс поможет не только более адекватно воспринимать этих "других", понимать их боли и обиды, но и — увидев себя со стороны — сбавить свою гордыню, умерить претензии на свою исключительность, а то и признать свою вину.

После крушения коммунистического режима у нас много говорится о покаянии, связанном с осознанием вины перед родиной, родным народом, родной культурой. Но будет ли полным такое покаяние без осознания своей вины перед другими? Смогут ли эти другие без нашего самоосознания увидеть в нас не только географических соседей, но и соседей под общим кровом европейской цивилизации? И вообще: насколько хорошо мы знаем друг друга? Насколько нам удалось преодолеть зашоренность официальной науки, ограничения идеологических стереотипов, насаждавшихся официальными властями в историческом и недавнем прошлом, догматизм, узость и однобокость учебно-образовательных программ советского времени?

Такие вопросы привели нас, коллег по работе на историко-филологическом факультете РГГУ, к необходимости встречи с польскими коллегами — с теми из них, кто открыт к диалогу.

Прямые, неофициальные, лишенные какойлибо бюрократической чинности переговоры с коллегами из Варшавского и Ягеллонского университетов, а также Краковской педагогической академии быстро привели нас к совместному решению о том, что "Российско-польский семинар" (как мы назвали предстоящую встречу) начнется 11 ноября 1997 г. Просто в силу профессиональной занятости раньше не могли поляки, а позже — мы.

Божий перст? Стечение обстоятельств? Буквально накануне, в суете приготовлений, мы осознали, что для наших гостей это национальный праздник: 11 ноября 1918 г. была провозглашена независимость Польши. К двум "официальностям" (международная встреча плюс националь-

ный праздник) прибавилась третья: оргкомитет был извещен о том, что нас желают посетить польский посол Анджей Залуцкий и сотрудники посольства, занимающиеся вопросами науки, культуры и образования.

Все эти три "официальности", наложившись одна на другую, не утроились, а аннигилировались, что было предопределено составом участников и самой созданной ими атмосферой встречи. Четыре дня общения завершились "круглым столом", в котором наряду с учеными принимали участие литераторы, журналисты, представители других профессий — все, кого интересует русскопольское прошлое, привлекает русско-польское настоящее, волнует русско-польское будущее. Так сугубо научные проблемы обрели непосредственный выход в общественно-культурную жизнь современной России и Польши.

Осознание необходимости совместного преодоления русско-польского взаимонепонимания в прошлом и настоящем для достижения взаимопонимания теперь и в будущем, ощущение профессиональной совместимости и искренней благожелательности — все это привело к тому, что польские коллеги предложили продолжить начатый диалог, сделать его постоянным. Было намечено провести следующую встречу в Кракове — там, где в 1364 г. открылся первый польский университет, в котором наряду с поляками учились представители Западной и Восточной Европы.

Вторая встреча состоялась в октябре 1999 г. Она была названа "Польско-российский семинар. Интеллигенция. Традиции и новое время". Ее материалы будут изданы в Польше. Об атмосфере этой встречи, ее научной и общественной значимости свидетельствует единодушное решение запланировать следующий семинар.

Естественно, что открытый обмен мнениями в силу самой своей внутренней сути предполагает, а тем самым оправдывает любые высказывания.

Некоторые давние расхождения в оценках и позициях в какой-то степени просматривались на обоих семинарах, причем такого рода "разночтения" прошлого в настоящем были связаны отнюдь не с национально-государственной принадлежностью того или иного автора, а с авторским типом мышления. Это уже знак нашего времени. Нынешняя возможность открытого обсуждения не предполагает необходимости во всем и со всеми

соглашаться: императив всеобщего единомыслия присущ идеологии и внеположен науке. Насаждаемое в государственном обществе единомыслие упраздняет подлинную науку, делает ее ненужной: режиму для самосохранения нужна идеология. Свободное же мышление порождает науку и делает ее необходимой для самостояния культуры, самореализации личности и самосохранения гражданского общества.

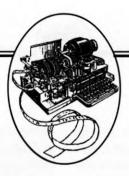
Именно такая — не подчиненная преходящим требованиям политики и потому не ограниченная схемами идеологических стереотипов мышления — наука помогает объективно осознать творимую человечеством реальность, а тем самым преодолеть созданные человеческим прошлым искусственные барьеры националистических, великодержавных и конфессиональных предрассудков, освободиться от мессианских и утопических мифов, которые веками создавала идеология.

На фальши и лжи невозможно строить не только межличностные, но и межнациональные, и межгосударственные взаимоотношения. Сокрытие истины, извращение фактов не может сближать: это лишь отталкивает и разделяет. Сказанная у нас правда о тайном договоре между СССР и нацистской Германией, о Катыни и Варшавском восстании не проложили очередного водораздела между русскими и поляками. В Польше, где "неофициально" все это было всем и всегда хорошо известно, официальное признание фактов вызвало чувство уважения и доверия к тем, кто на такое решился вопреки идеологическим табу. В России, где все это было вне массового сознания и общественной памяти, очередная — в процессе ликвидации "железного занавеса" и снятия "ежовых рукавиц" внутреннего правления — правда помогла глубже осознать не только суть своего недавнего прошлого, но и сущность отношения поляков к "русскому вопросу" их национальной истории. Эта правда помогла также понять, почему насаждаемое во времена "реального социализма" единство "стран народной демократии" с крушением СССР и возвращением его войск в собственные пределы мгновенно рассыпалось в прах, почему бодрые гимны "дружбы советского и польского" (как, впрочем, и всех других, называемых тогда "братскими") народов обратились в траурные марши, а общность цели ("вперед, к коммунизму") раскололась на решительное движение Польши (и всех других "братских стран", а также некоторых бывших "советских республик") к ЕС и НАТО, официальной же России — к бессильно-агрессивной тоске по утраченной великодержавности и гневному неприятию такой самостоятельности недавних "младших братьев".

В глазах, не затуманенных очередным идеологическим чадом, в сознании, не помутневшем от политического угара, эта слепая реакция властей уподобляет всю Россию (с которой правящая элита самоуверенно себя отождествляет) истеричной брошенной женщине, не желающей знать, как жалко выглядит ее поведение со стороны, и потому не находящей силы и разума взять себя в руки, чтобы окончательно не опуститься, сохранить собственное достоинство, осознать самое себя в изменившейся жизни, устанавливая новые отношения в новых обстоятельствах.

Политика — дама переменчивая, капризная и коварная, порой и не дама вовсе, а поверхностная, ограниченная и вздорная бабенка, временами же — как с солдатской прямотой изрек Пилсудский — просто курва. Так можно ли такой особе полностью доверять? Стоит ли только ее уполномочивать в определении "своих" и "чужих", "друзей" и "врагов"? В состоянии ли она одна выяснять и указывать, какие должны быть отношения между народами, их культурами, их представлениями о прошлом и настоящем, их планами на собственное будущее?

В условиях недостаточности, а порой и отсутствия общего языка в межгосударственной и межнациональной политике общий язык науки обретает смысл и значение, выходящие за ее собственные пределы. Состоявшийся и получивший естественное продолжение диалог российских и польских ученых может способствовать тому, что не всегда под силу политикам: раскрытию правды, облегчению сотворенных и творимых правителями и идеологами трудностей нашего соседства. А от соседства этого нам не уйти: географию, в отличие от политики, законодательства, моды или супружества, нельзя ни изменить, ни переделать.

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- : Президент Александр Квасневский в 60-ю годовщину катынского преступления: "Преступление, совершенное НКВД против 21 857 польских офицеров и заключенных (...) поражает безжалостностью, хладнокровным расчетом, бесчеловечным цинизмом. Беззащитных военнопленных необъявленной войны казнили без суда, без приговора, нарушая все международные конвенции и нравственные законы. (...) расстреляли элиту Речи Посполитой (...) Наше государство, наш народ, наши традиции должны были оказаться раз и навсегда вычеркнутыми из истории. Тогда в Катыни расстреливали Польшу (...) Правде о Катыни предстояло быть навеки скрытой (...) Катынь была и остается тернием в нашей памяти (...) Давая свидетельство правде (...) не будем оборачивать расчет с прошлым друг против друга. С такой вестью, с такой надеждой обращаюсь я сегодня к России и русским. Это было преступление бесчеловечной системы, в котором мы не можем винить целый народ. Жертвами этой системы стали также миллионы русских и людей других национальностей (...) В ужасающем архипелаге ГУЛАГ поляков соединяло с нашими соседями братство в страдании". ("Газета выборча", 14 апреля)
- В день, когда начиналась траурная церемония, посвященная годовщине катынского преступления, президент Путин по телефону уведомил президента Квасневского о том, что открыто новое место захоронения жертв, и предложил вести совместное расследование с участием польской и российской прокуратуры. Польша по-прежнему разыскивает место, где погребены около 7 тыс. человек, казненных в 1940 году. ("Газета выборча", 13 апреля)
- •• Премьер-министр Ежи Бузек в телевизионном выступлении: "С тяжелым от воспоминаний, но и с чистым сердцем хочу сказать нашим русским соседям, перенесшим в сталин-

- ские годы такие жестокие испытания: мы не виним за Катынь весь русский народ. Мы знаем, как много его сыновей и дочерей поглотила родная земля. Катынь, символ польского мученичества, может стать символом общей памяти, заставляющим вместе преодолевать недобрую часть истории и в согласии трудиться ради будущего, ради взращивания дружеских чувств между поляками и русскими и созидания дружественных отношений между нашими государствами". ("Газета выборча", 13 апреля)
- •• Архиепископ Юзеф Житинский в катынскую годовщину: "Нам нельзя винить русский народ в катынской трагедии. Ибо народ этот жил под таким же гнетом, как и мы, так же претерпевал насилие и произвол. Этот народ породил многих прекрасных людей, сумевших протестовать против системы (...) Освенцимская ложь нередко бывает продуктом больной психики людей, которым хочется прославиться оригинальной интерпретацией. Катынская ложь была продуктом больной системы (...) С тем большим уважением мы склоняемся перед теми, кто имел и имеет смелость говорить на языке, в котором правда ценится выше политической корректности". ("Газета выборча", 10 апреля)
- •• Из письма в редакцию: "Шестьдесят лет тому назад в Катыни погибли мой дед и его брат (...) Считаю, что как внук катынской жертвы я имею право предложить обратиться из Катыни к русским со словами прощения. Как кладбище в Вердене стало 15 лет назад символическим местом примирения французов и немцев, так и катынское кладбище должно послужить делу преодоления взаимных предубеждений между поляками и русскими, необходимого для нашего будущего". ("Жечпосполита", 21 апреля)
- •• За три года исследовательской работы комиссии экспертов центра "Карта" удалось установить на основе документов численность по-

ляков, репрессированных советскими властями в 1939-1945 гг. — 566 тыс. человек. Доступ к бывшим советским архивам обеспечили главным образом неправительственные организации России и Украины. Белорусские власти не дают ответа на просьбы о правовой и архивной помощи. ("Жечпосполита", 18 апреля)

- •• За последние пять лет в Польшу вернулось из-за границы примерно 500-800 тыс. поляков, главным образом предпринимателей, художников, спортсменов, врачей и др. специалистов. Крупнейшая группа среди них эмигранты 80-х, когда Польшу покинуло около 2 млн. граждан. ("Впрост", 9 апреля)
- Зубной врач Войцех Рынцаж полгода зарабатывает деньги в Варшаве, а следующие полгода тратит их на лечение нищих и буддийских лам в Катманду. Он основал там клинику, куда приезжают терапевт из Франции, окулист из Англии и стоматолог из Польши (из Познани). Четверо лам из тамошнего монастыря уже изучают медицину в Варшаве благодаря стипендиям, полученным от Рынцажа, который учредил для этого особый фонд. ("Жечпосполита", 7 апреля)
- •• Гонорий Захария К., гражданин Танзании и выпускник Медицинской академии в Варшаве, имеющий постоянный вид на жительство в Польше, получил от Главного врачебного совета право работать по специальности (несмотря на два отказа окружной врачебной палаты). ("Жечпосполита", 18 апреля)
- •• 40-50 тыс. поляков работают в Германии на сборе спаржи. Среди 223 тыс. сезонных рабочих из Центральной и Восточной Европы, работающих в Германии, 200 тысяч приезжают из Польши. ("Жечпосполита", 21 апреля)
- В 1999 г. в Польше побывало 89 млн. иностранцев, выдано 16 518 временных видов на жительство (до двух лет), позволено поселиться в стране на постоянное жительство 492 иностранцам. ("Жечпосполита", 3 апреля)
- В 1999 г. Министерство внутренних дел и администрации выдало иностранцам 1553 разрешения на покупку 2687 гектаров земли. Фирмы и отдельные лица из Германии получили 621 разрешение, голландцы 187. На следующих

местах (по порядку): датчане, французы, американцы. Российские граждане получили 14 разрешений, вьетнамцы — 11, греки — 10, израильтяне — 7. ("Жечпосполита", 10 апреля)

- В соответствии с графиком введения в действие нормативов Европейского союза, Польша до конца 2002 г. должна ввести визы, в частности, для граждан России, Украины и Белоруссии. ("Газета выборча", 11 апреля)
- •• После вступления Польши в ЕС Европейская комиссия сохранит пограничный контроль на границах стран ЕС с Польшей, так как Польша не в состоянии успешно контролировать границы с третьими странами. Польская погранохрана плохо оплачивается, ей не хватает современного оснащения и квалифицированных кадров, а таможенные службы коррумпированы. В прошлом подобные строгие меры применялись на границах с Италией и Грецией. ("Жечпосполита", 11 апреля)
- •• В списке 47 конкурентоспособных стран, составляемом International Institute of Management Development, Польша продвинулась с 44-го на 40-е место. Составители списка оценивают темпы развития, интернационализацию экономики, правильность решений, принимаемых властями, управление, технологический прогресс, заботу о работниках. ("Жечпосполита", 19 апреля)
- •• 39 млрд. долл. инвестировали в Польше иностранные фирмы это самая большая сумма среди стран Центральной и Восточной Европы. Однако в пересчете на душу населения Польшу опередили Венгрия, Эстония, Словения и Чехия. ("Впрост", 16 апреля)
- Российские предприятия инвестировали в Польше 958 млн. долл., в т.ч. "Газпром" 1,1 млн., а "Снежка-Инвест" 2,6. О других трудно сказать что-либо определенное. Общество "Польша Россия" объединяет свыше 20 тыс. членов, имеет отделения во всех воеводствах, а его годовой бюджет равен примерно 6 млн. злотых. Для сравнения: бюджет Общества польско-французской дружбы полмиллиона злотых, хотя объем торгового оборота с Францией на миллиард долларов выше, чем с Россией. ("Впрост", 9 апреля)

- Андрей Федоров, директор Программного совета внешней политики и безопасности, бывший замминистра иностранных дел РФ: "Отношения между Россией и Польшей сейчас хуже, чем во все предыдущие годы (...) В этом виноваты обе стороны. Россия не до конца освоилась с новым местом Польши в Европе (...) Польша, в свою очередь, не доверяет России (...) Это скорее политико-психологическая, нежели реальная проблема. А ведь мы не враги. Польша нужна России для транзита сырья на Запад, для решения проблемы изоляции Калининграда, когда вы и прибалтийские страны вступите в Европейский союз (...) Нужна встреча президентов, и я думаю, что при первом удобном случае она произойдет". ("Газета выборча", 10 апреля)
- Из отчета о международной конференции "Польша — Восток-2000", состоявшейся в Люблине 7-9 апреля при участии премьер-министров Польши и Украины: "Пока ничто не указывает, будто Москва готова изменить свое отношение к Польше. Об этом свидетельствует хотя бы отсутствие в Люблине официальных представителей России. Посол России в Польше Сергей Разов лишь ненадолго заглянул на конференцию (...) "Москва не сделает первого шага с целью улучшения польско-российских политических отношений", — сказал Анатолий Трынков, глава пресс-службы "ЕЭС России". (...) У многих участников люблинской конференции не было иллюзий насчет того, что Москва использует политические рычаги в экономических целях". ("Жечпосполита", 10 апреля)
- •• Станислав Лем: "Соседей мы не сменим, а расположена Польша, что весьма горько, между двумя вулканами: западным и восточным, немецким и российским. Российский вулкан тихо бурлит, немецкий к счастью, угас (...) ничто не предвещает, что Путин будет особенно склонен договариваться и сотрудничать с нами (...) Трудно ожидать, что Россия будет нам благоприятствовать. У меня самого там много друзей, поэтому мне горько все это говорить, тем более что русскую культуру и науку я высоко ценю", ("ТП", 9 апреля)
- Из тезисов доклада министра иностранных дел Бронислава Геремека, представленных ко-

- миссии по иностранным делам Сейма. Главный элемент нормализация отношений с Россией. Положительные показатели во взаимоотношениях хозяйственная активность, заинтересованность России транзитом электроэнергии, нефти и газа через Польшу, благожелательное отношение к польским начинаниям, телефонный звонок президента Путина президенту Квасневскому об открытии нового места погребения поляков. Приоритетами внешней политики остаются интеграция в ЕС, политика безопасности, пропаганда достижений польской экономики на международной арене, место, занимаемое Польшей среди окружающих её стран. ("Жечпосполита", 14 апреля)
- Из письма в редакцию Кшиштофа Фелицкого: "Есть что-то недостойное в том, что польское государство обладает одним из богатейших в мире собранием русских икон (музей в Лидзбарке-Варминском), накопленных с помощью контрабанды, и никому не приходит в голову, что это собственность России, что мы обязаны это вернуть, даже если формально можем оставить себе". ("Газета выборча", 10 апреля)
- Учителя, родители и учащиеся неполной средней школы в Дмозине (близ Лодзи) выбрали покровителем школы Яна Бжехву, поэта, известного многочисленными стихами, повестями и сказками для детей (переводившимися и на русский язык). Среди части выпускников школы и родителей это вызвало протесты, так как среди предков Бжехвы были евреи. Кто-то повесил на дереве перед школой веревочную петлю, а отец настоятель заявил, что "еврейское знамя освящать не будет". Епископская курия предложила священнику воздержаться от дальнейших высказываний. Учительский совет и учащиеся своего решения не переменили и закрепили за школой имя Яна Бжехвы. ("Газета выборча", 11 апреля)
- В связи с визитом в Чикаго гданьского священника Хенрика Янковского управление Чикагской архиепархии запретило ему "делать какие бы то ни было высказывания, которые могли бы быть восприняты как антисемитские или обидные для евреев. Неисполнение приведет к запрету о. Янковскому совершать святую Мессу и произносить проповеди на территории

архиепархии". Священник Янковский, известный своими антисемитскими выступлениями, был приглашен в Чикаго Конгрессом американской Полонии на празднование Дня Конституции 3 мая (конституции, принятой в 1791 г.). ("Жечпосполита", 20 апреля)

- •• 16 апреля иудеи и христиане вместе молились на местах памяти еврейских мучеников в варшавском гетто. Встреча закончилась на территории бывшего Umschlagplatz (места, откуда отправлялись эшелоны в Освенцим) словами молитвы Иоанна Павла II за еврейский народ. Традиционным организатором общей молитвы был Польский совет христиан и иудеев. ("Тыгодник повшехны", 23 апреля)
- Надписи: "Jude и цыган в газовые камеры" и "Польша полякам" появились на стенах еврейского кладбища в центре Освенцима. Через несколько часов местные журналисты закрасили надписи. ("Жечпосполита", 20 апреля)
- •• Премьер-министр Ежи Бузек обещал повлиять на министра финансов, чтобы тот принял меры против распространения расистской печати, а также обратился к министру юстиции, чтобы тот, в свою очередь, подверг расистские публикации уголовному преследованию. "Нужно показать, что закон действует". ("Газета выборча", 8-9 апреля)
- Во время встречи в верхах представителей 47 государств, состоявшейся в Стокгольме и посвященной памяти Катастрофы европейского еврейства (Холокоста), опубликованы результаты опросов общественного мнения. Что значит слово "Холокост", понимают 35% поляков, 82% немцев, 56% французов, 52% словаков. Участники встречи обязались проводить посвященную Катастрофе деятельность в области образования. Однако трудно не поддаться впечатлению, что значительная часть польской делегации быстро забыла о принятых в Стокгольме обязательствах. ("Впрост", 16 апреля)
- •• Дисциплинарная комиссия Опольского университета уволила историка Дариуша Ратайчака за "распространение освенцимской лжи" и на три года запретила ему преподавание в вузах. В книге "Опасные темы" Ратайчак написал, в частности, что циклон-Б использо-

вался не для массовых убийств, а для дезинфекции. ("Жечпосполита", 6 апреля)

- •• Проф. Вацлав Вильчинский: "Незнание состояния науки, недостаточная ориентация в реалиях окружающего мира — сегодня это, в общем, постыдные недостатки, тщательно скрываемые и исправляемые. Но не у нас. У нас можно хвастать своим невежеством, нагло провозглашать нетерпимые взгляды, за которые в других странах дисквалифицируют. Мало того, их представляют проявлением здравого разума, здорового, народного, национального, социального (выбор эпитетов по вкусу) сопротивления "ложным и вредным" учениям". ("Впрост", 23 апреля)
- •• Среднестатистический поляк съедает в год только 170 кг овощей и фруктов, грек свыше четырехсот. Между тем правильное функционирование нашего организма зависит от нескольких принимаемых в течение дня доз необходимых витаминов и микроэлементов. ("Впрост", 9 апреля)
- По предложению Совета валютной политики Польского национального банка правительство ввело свободный курс злотого: курс на рынке может колебаться без всяких ограничений. ("Жечпосполита", 12 апреля)
- •• Конституционный суд принял решение, что органы налоговой инспекции имеют право знакомиться с банковскими счетами и операциями, если возникают обоснованные подозрения в недобросовестности налоговых деклараций и государственная казна может понести на этом потери. ("Газета выборча", 12 апреля)
- "Принимая во внимание все средние цены, получается, что довольно скромный пасхальный стол на четыре человека должен стоить чуть больше 86 зл., почти столько же, сколько и в прошлом году". ("Газета выборча", 22-24 апреля)
- "Лояльность к правительству, добросовестность, беспристрастие и аполитичность (...) на этих началах возрастала Высшая школа государственной администрации (...) Школа праздновала свое десятилетие в Королевском замке [в Варшаве]. (...) Чтобы попасть в нее, нужно уже иметь высшее образование и быть не стар-

ше 32 лет. В этом году на одно место — 11 кандидатов. Обучение продолжается двадцать месяцев". ("Жечпосполита", 17 апреля)

- •• Анджей Олеховский, бывший министр иностранных дел, кандидат на пост президента: "Мы еще только размышляем над тем, какое место занимает президент в нашей стране. Если говорить о конституционных полномочиях, оно незначительно, но оно может быть очень важным, когда речь идет о направленности дел в государстве. Я глубоко убежден, что с этим лучше справится президент, созидающий свой личный авторитет, а не подпирающийся авторитетом партии (...) думаю, что есть возможность выработать беспристрастные мнения". (ТП, 23 апреля)
- Муниципальный советник Зенон Куфель (Грудзёндз): "Я слишком опытный политик, чтобы не знать, что кто бы из левых ни был президентом (мэром) города, правым он не понравится". ("Газета грудзёндзка", 7 апреля)
- Проф. Виктор Осятынский: "Каждый, кто голосовал за люстрацию, знал, что создает инструмент внутренней разборки в рядах [бывшей] демократической оппозиции". ("Газета выборча", 5 апреля)
- Бессонница мучит третью часть всех поляков, но все-таки поляки спят лучше других. "Не исключено, что через четыре года мы догоним Европу и будем спать так же плохо, как англичане или немцы". ("Газета выборча", 11 апреля)
- Открыта первая в Польше платная автострада. Плата за 60 км проезда по шоссе Краков — Катовице — 8 зл. с легковой машины, 20 — с грузовика. В первые дни движение сократилось на 30%. (ТП, 11 апреля)
- Число пешеходов, погибших в Польше под колесами автомобилей, составляет 63 человека на миллион населения. В Голландии — семь человек на миллион. ("Жечпосполита", 11 апреля)
- Вождение автомобиля в состоянии алкогольного опьянения будет преступлением (а не административным правонарушением, как до сих пор), за которое полагается до двух лет

тюрьмы. За несчастный случай со смертельным исходом, вызванный опьянением водителя, будет грозить пожизненное лишение прав. Эти меры утвердил Сейм при внесении изменений в Уголовный кодекс. ("Жечпосполита", 15-16 апреля)

- "Машина с надписью "такси" сегодня не вызывает доверия. (...) Судьи постановили, что таксисты не обязаны представлять справку об отсутствии судимостей. Таким образом не исключено, что мы сядем в такси, водитель которого был осужден за изнасилование, разбой или хотя бы мошенничество (...) Больше всего проблем (...) с водителями, не входящими в корпорацию таксистов. Именно на них подается больше всего жалоб". ("Жечпосполита", 3 апреля)
- •• 62% опрошенных ЦИОМ-ом высказались за расширение полномочий полиции на использование огнестрельного оружия в погоне за преступниками. ("Газета выборча", 22-24 апреля)
- "Мы должны особенно бдительно наблюдать за общественной реакцией, когда слабеет государство, когда снижается успешность работы полиции и доверие к органам правосудия как это происходит сейчас в Польше. (...) когда государство не выполняет свою роль, суд Линча стоит на пороге. Именно сегодня мы не должны забывать об этом предостережении" (Яцек Жаковский, "Газета выборча", 14 апреля)
- В тюрьмах и следственных изоляторах находится свыше 60 тыс. человек. Уже в августе там не будет хватать мест. Если заключенные решат добиваться своих прав судебным путем, Польша в очередной раз может оказаться униженной приговором Европейского суда по правам человека. Пока что лучшее противоядие на трудности пенитенциарной системы — низкая эффективность органов правосудия, в результате которой многим делам грозит закрытие за истечением срока давности. Страшно и подумать, что бы было в тюрьмах, если бы суды работали успешно. ("Впрост", 23 апреля)

- Польша проиграла в Европейском суде по правам человека два дела по жалобам ее граждан. Суд вынес постановление о том, что обстоятельства задержания Витольда Л. не давали оснований поместить задержанного в вытрезвитель. По другому делу постановлено, что Янина Д. слишком долго дожидалась приговора. Обоим жалобщикам правительство Польши обязано заплатить 38 тыс. зл. за нанесенный ущерб и вернуть судебные издержки. ("Жечпосполита", 5 апреля)
- По постановлению окружного суда в Варшаве Януш Шпотанский, в 60-е годы приговоренный к трем годам тюрьмы за стихотворный политический памфлет, получит 74,4 тыс. зл. за понесенный ущерб. ("Жечпосполита", 20 апреля)
- •• Бывший начальник внутренних войск отставной генерал Эдмунд Б. и отставной полковник Эдмунд Ч. предстанут перед окружным военным трибуналом в Познани по обвинению в проведении репрессий в сталинские времена. В обвинительном заключении перечислены 36 имен потерпевших, а в списке свидетелей обвинения 96 человек, в большинстве своем жертв. ("Жечпосполита", 22-24 апреля)
- •• Полковник Збигнев X., арестованный в 1999 г., обвинен в шпионаже в пользу СССР и России. ("Газета выборча", 13 апреля)
- •• Сейм одобрил ратификацию президентом протокола №6 к Конвенции о защите прав человека и основополагающих свобод, в котором говорится: "Никто не может быть приговорен к смерти. Смертная казнь не будет исполняться, даже если вынесен такой приговор. Она допустима только в военное время". ("Жечпосполита", 17 апреля)
- Китайского соловья с выбитым глазом и выдерганными перьями выкупил у владельца зоомагазина за 150 зл. и передал в вольер зоопарка Аркадиуш Шаронец. ("Газета выборча", 19 апреля)
- В мусорной урне возле памятника Фредерику Шопену в крупнейшем варшавском парке Лазенки найден мертвый младенец. ("Газета выборча", 19 апреля)

- По данным министерства труда и социальной политики за 1999 г., 55 913 детей воспитываются в 42 420 приемных семьях, а 23 865 в 534 детских домах, центрах усыновления и опеки, приемных пунктах опеки. ("Впрост", 23 апреля)
- Кончился зимний период, защищающий жильцов, приговоренных к выселению, от исполнения приговора. С начала ноября до конца марта никого нельзя было выбросить на мостовую. ("Газета выборча", 12 апреля)
- Верховный суд вынес постановление о том, что владельцы частных жилых домов не имеют права назначать квартплату произвольно, а должны исходить из ставок, принятых местным советом. (ТП, 9 апреля)
- Анджей Вайда после вручения ему "Оскара": "Я знаю, что поляки больше всего хотели бы выиграть в футбол, но пока что это невозможно. Придется вам удовольствоваться "Оскаром"". ("Впрост", 9 апреля)
- * "Возвращение Анджея Вайды из Голливуда приветствовали у нас почти так, как обретение независимости в 1918 г. (...) Поляков характеризует истерическое торжество по случаю любой награды, любого малейшего успеха, жажда получить признание (...) Мы получаем то, чего желаем: дешевое лекарство против комплекса "участия во второй лиге". Этот комплекс резко обнаружился во время визита Майкла Джексона в Варшаву. Его торжественно принял президент Квасневский с супругой, а зам. премьер-министра Гжегож Колодко долго дожидался, чтобы вручить ему свою "Стратегию для Польши". (...) Мы мало ценим события и людей, которые влияли на что-то решающее (...) только 2% поляков считают план Бальцеровича важным событием в истории Польши". (Станислав Янецкий, "Впрост", 16 апреля)

Валерий Мастеров

ЛАРЕК ДНЯ ПОБЕДЫ

Его хозяин жалеет, что отказался от танка

В многочисленных анкетах и опросах общественного мнения, подводящих итоги последнего десятилетия, как одно из важнейших событий большинство поляков называют вывод российских войск с территории Польши, завершившийся 17 сентября 1993 года. Еще двумя годами раньше в 59 гарнизонах были расквартированы 56 тысяч российских солдат. В их распоряжении были 598 танков, 1100 бронетранспортеров, 200 самолетов. Полигоны, военные городки, казармы занимали площадь более 70 тыс. гектаров. Это было государство в государстве со своими аэродромами, причалами и даже экстерриториальными городами, которых не было на общедоступных картах.

Польше были переданы почти 8 тыс. объектов, многие из которых после "евроремонта" используются под учреждения, гостиницы, рестораны, дома отдыха, отдельные виллы. Но, оказывается, сохранились чуть ли не единственные в Европе более достоверные следы пребывания советских и российских войск в Польше.

Унейовице. Польские коллеги в Варшаве говорили: доедешь до Легницы — оттуда рукой подать. Сам Михал кричал мне в телефонную трубку с расстояния четырехсот километров: "Спросишь Сабадаха — покажут". Оказалось, и вправду, личность не только известная, но и уважаемая: каждый считал за честь проводить до порога.

С большака надо свернуть в лес и метров двести подниматься в гору. Но это никого не пугает. Гостей тут всегда хватает. Заходят на чай, кофе, рюмку. Хлебосольного хозяина, готового откликнуться на любую просьбу, знает вся округа. Главное же теперь притяжение — Музей Советской армии. Частный.

С дороги, как водится в этом доме,

— за стол. Михал любит готовить, накрывает сам. В руках все горит. Мимоходом включает музыкальный центр. В репертуаре — более шестисот русских и советских песен: от Клавдии Шульженко до Маши Распутиной. Больше о Родине (для Сабадаха — бывшей), о войне, об армии. Самое время осмотреть экспозицию. Она рядом, начинается с самого большого, в 50 кв. м, зала.

Манекены в хорошо подогнанной офицерской форме, кажется, готовы козырнуть каждому входящему. Военное обмундирование — всех родов войск и званий, есть даже комбинезон летчика-сверхзвуковика, — на любой вкус. Гости любят пощеголять в форме советского офицера — хозяин только рад. Под стеклом и на стендах — документы, фотографии, знаки отличия, награды... О связи времен напоминает снимок нынешнего начальника Генштаба Войска Поль-

ского генерала Тадеуша Шумского среди военачальников из Москвы. В одном из углов под маскировочной сеткой переносная радиостанция. Бросается в глаза ракета класса "земля-воздух". На стенах и на столах — некогда секретные штабные карты. Богатая Лениниана: портреты, бюсты, почти шестьдесят томов ПСС. Поневоле "холодок бежит за ворот" в "кабинете офицера КГБ": пишмашинка с русским шрифтом, красные папки с грифом "совершенно секретно". Но безусловная гордость хозяина необычной частной коллекции — двухметровый орден "Победа", украшавший еще недавно кабинет главнокомандующего Северной группы войск.

— Жалею теперь, что отказался от танка, — искренне сокрушается Михал Сабадах. — Ведь предлагали, когда российские войска выходили из Польши. Еще просили, чтобы выручил: по списку было сто, а стали считать — на один больше.

Михал Сабадах прославился как будто вдруг, но сразу. Как-то на День Победы пригласил ветеранов войны, соседей, местное начальство, ксендза и прессу. Нюх журналистскую братию не подвел: шесть телекамер, четыре радиомикрофона и сорок перьев в едином порыве отстрелялись об открытии частного музея Советской армии и о застолье по этому поводу.

Достопримечательность еще не попала в путеводители, а любопытствующий народ уже повалил. Причем не только из других воеводств, но и из Германии, Канады, Америки. Учителя истории стали привозить школьников на открытые уроки. Как-никак более тысячи оригинальных экспонатов. Местный краеведческий музей заревновал.

А ведь завязалось все, как в детективном романе.

Появился Михал в этих местах тринадцатилетним мальчишкой вместе с родителями в 1956 г., с последним транспортом репатриантов. Советская власть выселила из Станислава (Ивано-Франковска) на Украине — города, в котором родился. По-польски не знал ни слова, но язык выучил за полгода. Помнит суп из шишек, принадлежащую когда-то немецкому барону разваленную усадьбу, в которой был госпиталь, потом сельхозпредприятие.

В семидесятом у Сабадаха с приятелем уже была художественная мастерская. И не где-нибудь, а в средневековом замке Гродзец, в десяти километрах от усадьбы. Товар выходил, как он сам говорит, на злобу дня: "пропаганда успехов" требовала вдохновляющих лозунгов, бодрящих плакатов.

— Я тогда на Ленине хорошо зарабатывал, особенно перед Октябрьской годовщиной: за трехметровый портрет вождя мирового пролетариата отваливали больше двукратной зарплаты, — с удовольствием вспоминает Михал. — А тут как-то вижу: на двор замка въезжает кавалькада черных "Волг". Зароилось от офицеров. Чины не ниже подполковника. Прослышали, что здесь хранился архив плана "Барбаросса". Попросили показать замок. Я провел экскурсию на русском языке. Удивились и были довольны. Появилась скатерть-самобранка: запеченное мясо косули, икра, понятное дело — "Столичная"... Только потом я узнал, что оказался в компании с высоким гостем — генералом из министерства обороны СССР.

Спустя пару дней Сабадаха пригласили в Легницу, к военному начальству. Благодарность за удовольствие, доставленное московскому генералу, обернулась доверием. Михал получил пропуска в знаменитый "Квадрат" и во все близлежащие гарнизоны. Это говорило о многом: магазины "Военторга" вспоминают с теплотой даже сегодня.

Тогда Советской армии принадлежало почти 5% площади Легницкого воеводства — 18 254 гектаров земли и 1635 объектов, из которых 1100 — в самой Легнице. В 1956-1993 г. здесь был штаб СГВ и центр командования войсками Варшавского договора. В городе было расквартировано около 40 тыс. военнослужащих, а во всем воеводстве — почти 80 тысяч. За годы случалось всякое. Но вот поговорил я с соседями Сабадаха, повозил он меня по своим знакомым — и ничего дурного никто не хотел вспоминать. А вот о хорошем — наперебой: кто больше продал

армейцам картошки-капусты, как те помогали техникой, выручали с бензином. Всем почему-то запомнилось: только попеняли, что нет лаврового листа, так тут же кто-то из ближней части мешок привез. А как вылечивались у военных докторов: многим спас жизнь хирург Евгений Минаев, десятки глазных операций провел полковник Толкач, легендой стали кардиолог Евгений Некора и дерматолог полковник Демиденко. Вот бы им всем передать благодарный привет.

Для наших же офицеров усадьба Сабадаха стала отдушиной. Приезжали на шашлычок, отметить день рождения, послушать и попеть песни. А заканчивалась служба в Польше — на отходную опять же к Михалу. Да с каким-нибудь армейским сувениром. Так начала складываться коллекция.

13 декабря 1981 г., в день введения военного положения, в усадьбу въехал бронетранспортер. Прямо как с телеэкрана. Только из люка показался советский офицер — приехал проверить, не случилось ли чего с Сабадахом, который в это время возглавлял местную организацию "Солидарности". Увидел Михала, успокоился, коротко бросил: "Если что, дай знать". И укатил. Михал удивляется до сих пор:

— Мы вроде о политике и не говорили никогда. Как-то не было принято. К тем, кто у нас советских солдат называл оккупантами, я никогда даже не прислушивался. А стыдно было: ведь шестьсот тысяч полегли на польской земле. Вот в Югославии сейчас польские солдаты — они что, оккупанты? У нас всегда так: из одной крайности — в другую. Историю нельзя переписать. Можно только на время вырвать из нее несколько страниц. А из "Солидарности" я вышел, как только увидел, что в ее руководстве оказались политические банкроты — бывший секретарь райкома, кагебисты-отставники... В такой "Солидарности" я уже не мог себя представить. Между прочим, в предвыборную кампанию было много охотников поиспользовать мой музей — здесь же масса народу бывает. Отказал наотрез.

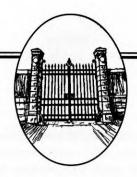
* * *

А прибывающим в музей экспонатам уже тесно в стенах усадьбы. В одной из открыток Михал сообщает: "Разыскал памятник первому главнокомандующему СГВ, маршалу Советского Союза и Польши Константину Рокоссовскому, который многие годы стоял перед Домом советских офицеров в Легнице. Веду переговоры о приобретении". Спустя пару месяцев уже приглашает: "Приезжай на открытие. Установил на усадьбе под открытым небом. Доступен даже в мое отсутствие".

...Теперь на каждый День Победы Сабадах приглашает к себе польских и российских ветеранов войны. В прошлом году Михал провел, как он отметил в приглашениях, "Первую всепольскую встречу поющих военные песни". Прошла на ура при огромном съезде гостей и беспрерывном концерте. А главное — при всеобщем единении в атмосфере семейной доброжелательности. Чему сам был свидетелем.

Унейовице — единственное в Европе на запад от Буга место, где "праздник со слезами на глазах" отмечается 9 мая.

Валерий МАСТЕРОВ Собственный корреспондент газеты "Московские новости" в Варшаве специально для "Новой Польши"

Виктор Кулерский

СОВЕТСКИЙ ОФИЦЕР

Начиналась вторая половина 70-х годов XX века. В Польше стояли советские гарнизоны. Берлинская стена держалась еще прочно и даже все прочнее — на крови смельчаков, пытавшихся ее преодолеть. Великим изгнанником того времени был Александр Солженицын, высланный с родины после выхода в Париже первого тома "Архипелага ГУЛАГ". В Кремле властвовал Брежнев, а в Варшаве правил свежеиспеченный кавалер ордена Ленина Герек. Идя навстречу стремлениям Кремля унифицировать всю советскую империю, он провел поправки к конституции, гарантирующие социалистический характер государства, руководящую роль партии и неразрывную связь с Советским Союзом, — польским солдатам приходилось присягать на пожизненную верность союзу с Советами. Польское народное образование тоже перестраивалось по советскому образцу, дополненному местными верноподданническими идеями. Одной из таких идей были "кабинеты памяти и перспектив" — своеобразные "красные уголки", которые следовало завести во всех школах. Памяти, разумеется, настолько селективной, чтобы она составляла верный фон для "светлых перспектив" передового общественно-политического строя.

Мой прежний воспитатель и учитель — мир душе его, — а тогда старший коллега в той же школе, где я у него когда-то учился, был в ужасе. "Нам надо чтото придумать, — говорил он. — Мы не можем выставлять армию на посмешище. В нашем городке все друг друга знают, люди хорошо помнят прошлое и видят, что творится теперь". Ян Котишевский участвовал в сентябрьской кампании 1939 г., был в советском плену, откуда бежал, благодаря чему, вероятно, и остался жив, а не полег в катынских рвах, потом служил в Армии Крайовой и, в конце концов, снова скрывался от НКВД. Позже он обучал меня физике, знанию природы и умению находить на дюнах кремневые орудия, дождями вымытые из песка, а ветром — открытые взгляду. "Нам надо что-то сделать, что-то придумать, пан Виктор", — повторял

К счастью, ни один из двадцати с лишним учителей не желал заниматься организацией этого "кабинета памяти и перспектив". Не только из принципа, но и из-за огромного количества дополнительной и, разумеется, бесплатной работы — тогда ее называли "общественной", — которую требовалось в это вложить. Директор школы мог, конечно, решить все дело в приказном порядке, но тогда ни на какой приличный результат надеяться не приходилось. После нескольких разговоров с паном Яном я готов был взять на себя это задание, но с некоторыми поправками. Мы пришли к выводу, что лучшим выходом будет создать кабинет истории нашего городка при том, что никто не станет вмешиваться в ход работы вплоть до ее окончания. Это значило, что мы ограничимся фактами, т.е. правдой о прошлом, не таком уж давнем, начинающемся всего лишь около 1794 г., когда название Качий [Утиный] Дол, сначала относившееся только к корчме на перекрестке дорог, впервые появилось на военной карте, а потом и в других документах. Такое решение давало возможность избежать лжи и ловушек догматизма. Официальная цензура нам не грозила, так как маленький музей предназначался для внутреннего пользования школы. Реальной оставалась угроза со стороны местного партийного и прочего начальства, а также всяких других усердствующих. Но я знал, что, вопервых, местная общественность будет на нашей стороне, а во-вторых, чиновники как огня боятся, что хлопоты, с которыми они не могут справиться, станут известны вышестоящему начальству. Таким образом надлежащая доза решимости позволяла преодолеть или переждать потенциальный натиск и довести дело до конца.

Работа по сбору и обработке материалов, принятие экспонатов на хранение, устройство металлических застекленных стендов и витрин, а также подсветки для них, подготовка помещения — все это заняло больше двух лет. Участие в этом принимали школьники и родители при поддержке шефствовавшего над нами завода и варшавских музеев. Экспонаты первобытной эпохи, раннее заселение затерянного в лесах места ссылки уголовными преступниками из Варшавы, зачатки промышленности, отблески восстания 1863 г. и революционных движений начала XX в., достигшие наших мест — все это не было нецензурным. Трудности начинались позже. Нашлись боевые награды за войну с большевиками 1920 г., экспонаты, связанные с частным заводом Ка-

зимежа Шпотанского, одного из пионеров польской электротехники; каким-то чудом уцелела табличка "улица маршала Пилсудского"; были получены документы, выданные советскими комендатурами нашим беженцам после вторжения Красной армии в 1939 г.; инженер местного завода был убит в Катыни; у нас действовал отряд Армии Крайовой, бойцы которого после многих боевых операций против немцев уже после войны отбили своих товарищей из советского лагеря в недалеком Рембертове; местные монахини спасли несколько десятков еврейских детей, а несколько десятков евреев, скрывавшихся не в монастырях, в конце концов были убиты либо теми, кто их скрывал, либо по их вине; были фотографии и списки уцелевших и затем выехавших в Израиль; названия советских лагерей предшествовали боевому пути от битвы под Ленино до Берлина, который у солдата I Польской дивизии закончился тюрьмой за неблагонадежность: вместе с советскими частями эта дивизия освобождала от немцев наши места в 1944 г., а солдат вернулся и поселился на прежнем месте битвы; один солдат Польских вооруженных сил на Западе передал нам свой мундир и боевые награды — еще трое боялись напоминать о своем прошлом. Наконец, было у нас и довоенное школьное знамя с белым орлом в запрещенной короне, а на другой стороне — тоже официально не одобряемая Матерь Божия. Бывший директор школы хранил это знамя во время немецкой оккупации в подушке, а потом, когда коммунистические власти проводили изъятие уцелевших символов независимой Польши, снова его туда зашил.

Зато у нас не было возможности показать подпольную типографию польской компартии, где в период между двумя мировыми войнами якобы печатался "Червоны штандар", потому что таковой у нас никогда не было. О ней говорилось в публикациях, ее показывали на фальсифицированных фотографиях, а на юбилейных выставках демонстрировали ее макет, но все это оказалось выдумкой ради политических нужд. Когда я спросил о ней нескольких бывших членов КПП, они дико расхохотались. Один из их товарищей, как и они, сапожник, хорошо заработал на этой мистификации. За сожженную во время войны деревянную халупу, где якобы находилась подпольная типография, он получил виллу, отнятую у "буржуя". Не удалось нам показать и нескольких героев, которые в 1943 г. учредили ячейку агентурной Армии Людовой. Окружающие запомнили про них две истории: как до 1943 г. они красовались в немецких мундирах, служа в автоколоннах, обеспечивавших отправку грузов на Восточный фронт, и как после 1945 г., уже будучи сотрудниками госбезопасности, они организовали провокацию, а затем провели арест группы старших школьников, осужденных вследствие этой провокации на многолетние тюремные срока.

В ходе работы выплывала нагая истина, скрыть которую было невозможно. О ней свидетельствовали вещественные доказательства, очевидцы.

Вся экспозиция был смонтирована в последний день перед открытием, накануне школьного праздника. Работа была закончена в час ночи. Утром ночной сторож по секрету сообщил мне: "Были! Приехали ночью, уже после двух. Осматривали, но недолго. На машине его привезли". Ага... "Его" — секретаря райкома партии... Вырванный посреди ночи из объятий сна, наверно не в полном сознании (тем более что была суббота) он, видимо, не присматривался слишком внимательно, так как директор не проявлял никакого беспокойства. Озадачили его только гости. Кроме партийных чинов прибыли отец настоятель, монахини из обоих монастырей и представители Еврейского исторического института из Варшавы. Я знал, что им не послали приглашений, и всем вручил приглашения лично. Но и меня встретила неожиданность. Начало торжественного открытия задерживалось. Все ждали директора. Наконец он появился, а вместе с ним, позвякивая орденами и медалями, группа офицеров из командования советской части, стоявшей в Рембертове! Соображал ли директор, что он делает? Оставалось рассчитывать только на пресловутое везенье да на незнание языка. Однако экспонаты говорили сами за себя. Но ничего уже не поделать.

Похоже, все гости оказались неожиданностью друг для друга. Сели все вместе (хотелось бы сказать экуменически) в первом ряду: секретарь райкома, священник, евреи из исторического института, монахини, советские офицеры... Кресты, поблескивающие серебром на черных рясах, соседствовали с пятиконечными красными звездами, а парадные советские мундиры были украшены разноцветными орденскими ленточками и шнурами, демонстрируя красочность "светлого будущего", отсутствовавшего на выставке. Директор, глядя на это необычайное собрание, играл свою роль до конца: приветствуя гостей, он назвал их всех по очереди, не пропустив никого. Это придало ситуации естественность и ослабило напряжение. Гости постепенно стали осваиваться со своей незаурядной компанией и даже об-

мениваться любезностями. Но все это было только начало.

После торжественного заседания не секретарь райкома, а мать варшавского повстанца, выпускника нашей школы, погибшего в 1944 г., перерезала ленточку, открывая новый исторический кабинет. Школьники, которые два года готовили выставку, служили гостям экскурсоводами, а после провожали их в банкетный зал. Наконец в кабинете остался только один, последний из гостей. Он не торопился. Шел, ничего не пропуская, от одного участка выставки к следующему. Внимательно читал все подписи и рассматривал исторические вещественные доказательства. Когда он наклонялся над витринами, на груди у него побрякивали ордена и медали. Он не подзывал школьников, вежливо сопровождавших его на некотором расстоянии. Не просил разъяснений. Понимал ли он по-польски? Это продолжалось долго, тревожно долго. В конце концов он остановился перед старым, выцветшим и отчасти истлевшим знаменем. Задрав голову, он молча стоял перед белым орлом в золотой короне, вышитым серебром. Потом обошел знамя и остановился перед Матерью Божией, в звездном ореоле возносящейся на облаках. Наконец повернулся, поглядел на нас без единого слова, без тени улыбки и твердым солдатским шагом пошел к выходу.

Что-то висело в воздухе. Кто это был? Замполит, политрук, то есть попросту красный комиссар, другого объяснения я не находил. Мои ученики радовались: наступил день их успеха, венчавший два года трудов, не говоря о гордости тем, что они открыли и выставили на всеобщее обозрение прошлое их дедов и отцов, их семей. Все они как будто стали выше ростом. Прощаясь, они от радости крепко обнимали меня. Из раздевалки, опустевшей после их ухода, я собирался пойти присоединиться к гостям в банкетном зале, как вдруг из-за колонны вынырнул офицер, тот же советский офицер, который так долго и подробно изучал каждую деталь экспозиции. Он отдал мне честь! Отдал честь, протянул руку и удержал мою в долгом крепком пожатии. "Спасибо, сказал он на чистом польском языке. — Спасибо вам. Никогда не думал, что нечто подобное в жизни увижу. Спасибо", — повторил он, снова отдал честь, повернулся кругом и исчез так же таинственно, как и появился.

Должно быть, прошло некоторое время, пока я добрался на прием, потому что лестницы и коридоры были пусты. Его там не было. Из зала доносился гомон разговоров. Мой офицер сидел с другими за

почетным столом и говорил по-русски. Переводчицей была наша учительница русского языка.

С течением времени это событие отдалялось, становилось все менее правдоподобным: может быть, оно мне привиделось, было плодом воображения. Иногда я уже не верил, что это действительно произошло. Особенно тогда, когда начались неприятности, внезапные инспекции, нападки местных лизоблюдов. После долгих столкновений, сражений и все-таки успешной защиты нашего кабинета наступили короткие времена "Солидарности", а за ними - введение военного положения. После 13 декабря 1981 г. пришла пора сведения счетов — исторический кабинет был заперт, и вход в него запрещен. Директора сняли и перевели в другое место, а меня уволили. Интернирования я избежал, по чистой случайности ускользнув от милиции. Пана Яна уже не было на этом свете.

После пяти лет кочевья и работы в подполье я вернулся домой и обнаружил на помойке за школой груду ржавого железа. Среди обломков старых труб, водосточных желобов, дырявых ведер и мисок валяся железный алтарь, сделанный из солдатской каски 1939 г., у которого партизаны Армии Крайовой в лесных дебрях приносили военную присягу. Рядом из груды лома торчали остовы ракет от "Катюш", расцвеченные застывшим в железе взрывом еще в 1944-м. Останки нашего исторического кабинета. Воистину остался "только лом железный и смех пустой потомков", как писал Кшиштоф Камиль Бачинский, поэт, погибший в Варшавском восстании.

Много лет я никому не рассказывал о своей встрече с офицером. Она была слишком невероятной, а для него могла оказаться и опасной. Только в 1999 г., по прошествии почти четверти века, уже в свободной Польше, за праздничным рождественским столом я заговорил об этом далеком событии, принадлежащем совсем другой эпохе. И вдруг на мой рассказ откликнулся старенький отец одного из моих опекунов и друзей времен подполья, майор в отставке: "Может быть, я его знал. Я служил тогда в Рембертове. В соседстве размещалась советская воинская часть, обеспечивавшая связь на линии Берлин-Варшава. Одним из офицеров был капитан Клосовский или, может, Клоссовский, родом поляк с Виленщины, откуда-то из окрестностей то ли Тракая, то ли Гродна. Он хорошо говорил по-польски".

Он ли это был? Не знаю и, наверное, уже никогда не узнаю. Но те слова советского офицера, кто бы он ни был, остаются в моем сердце.

ars:

Игорь Славич

"КОНТРА" И ЕЁ АВТОР ЮЗЕФ МАЦКЕВИЧ

Игорь Славич — р. в 1967 г. в Ангарске. Выпускник театрального института в Санкт-Петербурге. Работал режиссерем, ездил с концертами по России, Франции, Чехии и Польше. В последние годы его интересует история Польши и России.

Юзеф Мацкевич. Профессия: писатель.

Национальность: антикоммунист. Убеждения: контрреволюционер. Место рождения: Восточная Европа.

(Из анкеты)

Что такое правда? Каким образом соотносятся правда и история? В чем разница между исторической правдой и правдивой историей? Подобные вопросы возникали, возникают и, наверное, будут возникать бесконечно, так что при попытке ответа на них существует опасность впасть в пустую словесную эквилибристику, способную выхолостить не одну важную проблему.

Без излишнего теоретизирования я хотел бы представить русскому читателю одну книгу, в которой показана, может быть, очень субъективно, но правда — честная, бескомпромиссная, нелицеприятная, неудобная и очень-очень горькая...

"Обещанные грузовики прибыли не в 4, а в 6 утра. На призыв садиться все единогласно ответили отказом. Тогда, получив приказ, начали приближаться солдаты, вооруженные автоматами и дубинками. Казачьи офицеры сгрудились, взявшись под руки — старым, но не всегда эффективным способом. Солдаты начали бить дубинками, бить по этим сплетенным рукам и по головам, по головам! Вырвали первого с краю и швырнули в машину. Он выскочил. Его опять избили и загнали обратно. Он снова выскочил. Тогда ударами при-

кладов и дубинок его повалили на землю и пинали сапогами, пока он не застыл без движения в луже крови. Его подняли и швырнули на дно грузовика как мешок.

Люди начали добровольно садиться в машины.

Некоторые англичане стискивали зубы и зажмуривались. Легко было догадаться, что эта расправа вызывает у них отвращение. Другие били с остервенением, систематически. У одного стояли слезы в глазах. Был и такой, что с корзинкой в руках подошел к казакам и, вытаскивая пачки сигарет из обширных карманов своего battle-dress'a, предлагал:

— Часы за сигарету! (...)

Генерал Краснов не вышел на плац. Он сидел у открытого окна барака и молча глядел. Британские солдаты заметили его в последнюю минуту и подскочили, чтобы вытащить из окна. Несколько казачьих офицеров оттолкнули их и взяли своего

атамана на руки. Английский майор подошел к Султан-Гирею Клычу:

Назначаю вас начальником и ответственным за поведение кавказских офицеров.

Султан-Гирей Клыч плюнул ему под ноги. (...) В 8 утра погрузка офицеров была закончена".

После прочтения этого отрывка вполне закономерным будет вопрос: где и когда это происходило, и каким образом судьба столкнула казачьих и кавказских офицеров с представителями британской армии, если это, конечно, не выдержка из некоего утопического повествования?

Представляемая книга не содержит в себе вымысла. Она документальна. Ее автор тем и отличался, что писал только правду...

Казалось бы, что взгляды наши на Великую Отечественную войну давным-давно определились. Независимо от политической ориентации, нападение фашистской Германии на Советский Союз оценивается как безусловное зло, борьба против нее всеми силами и средствами — как священная, а любое сотрудничество с агрессором как подлое предательство. Годы и годы советской пропаганды, замыливание неудобных фактов, террор и репрессии исключили всякое инакомыслие на эту тему. "Наше дело правое. Мы победим" привыкли мы повторять это высказывание человека, каждый год правления которого, по самым скромным подсчетам, стоил нашей стране около миллиона жертв. Каждый год. Не считая погибших в годы войны. Попробуем представить, сколько же людей, потерявших родных и близких, свободу и достоинство, видящих торжество хамства и невежества, могли желать конца существующему режиму. И не только желать, но при первой же представившейся возможности взяться за оружие, присоединяясь к любому, кто хотя бы декларирует свою готовность борьбы с большевизмом.

"Трудно, очень трудно сегодня, после стольких лет, проклинавших войну и прозывавших преступником каждого, кто уговаривал воевать!.. Ах, как же трудно припомнить себе правду о том, какую безмерную, огромную радость могло вызвать слово "Война!" от западных до восточных окраин СССР. От Немана до устья Амура. От Мурманска до горы Арарат! (...)

Не только в тюрьмах, лагерях, изоляторах, на каторге и в казематах. В городах и колхозах люди останавливались, глядя на запад, будто ожидали от

надвигающейся войны чуда. После двадцати четырех лет неволи — ожидали освобождения. После двадцати четырех лет большевизма — ожидали его конца. Все равно кто: злой или добрый, левый или правый, Гитлер или Черчилль, — кто угодно, кто первым промолвит слово "война"".

16 октября 1941 г. в Москве вспыхнули беспорядки. Люди громили продуктовые магазины, били витрины. Коммунисты и комсомольцы спешно избавлялись от партийных и комсомольских билетов. Из окон домов на мостовую летели тома "классиков марксизма". Увы, не было ни вождя, ни организации, способных превратить эти волнения в настоящее восстание. В официальной истории эти события представлены как "бесчинства уголовных банд и провокаторов". На следующий день в город были введены войска НКВД, которые расстреливали людей на улицах без суда и следствия.

Уже в октябре 41-го первый офицер штаба группы немецких армий "Центр" полковник фон Тресков представил высшему командованию доклад, в котором планировал создать для начала 200-тысячную российскую армию, готовую биться с большевиками. Только российскую — многочисленные национальные тут не упоминались. Но мы сегодня знаем, какова была политика Гитлера по отношению к "низшим" нациям. На территориях же, захваченных немцами, возникло такое количество партизанских движений, воюющих против всех, что иначе, как новой гражданской войной, этого явления не назовешь.

Слово "контра" появилось в России в 17-м году, и его значение никому объяснять не надо. Именно так называется книга об истории возникновения, боевом пути и гибели во II Мировой войне казачьего войска, сражавшегося на стороне гитлеровской Германии против Советов. Донцы, кубанцы, терцы — часть их, будучи гражданами Советского Союза, присоединилась к немцам уже после занятия теми Дона и Кубани, а часть — эмигранты, покинувшие Россию после поражения в Гражданской войне и никогда не жившие в СССР, — собралась под знамена борьбы с коммунизмом со всех концов Европы, где Русью, может быть, и не пахло, но людей, чувствовавших в себе русский дух, было достаточно.

Книга, абсолютно документальная, не содержащая ни одного вымышленного персонажа или

события, тем не менее не является сборником, сухо перечисляющим даты, имена и факты. Написана она в лучших литературных традициях, живым и лаконичным языком. Причем типично художественные описания и отступления переходят зачастую в острую публицистику или репортаж, что не удивительно, поскольку автор ее был прекрасным журналистом и публицистом с солидным репортерским опытом. А вообще повесть начинается словно классическая семейная сага родом из XIX века, в стиле несколько витиеватом и даже выспреннем, текущим спокойно и неторопливо, словно степная река:

"Хутор Кольцова лежал на берегу Дона, плоский, низкий, деревянный, скрытый в вишневых садах. О целом ряде важных или мелких, или только на вид мелких обстоятельств из жизни этого хутора, конечно, не слишком много известно на белом свете. Характеризуя его географическое положение, можно было бы ограничиться констатацией немногих фактов, как, например: в погожие летние вечера из степи тянуло запахом полыни и меда; когда луна, мощная, как некогда царский рубль, выкатывалась, бывало, из-за трав на горизонте, она освещала безбрежный край, способный пробуждать в людях набожный мистицизм; край этот справедливо относили к Восточной Европе. Там, начиная с того места, где на западе, зависая над равниной открытых полей, кончался лесной массив Полесья, через Украину, Дон, Кубань два раза в год вдоль больших рек тянулись — раз на юг, а раз на север — стаи перелетных птиц, располагая таким простором, что лишь малая их доля попадала в силки, расставленные людьми. Бывало, ночью в прибрежных камышах шумнее было, чем в большом городе. Горчица, полынь, степная ромашка, высокие травы регулярно сменялись плоскостью снегов; высокое небо — низким; бледно-голубое серым. Только горизонт был неизменным этот сочинитель песен, в которых раздумье и тоска в конечном счете всегда воспевали хоть какуюто, а — даль".

Тем более острым становится контраст, когда в описаниях таких потрясений, как революция и войны, язык повествования меняется на отрывистый, почти сухой, словно подчеркивая трагические перемены происходящие в мире и в жизни героев.

Но предлагаю оставить на время повесть, чтобы познакомиться ближе с ее автором, а личность его достойна этого. Его звали Юзеф Мацкевич, и был он польским писателем, журналистом и историком, патриотом и антикоммунистом. Независимое мышление и бескомпромиссность сделали из него вечного оппозиционера. Его игнорировала Польша социалистическая и не принимала эмиграция. Не особо жаловала "Солидарность", да и в современном польском обществе отношение к творчеству и прежде всего к личности писателя очень и очень неоднозначное. Многократные утверждения о неординарности его дарования и безоговорочное признание одним из крупнейших польских писателей XX века, увы, чаще всего, заканчиваются небольшим "но", которое зачастую оказывается наиболее весомой частью предложения.

Юзеф Мацкевич родился 1 апреля 1902 г. в Санкт-Петербурге. В свидетельстве о рождении было написано: "сын потомственных дворян Виленской губернии". Его отец был совладельцем и директором фирмы, импортирующей вина, мать родом из Кракова, из интеллигентной семьи, близкой к кругам артистической богемы. Весной 1907 г. Мацкевичи переехали на постоянное жительство в Вильно, где в 1910 г. Юзеф поступил в классическую гимназию Виноградова, из которой, когда город был занят немцами (1915), перешел в польскую гимназию профессора Станислава Костялковского. После начала польско-большевистской войны 17-летним добровольцем он пошел на фронт и служил в уланском полку Литовско-Белорусской дивизии, а потом по собственному желанию перевелся в 13-й полк майора Домбровского, где вместе с поляками сражались русские добровольцы и кубанские казаки, что, по признанию самого Мацкевича, сыграло важную роль в его дальнейшей литературной деятельности и политических взглядах.

Во время гражданской войны и Деникин, и Врангель многократно пытались завязать военное сотрудничество с Пилсудским, но, увы, безуспешно. Молодое польское государство, только что обретшее независимость после более чем 120 лет российского владычества, видело в большевиках, так сказать, "меньшее зло", которое можно было использовать в борьбе с российским империализмом. О чем, кстати, часто забывают российские

историки, обвиняя поляков во всех мыслимых грехах. Генерал Деникин, барон Врангель или адмирал Колчак были для Пилсудского представителями тирании, борьбе с которой он отдал многие годы. До большевистского переворота Иосиф Сталин и Юзеф Пилсудский грабили банки и поезда, каждый для своей партии и во имя своих идей. Спустя много лет третий Иосиф — Мацкевич напишет в "Контре": "Кто убил муху, тот убил. Кто убил человека, тот убил".

Деля военные труды плечом к плечу с русскими, Мацкевич никогда не принимал возникшей тогда идеи о Совдепии как преемнице традиционной российской политики, сохранившей содержание и лишь незначительно изменившей форму. Он был последовательным противником каких бы то ни было договоров и перемирий с большевиками. Глядя с высоты сегодняшнего дня, легко убедиться в его правоте. За всю свою историю большевики не выполнили условий ни одного, пожалуй, из подписанных ими международных или внутренних обязательств...

В 20-30-е годы Мацкевич работал журналистом и репортером в виленской газете "Слово", которую издавал его старший брат, известный писатель и политический деятель Станислав Цат-Мацкевич. Сегодня, во времена больших и малых национализмов, трудно представить себе Вильно тех лет — своеобразный Вавилон, столпотворение разных народов, верований и обычаев. Евреи, белорусы, поляки, литовцы, татары, караимы сотни лет жили вместе в этом городе, хуже или лучше, но жили, сформировав его особую, неповторимую атмосферу. Может быть, благодаря ей и Юзеф Мацкевич как писатель и гражданин оказался свободен от вируса национализма — этой, наряду с коммунизмом, одной из главных болезней XX века. Все это сумела уничтожить, разбросать по лагерям и тюрьмам, расстрелять и перевешать только одна идеология, одна армия -- большевистско-советская, "несущая радость и освобождение угнетенным народам".

Мацкевич провозглашал идею Литвы как равноправной, неотъемлемой части Польши, но с сохранением всего ее культурного и национального многообразия. Чем и вызывал постоянное неудовольствие шовинистически настроенных кругов.

После 17 сентября 1939 г., вторжения Красной армии в восточные районы Польши, Юзеф Мацкевич бежал в Каунас. Вернулся он в ноябре, когда

Вильно "досталось" Литовской республике. Пробовал издавать свою газету. На этот раз он раздражал не только польских, но и литовских националистов, которые, находясь у власти, вообще запретили ему издательскую деятельность.

Через несколько недель после этого, 15 июня 1940 г., наступила новая советская оккупация со всеми своими "прелестями". НКВД предложило писателю "сотрудничать", от чего он категорически отказался, предпочитая жить на грани нищеты, перебиваясь случайными заработками. Через год советских оккупантов сменили германские. В 1941-1943 гг. в издаваемой при немцах в Вильнюсе польской газете Мацкевич напечатал несколько статей, где писал об ужасах недавно пережитой советской оккупации и утверждал, что в случае победы Советов вся Восточная Европа окажется в их руках и Запад, в частности Великобритания, даже пальцем не пошевелит ради ее спасения (что впоследствии и произошло). Именно эти публикации послужили поводом для обвинений Мацкевича в коллаборационизме. Вдобавок, к несчастью, в редакции работал однофамилец Мацкевича, и многие из его "грехов" были приписаны писателю. Эти обвинения висели на нем многие годы, пережив самого обвиняемого.

Армия Крайова, польская подпольная воинская организация, боровшаяся с немцами, вынесла писателю смертный приговор, исполнение которого было отложено до окончания войны. Весной 1943 г. немцы открыли массовые захоронения польских офицеров, расстрелянных НКВД в Катыни в 1940 г., и, конечно, устроили пропагандистскую шумиху, показывая миру зверства большевиков. Пригласили туда и Мацкевича, согласовавшего свой приезд с командованием АК, которое сомневалось, можно ли принять известие о трагической судьбе 20 тысяч соотечественников, взятых в плен Советами, из рук другого врага, использующего это в своей пропаганде. Мацкевич был одним из первых, кто поведал миру об этом преступлении. Осенью того же года он стал случайным свидетелем убийства немцами сотен евреев в Понарах, недалеко от Вильнюса, что и описал позднее с подробностями в одной из своих статей. В этом месте за годы войны немцы уничтожили десятки тысяч евреев.

До 1944 г. Мацкевич находился в Вильнюсе и выехал оттуда вместе с женой, опасаясь наступающей Красной армии. Сначала в Варшаву и Краков,

где он пытался предостерегать соотечественников от надвигающейся опасности новой оккупации — на этот раз с востока. Очень скоро "братская" Красная армия стояла и спокойно смотрела с другого берега Вислы, как немцы топили в крови Варшавское восстание: более 200 тысяч жертв и сметенный с лица земли один из красивейших городов Европы — такова была месть кремлевского тирана за "самодеятельность" законного польского правительства. Из Польши Мацкевич перебрался в Рим, где началось его регулярное сотрудничество с эмигрантской прессой, не только польской, но и русской, украинской, белорусской, литовской.

В 1946 г. товарищеский суд Союза польских журналистов снял с Юзефа Мацкевича все обвинения в коллаборационизме и предательстве, но в последующие годы они всплывали вновь и вновь. В 1947 г. он поселился в Лондоне, а в 1955-м— в Мюнхене, где и прожил до своей смерти в 1985 году. На его похоронах присутствовали жена, дочь и несколько ближайших друзей, а отпели "раба Божия Иосифа" в русской православной церкви. Польская эмиграция, а в Мюнхене только на радио "Свободная Европа" работало около ста человек, игнорировала это печальное событие...

Международную известность принесла писателю книга о Катыни, вышедшая по-английски в Лондоне в 1951 году. В расследовании этого преступления, проводившемся комиссией Конгресса США, он выступил в качестве главного свидетеля, а также эксперта по оценке официального советского заявления, в котором власти СССР, естественно, отрицали свою причастность к этому делу.

Послевоенное литературное наследие Мацкевича довольно велико. Как писатель он был безжалостен и бескомпромиссен, не признавал авторитетов и полуправд, ограничения свободы слова во имя сиюминутных политических коньюнктур, был разрушителем мифов и штампов. Будучи человеком пристрастным и эмоциональным, он, наверное, не был застрахован от ошибок, меньших или больших, но мысли его оставались чисты, а целью

всегда была только правда и ничего кроме правды.

Юзеф Мацкевич написал "Контру" в 1957 г., но еще раньше, в 1955-м, появилась его статья. описывавшая преступление в долине реки Дравы в Австрии (русский перевод см.: Юзеф Мацкевич. "От Вилии до Изара. Статьи и очерки". Лондон, "Оверсиз", 1992. Там же — статьи о Катыни, Понарах и др.). Там располагался гигантский табор сдавшихся англичанам казачьих и кавказских частей — с семьями, домашним скарбом, скотом, конями. Они ожидали от победителей решения своей судьбы и готовы были принять любой приговор, кроме одного, самого страшного для них. выдачи в руки СССР. Никто из них не знал, что на конференции в Ялте союзники обязались выдавать Советскому Союзу всех его граждан, оказавшихся за рубежами в годы войны. Только граждан СССР. 68% казаков, находившихся в долине Дравы, никогда в СССР не жили. Они покинули Россию после гражданской войны, в основном с армией Врангеля. Англичане выдали всех. Пытавшихся сопротивляться — кого положили на месте штыками и прикладами, кого передавили танками, кто сам утонул, спасаясь вплавь. Бежать удалось единицам.

Почти всех офицеров, около двух с половиной тысяч человек (описание их вывозки мы привели в начале статьи), красные расстреляли еще в Австрии. Генералов, среди которых были известные военачальники гражданской войны Краснов, Шкуро и Султан-Гирей Клыч, повесили в Москве. Остальных, около 50 тысяч, ожидали лагеря.

Конец истории. Казалось бы, один из многочисленных кровавых эпизодов великой войны. Но Мацкевич относит его к категории преступлений и помещает в одном ряду и с расстрелами немцами евреев в Понарах, и с уничтожением большевиками польских офицеров в Катыни.

"Кто убил муху, тот убил. Кто убил человека, тот убил".

Георгий Владимов

О КНИГЕ "ГЕНЕРАЛ И ЕГО АРМИЯ"

с писателем беседуют Гжегож Пшебинда и Януш Свежий

- Ваша повесть "Верный Руслан. История караульной собаки" по праву считается одним из шедевров русской литературы XX столетия. Расскажите, пожалуйста, как у вас возникла идея описать человеческую судьбу в концентрационном мире через сознание собаки?
- Моя мама два с половиной года провела на островах Архипелага. Когда в 1962 г. наконец открылись ворота для литературы о лагерях и у Твардовского в "Новом мире" появился "Один день Ивана Денисовича", у меня возникла мысль, что я тоже должен что-то сказать о лагере. Но мне надо было найти героя. В моем представлении герой Архипелага это тот человек или то существо, которое признаёт справедливость этого чудовищного заведения, как бы богоданность его, необходимость. Истинными героями были люди верующие, которые могли воспринять то, что с ними происходило, как испытание, ниспосланное им свыше. Но это была тема для меня слишком сложная, я вообще воспитан был в духе атеистическом.

И вот однажды кто-то приехал и рассказал, что в городе Темиртау был когда-то лагерь, потом этот лагерь развалили, колючую проволоку порвали, на этом месте строится завод. Бараки использовались под временные общежития для рабочих, а по городу бегали караульные собаки, которых полагалось по инструкции перестрелять. Но кто-то их пожалел, и вот теперь они бегают. Они страшно худые. Их можно рассматривать только в профиль. Они не берут пищи ни от кого, и неизвестно, что они едят, чем они вообще живы. Но когда идет первомайская демонстрация, то они пристраиваются и идут в конвое, сопровождают эту колонну. И всех, кто пытается оттуда выйти, загоняют обратно. Это не легенда, а правда. Когда мне это рассказали, я задумался и понял, что это и есть тот герой, которого я так долго искал, это истинный герой Архипелага. Он признаёт справедливость этого учреждения и, может, даже готов жизнь за него отдать.

- В 1963 г. вы отнесли рассказ Твардовскому, и тот принял его в печать. Почему же тогда книга вышла на Западе, причем только в 1975 г., а в России спустя еще 14 лет? При этом она долго ходила в самиздате как "анонимная".
- Я написал рассказ (страничек 60 там было). Это была сатира с большой долей антропоморфизма. Там, собственно говоря, героем была не собака, героем был охранник в собачей шкуре. Александр Трифонович Твардовский прочел и сказал: "Можем это тиснуть, но, мне кажется, у пса своя трагедия, а вы его не разыграли, вы из него сделали полицейское дерьмо". Взялся я его перерабатывать. А он стал жить собственной жизнью. Его приписывали Солженицыну. Солженицын в это время выступал в институтах, и каждый раз его просили прочитать "рассказ про собаку". А он всякий раз отмахивался и говорил, что это все-таки не его. Но меня тоже не хотел называть, потому что, как бывший зэк, он думал, что это может мне чем-то грозить. Пока произведение не опубликовано, у автора могут быть большие неприятности. А когда я принес второй вариант, доработанный,— это был уже 1965 год. За это время сняли Хрущева, пришел Брежнев, и начался тот период, который мы называем брежневским застоем. Твардовский только развел руками.

И наступил 70-й или 71-й год, когда вдруг ко мне обратились через туристов из издательства "Посев" во Франкфурте-на-Майне, с предложением напечатать рассказ. Еще некоторое время, до 74-го, я над ним работал. Это был третий уже вариант, он значительно расширен. Здесь я начисто убирал антропоморфизм. Мне хотелось создать трагедию вообще живого существа — не обязательно человека в собачей шкуре, этого я хотел меньше всего. Напечатанный вариант на папиросной бумаге взяла пара туристов. И вот одна часть уехала в женском сапоге, а вторая — в подкладке мужского пиджака. В 1975 г. повесть вышла в майском номере журнала "Грани". Ее быстро перевели, я бы сказал: торопливо перевели, – потому что спешили к Франкфуртской ярмарке, которая была в октябре. Сейчас, по-моему, она существует на 16 или 17 языках. В общем, на всех европейских языках, кроме португальского и финского, и еще на иврит есть перевод и на японский.

- В русской традиции существуют два типа отношения к миру лагерей. Варлам Шаламов говорит, что лагерный опыт имеет только отрицательное значение, что никто в лагере не облагородился. А Солженицын, когда описывает свою собственную историю, говорит, что только испытание Архипелагом обогатило его душевно и позволило познать самого себя. Поэтому он воскликнул "Благословенна будь тюрьма!". Какой подход вам ближе?
- Я понимаю и Шаламова, и Солженицына. Кто-то искалечился, кто-то не хочет вспоминать. Другой говорит, что это самый значительный эпизод в его жизни...

- Вы сказали, что получили атеистическое воспитание... А увлечение коммунизмом тоже было?
- Я считаю, что начало моей сознательной жизни это когда в 15 лет, в августе 1946 г., я, мой товарищ и наша общая подружка — мы пошли к писателю Зощенко выразить ему сочувствие по поводу постановления о журналах "Звезда" и "Ленинград" и по поводу доклада Жданова. Мой товарищ первый обратил внимание на то, что 2 августа 46-го было объявлено о казни Власова и его подельников (там было 12 человек повещенных). И помню. как он меня затащил в какой-то укромный уголок и говорит: "Слушай, почему его не судили открытым судом? В чем дело? Ведь если он предатель, это ж надо широко обнародовать, — тогда готовился или шел даже Нюрнбергский процесс, — а у нас взяли и где-то в подвале повесили, и всё". Мы решили, что и то и другое постановление были приняты на одном и том же заседании политбюро. Был, наверное, разработан комплекс карательно-устрашающих мер, и в одном ряду находились тут Власов, а тут — Зощенко и Ахматова. А дальше уже пошли космополиты. После войны советский народ слишком гордо держал голову, он себя почувствовал хозяином положения. И надо было его поставить на место. После этого постановления мы достали в библиотеке рассказы Михаила Зощенко, прочитали и пошли к нему. Он жил в доме на канале Грибоедова... Мы тогда учились в школе МВД. Мы пошли в черных, парадных формах суворовского училища. Чтобы Зощенко не испугался, мы решили пригласить нашу подружку, чтобы она пошла с нами, наоборот, в белой кофточке (только надела красный беретик. Она была полька, и получились у нее цвета польского флага. Помню, как она шла, как флаг, впереди нас по каналу Грибоедова...). Мы тогда не знали, что женщин тоже используют в случае ареста, именно для отвлечения внимания. Он находился в очень подавленном состоянии и, хотя сразу понял, что ребята ему сочувствуют и хотят его приветствовать как боевого офицера — мы взяли под козырек, — стал нам говорить, что он всю жизнь был за советскую власть, что он боролся с бандами Махно, что он не понимает сам, что там могли углядеть и так далее. Разговор длился полчаса. Мы сказали, что наше отношение к нему неизменно, и ушли.
- А последствия?
- Они были! Прошло несколько дней, уже начались занятия, и вдруг меня вызывают в политотдел, где меня допрашивает полковник. Он из Москвы специально приехал. Оказывается, соседка нашей подружки услышала, что мы читаем Зощенко, и немедленно донесла в политотдел. Полковник говорит: "Вот, партия и правительство нашли, что это книжка вредная, что он пошляк и антисоветчик, и как вы, будущий офицер и чекист, как вы могли утратить бдительность, читать эту злостную клевету на наш быт, на наш народ?" Мы сказали, что не только читали, но и были у Зощенко! "До постановления или после?" "Конечно, после!" Капитан Мякушка, который назначен был следователем, сказал по-человечески, чтобы мы признали, что были до постановления, а то нас уничтожат. Ну и в конце концез мы все-таки признали, что были до. А наша подружка гордая полячка (ее мать преподавала английский язык в нашем училище) нас за это запрезирала. И, когда ее попросили прокомментировать, она сказала: "Они говорят, что были до? А я была после! И поэтому ничего не могу прокомментировать". Ей сказали: "Идите, девушка, с Богом, только помалкивайте!"
- В период хрущевской оттепели вы работали в "Новом мире". В литературу вы вошли благодаря повести "Большая руда" (1961), опровергавшему все мифы "производственного романа". Мы с изумлением узнали, что это произведение читал сам Папа Римский Иоанн XXIII!
- Я узнал об этом от Виктора Некрасова, который тогда ездил в Италию. Иоанн XXIII заботился о воспитании и образовании своего шофера и каждый раз спрашивал, что тот успел прочитать за последнюю неделю И вот однажды шофер ему сказал, что прочел роман советского писателя "о шофере на большой стройке, который ездит, ездит, потом ломает себе шею". "Дай мне почитать", сказал Папа. А через некоторое время у него была аудиенция, и ему задали вопрос: "Вы, ваше святейшество, выступаете за сотрудничество со странами восточного блока, но это же цитадель безбожья, она оказывает этим вредное влияние на верующих в других странах". Папа сказал так: "Я не такой пессимист в этом отношении, как вы. Вот я недавно читал роман молодого советского писателя про человека очень простой профессии, который исключительно занят погоней за хлебом насущным и больше ни о чем как будто не тревожится. Но там прозвучала для меня тема крушения атеизма. Там доказано, что бездуховность может стать причиной физической гибели человека. Эта книжка написана не по заказу Церкви это типично светская литература. Но тем не менее мне кажется, что ее написал христианин, Папа подумал и добавил, хотя он, наверное, об этом и не подозревает". После этой аудиенции повесть стала очень популярной среди издателей. Буквально посыпались переводы.
- В 1967 г. вы направили письмо IV съезду писателей в защиту Солженицына: пусть съезд не обижается, но имена девяти десятых его делегатов не войдут в следующее столетие, тогда как Александр Исаевич Солженицын, гордость русской литературы, будет славиться намного дольше.
- Я сильно пережил хрущевскую оттепель... Но тут начался этот самый брежневский застой. И появляется такой писатель как Солженицын, и опять начинается то же самое, и я слышу те же самые гнусные слова в его адрес, что некогда по отношению к Зощенко и Ахматовой, потом к Дудинцеву. Перед этим же еще за год был процесс Синявского и Даниэля. Мы с Василием Аксеновым тогда сочинили открытое письмо с протестом.

- Русские диссиденты, например Наталья Горбаневская, рассказывают о влиянии на их сознание польской литературы, кино и журналов в 60-70-е годы. То же самое говорил Булат Окуджава. Вы, Георгий Николаевич, тоже в Польше не впервые.
- В Польше я был в 1964 году. Была такая группа туристов из союза писателей, 34 человека. Но мы держались как-то отдельно; нас было несколько человек, которых поляки очень полюбили и принимали отдельно. Это были Булат Окуджава, Борис Балтер, критик Владимир Огнев и я. Мы три дня провели в Варшаве, три в Кракове и один или два дня в Закопане. Оттуда перешли пешком в Чехословакию.
- Окуджава тогда встретился с Агнешкой Осецкой и написал песню о трубаче над Краковом...
- Мы сидели на площади около памятника Мицкевичу (там такие столики были), пили кофе, и Агнешка рассказывала Окуджаве историю трубача. И он сказал, что хочет об этом написать. Через полгода, по-моему, появилась эта песня.
- Для Окуджавы Польша это была "первая заграница"...
- Для меня тоже Польша была первой страной, куда я выехал за границу. На меня очень влияла польская кинематография, такие фильмы, как, скажем, "Канал", "Пепел и алмаз" Вайды, "Поезд" Кавалеровича. Вайда приезжал в Москву с Беатой Тышкевич. Но это было позже, в 67-м или 68-м. А прежде всего эта новая польская кинематография, которая как бы пришла на смену итальянскому неореализму. Затем был второй период увлечения Польшей. Это когда появилась "Солидарность", которой все, конечно, сочувствовали и которая для нас была примером. То, что поляки сумели организовать какую-то силу, для нас был образец поведения.
- В 1977 г. вас исключили из Союза писателей, скоро потом вы стали председателем московского отделения "Международной Амнистии". В мае 1983 г. вы выехали из СССР и эмигрировали в Германию. Вы были одним из последних эмигрантов: ведь спустя некоторое время появился Михаил Горбачев...
- Так ведь начало Горбачева было очень мрачное! Сейчас забывают о том, что он тоже лишал гражданства людей, например, Ирину Ратушинскую. Все забыли! А в 1982 году нависла надо мной угроза ареста. Либо надо мной, либо над моей женой. У меня была связь через Елену Георгиевну Боннэр с академиком Сахаровым. Он из Горького советовал мне уехать. Пока я над этим думал, Лев Копелев развел в ФРГ бурную деятельность; в феврале 1983 года они с Генрихом Беллем и Вилли Брандтом прислали мне в день рождения большую телеграмму. Такой жест сделали. Они хотели меня как-то поддержать. А затем они с профессором Вольфгангом Казаком мне устроили приглашение от Кельнского университета. Вот с этим я и выехал на год. Через месяц после этого лишение гражданства (месяц и четыре дня прошло), потом конфискация квартиры.
- Теперь же эмигранты возвращаются...
- Я бы тоже вернулся, если бы было куда. В 95-м году я получил премию за "Генерала и его армию". Несколько писателей написали письмо президенту по поводу моей квартиры. Ельцин написал резолюцию: "Разобраться и по возможности удовлетворить". Эта резолюция попала к Лужкову, и тот сказал: "А у нас своим квартир не хватает!" И на этом все закончилось. Видимо, речь идет о том, чтобы я отказался от немецкого гражданства, но я от этого отказаться не могу.
- Ваш роман "Генерал и его армия" был удостоен Букеровской премии наиболее престижной литературной премии вольной России, но, с другой стороны, вас стали критиковать за то, что вы показали войну в ложном свете. Вот, например, спор вокруг генерала Гудериана, который командовал танковыми частями, а вы сделали из него генерала-интеллектуала, рассуждающего о судьбе и назначении России, читающего "Войну и мир" в Ясной Поляне, в кабинете Льва Толстого...
- Самый большой удар мне был нанесен с неожиданной стороны, от Владимира Богомолова, автора замечательных военных рассказов. Он говорил языком околофронтового пропагандиста, что "мой" Гудериан это апология Вермахта, что я оплевываю советских людей. А я пытался раскрыть многие тайны II Мировой войны. Прежде чем начать писать, я прочитал о Гудериане все, что можно было прочесть. Он сам сообщает, что перед походом в Россию он прочитал все материалы о русских походах Карла XII и Наполеона. Так что в круг его чтения непременно должна была войти "Война и мир". И потом 26 дней он находился в доме Толстого, жил там. Я не мог себе представить, чтобы Гудериан как-то не думал о хозяине этого дома и о его книгах... Он надеялся победить "большевистскую заразу", но приносил с собой коричневую фашистскую чуму.
- Писали также, что вы реабилитируете генерала Андрея Власова, который со своей армией перешел на сторону Гитлера.
- Богомолов сказал, что Власов предатель и незачем им заниматься. А вы знаете, что первый немецкий приказ об отступлении, принятый Гудерианом, был всего лишь накануне первого приказа о наступлении наших, советских войск? Дальше копаю: выясняется, приказ наступать принял "предатель" Власов... Но дело в том, что меня не сам Власов интересовал, меня интересовали власовцы. Он все-таки не имел никакого намерения перейти на сторону немцев. Он попал в такую ситуацию и поплыл по течению. А если бы не попал, он вровень с Жуковым, имея такие же способности и властный характер, дослужился бы до маршала, сидел бы в президиумах, был бы

усыпан орденами. Но меня интересовали эти наши люди, которые переходили сами на сторону врага. Что их потянуло туда? Трагически сложилась наша история после 1917 года... Мой главный герой генерал Кобрисов тоже в этом виноват, поскольку он приложил руку к страшной сталинской коллективизации.

- Популярный в Польше Виктор Суворов в своей новой книге "Очищение" считает, что довоенные сталинские чистки в Красной армии помогли сцементировать советскую армию. Вы, как видно из романа, придерживаетесь крайне противоположного мнения.
- Я решительно против концепции Суворова. Почему же тогда были уничтожены именно самые талантливые люди, а оставлены самые бездарные? Были уничтожены Тухачевский и Егоров, генерал Якир и Виталий Примаков. А остались Ворошилов и Буденный, в новой войне совершенно беспомощные фигуры. И слава Богу, что удалось нам взять каких-то новых, образованных людей, штабистов, которые потом командовали фронтами: Жуков, Александр Василевский, Николай Ватутин. Тот же самый Рокоссовский его дважды возили на расстрел, зубы ему выбили, а потом назначили командовать дивизией, армией, фронтом. Но это же недобитки всё, недострелянные. Власову посчастливилось. Его дивизия до войны заняла первое место по Союзу на смотрах, конкурсах.
- Вы говорите, что "за Россию платили Россией". Что же это значит?
- Когда в романе генерал Кобрисов видит, что для взятия города, в котором раньше жило 10 тысяч призывных мужиков, ему надо положить за этот город те же самые 10 тысяч бойцов, это и значит "за Россию платить Россией". Мы такой ценой заплатили... Знаете, погиб цвет русской нации. Самые энергичные, самые храбрые, самые благородные люди. То же самое, что произошло у поляков в Катыни. Ведь не напрасно же расстреливали именно офицеров. Потому что это цвет польской нации. Всю нацию не перестреляешь, но можешь перестрелять ее цвет.
- А Россия сегодня? В отличие от Солженицына, вы не боитесь возврата коммунистов, зато боитесь, тоже в отличие от Солженицына, русских фашистов.
- Солженицын говорит, что Россия никогда не знала фашизма и никогда не будет его иметь. Тем не менее фашизм у нас уже возникает. И даже более успешно, чем свергнутый коммунизм. Потому что коммунисты зрительно представляют собой фигуры довольно жалкие. Недавно показывали Зюганова, сравнительно молодого еще политика. Но он уже мыслит какими-то старческими стереотипами... Коммунистическая идеология уже исчерпала себя. Носители этой идеологии дряхлые старики, их демонстрации смешные и жалкие. А вот фашизм, он притягателен. У фашизма есть, я бы сказал, своя эстетика. Гитлер очень хорошо понимал, что нужна форма, штандарты, марши, строй, порядок, гимны. У нас тоже это поняли и перехватывают. Молодежь тянется к черным гимнастеркам со свастиками, к соответствующим мелодиям, стрижется одинаково. У них чувство миссии: "Главное, что мы несем бремя власти в России. Мы должны очистить, освободить Россию". Я думаю, что они будут готовиться к захвату власти. И когда мы очнемся, когда поймем, что с ними надо бороться, какой-то заслон поставим будет поздно уже. Это и будет настоящая гражданская война. Никакой идеологией, никакими насмешками фашизм победить нельзя. Ведь Гитлера тоже когда-то никто не воспринимал всерьез, а спохватились, когда он был уже рейхсканцлером. Этот самый клоун, а тут уже рейхсканцлер. Фашизм можно уничтожить только силой. И вот этой силы я не чувствую сейчас. По крайней мере, она не мобилизована.
- Что ожидает Россию в ближайшие 15 лет?
- Россия сейчас переживает два кризиса: духовный и политический. Мы не совсем были готовы к свободе и не понимали, что свобода есть прежде всего тяжелое бремя. Это огромная ответственность. Понимали свободу как "вседозволенность". Делай что хочешь, говори что хочешь.

Второй кризис — это накопление первоначального капитала, всегда бандитского, хамского и грабительского. Разграбление России произошло от неверных, ошибочных шагов Гайдара и Чубайса. У них была цель правильная: они должны были, скажем, провести приватизацию, они должны были поддержать малый бизнес, вообще дать свободу рынку. Но они не учли, что это Россия, где все принимает очень уродливые формы. Они дали возможность этим "новым русским" разграбить Россию и захватить в свои руки промышленность только для того, чтобы набить мошну, устроить свою миллионерскую жизнь. И это привело к созданию мафии, которая уже влияет на само правительство. Должно пройти какое-то время, даже не время этих "новых русских", а время их детей, внуков, и все это войдет в цивилизованные рамки.

Интервью записано 18 февраля 1999 г., в дни краковской презентации польского перевода "Генерала и его армии", в гостеприимном доме Кристины Петшицкой-Бохосевич, автора первой польской монографии о творчестве Георгия Владимова (Краков, 1999). Опубликовано в "Плюс-минусе", еженедельном приложении к газете "Жечпосполита", 1999, 24-25 апреля.

Кристина Курчаб-Редлих

ПАНДРЁШКА

(Фргаменты из книги*)

Кристина Курчаб-Редлих — журналистка, бывшая сотрудница журналов "Пшекруй", "Панорама", "Штильки". С 1991 года живет в России и работает корреспондентом газет "Жиче Варшавы", "Дзенник польски", а также телекомпании "Польсат". Ее книга "Пандрешка" была опубликована издательством "Twój styl" в марте этого года.

Россия — пространство не для нормального туриста. И не для нормального человека. Единственные иностранцы, которые сидят здесь добровольно — это чокнутые поэтические натуры и психические калеки. Они будут сочувствовать и презирать, восторгаться и пренебрегать, любить и ненавидеть, чтобы в конце концов на руинах собственно-

го покоя откупорить поллитра и выхлестать из горла. Если после этого они отсюда немедленно не сбегут, их затянет магма русской лирики, романтики, плебейской экзотики, духовной чистоты и уличной грязи. С упорством писателей, историков, социологов или психиатров они станут доискиваться, где же начинается эта проклятая русская несхожесть, в какой точке она победила историю и кончится ли она когда-нибудь.

Вся мудрость, которую они обретут, будет заключена в приказании собственному разуму: ничто русское не сравнивать ни с чем иным. Ибо ни одна русская душевная или материальная категория нигде не имеет соответствия.

Ничго здесь не похоже на то же самое где бы то ни было.

Класс богачей вообразил, будто он — западный миддл-класс, не приняв во внимание, что "в мире" средний класс ездит не на "Мерседесах", "Вольво" и БМВ, а на скромных "Фольксвагенах" и "Фиатах". И что "маркет" на Западе означает самый дешевый, а не самый дорогой магазин.

К какому социальному слою принадлежат четыре женщины с высшим образованием, торгующие газетами в киоске возле "моей" станции метро? Одна преподавала в школе французский язык, другая — библиотекарь, третья — экономист, четвертая — инженер-металлург. А знакомый интеллигент, перед тем как пойти в НИИ, которым он руководит, изо дня в день, не особо смущаясь, добросовестно работает дворником.

Среднего класса нет. Поэтому нет ресторанов, доступных для "рядового гражданина", нет баров и кафе для "простых людей", нет обычной, но со вкусом сделанной мебели для обычного человека, нет и человека как такового. Наверху — супермен, внизу — индивидуум. Супермен — это и банкир, который ездит на "Мерседесе-600", и бандит (популярное определение члена мафии), который ездит на джипе "Чероки". Если уведут какую-нибудь из этих машин, милиция из кожи вон вылезет, чтоб ее найти. В первом случае — ради вознаграждения, во втором — по долгу службы: мафия связана с властью. Но если украдут старый москвич, никто и пальцем не пошевелит.

Тотальное смешение понятий добра и зла, кича и хорошего вкуса, честности и подлости впиталось в психику и в почву посткоммунистической России, как в компост. На компосте что-то вырастает. Но что?

Пока — апатия и усталость. Но спроси у большинства, готово ли оно променять их на апатию и усталость эпохи коммунизма — люди отрицательно помотают головой.

Настоящая современная матрешка: сверху веселая русская баба с кривоватой улыбкой, а внизу ящик Пандоры — сплошные несчастья. Чем дольше смотрю я на нее, тем печальней она мне кажется, тем измученней, но с вечной улыбкой — потому что это русская матрешка, веселая, хоть и несчастная. Этакая Матрешка-Пандрёшка.

Московский день обладает исключительным свойством: он не кончается. "Спокойной ночи" прощается с малышами в девять вечера; через час начинается популярный блок новостей на канале HTB; улицы пустеют, когда закрывается метро, в час ночи.

Но для знакомого, который заглянул пожаловаться на жизнь, всегда найдется место за столом и угол для ночлега: метро ведь закрыто, а до дома далеко. Поверхность Москвы — около 900 квадратных километров (Париж поместится в ней восемь раз), и не отправлять же друга домой на такси.

Русских отличает неповторимая особенность, определенная давно и точно: они — ваньки-встаньки. В них есть удивительный механизм, который даже после самого затяжного дня позволяет им поутру встать и идти дальше. Изнеженный иностранец, в полдень едва разлепив опухшие веки, по телефону справляется о здоровье вчерашнего собеседника, который давно на работе:

— Ну, как ты?

И слышит неизменное:

— Нормально.**

Организмы у русских — и впрямь из какой-то более прочной материи, неподвластной законам, сковавшим остальное человечество.

Нормально! Слово-отмычка, похожее на кальку с американского "О-кей!". Отличная маскировочная формулировка:

- Как себя чувствуешь?
- Нормально.
- Как я выгляжу?
- Нормально.
- Как на работе?
- Нормально.

"Нормально" часто значит нечто абсолютно противоположное, но несказуемое: "отвратительно, кошмарно, плохо". Русский скорее локоть себе укусит, чем признается, что у него похмелье, депрессия, что он устал, голоден, плохо себя чувствует... То, что сказано, — "становится плотью". То, о чем умолчали, — не существует.

Жалобы и сетования — скорее дурной тон.

- Тебя обокрали? Ничего не поделаешь, забудь. В общем-то ничего не случилось. На тебя же не напали. Ведь ты жива.
 - Напали? Ничего, выкарабкаешься. Главное семья здорова...

Трудности и драмы таких масштабов, какие в иной реальности сложно себе представить, в течение десятилетий, из поколения в поколение, вырабатывали все более стойкий ген — ген выживания.

И в самом деле: пока ты жив, пока близкие здоровы — не грусти.

Все нормально.

Где-то там, в другом мире, говорят: несчастья ходят парами. А в России иначе, в России знают: пришла беда — отворяй ворота... — тут несчастья ходят стадами, тут у каждого свой, личный ящик Пандоры...

Надежда умирает последней. Русские дают ей мало шансов на смертельный исход. Показатель числа самоубийств тут один из самых низких в мире. И, может быть, не только потому, что русские из поколения в поколение, стиснув зубы, повторяют про себя: нас е..., а мы крепчаем — но и потому, что в беде друзья чаще всего не бросают... Сибиряки говорят: выбирай не дом — выбирай соседа... Другие повторяют: не имей сто рублей, а имей сто друзей...

Молодые поют о любви. Старшие — о дружбе.

Отношение к Богу — свойское, языческое.

Отношение к власти — как к божеству.

Президент ушел в отпуск. Президент поехал на Волгу. Президент переехал с Волги в Карелию. Президент поймал рыбку. У президента легкая простуда. Президент прошел вчера плановое обследование... Так начинаются выпуски новостей, так, думают журналисты, им положено думать.

Даже отличные журналисты радиостанции "Эхо Москвы". Даже они не чувствуют грани между гражданским достоинством и раболепной привычкой.

Такова модель: задрав голову вверх, презирать все, что рядом и ниже. Сердечность и *душевность*. Безразличие и черствость.

Неподалеку от станции метро "Комсомольская". Посреди тротуара кривоногий калека-старик, наверное бомж. Он пытается идти, шагнуть. Он трезвый, но вида отталкивающего: грязный, оборванный. Проходя, я слышу:

— Люди, помогите!

Одна я не справлюсь, нужна крепкая рука. Рядом группа мужчин, прошу помочь, они смотрят сквозь меня. Один говорит:

Сюда доковылял, и дальше доковыляет...

Зима, Белорусский вокзал. На тротуаре лежит мужчина. Может, пьяный. А может, мертвый. Никто к нему не наклонится. Средь бела дня...

Бездомных так много... Пьяных так много.

У нас же Россия...

А душу мою ты все-таки не понял...

Я остолбенела, когда услышала русскую поговорку: "Чужое горе — тройная радость". Первая мысль: не понимаю. Не может быть, чтоб так желали зла ближнему, да еще в этом признавались! Всетаки даже немецкая Schadenfreude более сдержанна.

Или: "Наглость — второе счастье". Ну нет, это уж в самом деле... Почему ничего столь же... откровенного нет среди пословиц других народов? Как это соотносится со словами "возлюби ближнего своего, как самого себя"? Что делали десять заповедей, формировавших европейскую культуру, — тормозили подлость или потворствовали лицемерию? Пожалуй, второе. Так что и мы не лучше, и отнюдь не больше любим ближнего своего — просто в нас больше лжи. Скованные своим "прилично — неприлично", мы радуемся, когда кому-то не везет, но тщательно это скрываем. Ханжество — одна из мер цивилизованности.

Наши "братья-варвары" — называют русских некоторые западные журналисты. А может, культура этих братьев, в соответствии с их любимой присказкой "будь попроще", — это отчасти и культура некой изначальной простоты? Может быть, именно это нам в русских и нравится — искренность, открытость? Она позволяет отдохнуть от реверансов и поклонов, от этикета расстановки рюмок и приборов, от словесных околичностей и розового флера в мыслях.

Там, где бытие — вечно на грани выживания, нет места парфюмерным улыбкам. Здесь понятия быстро обретают резкость: дружба так дружба, любовь так любовь, неприязнь так неприязнь — не растекаясь в двусмысленности и фальши. Непрерывно проверяется на прочность нить, на конце которой часто — жизнь. Твоя или чужая. Либо ты открыто протягиваешь руку, либо не подаешь ее вовсе. Там, где власть и природа против тебя, другой человек не может подвести. И потому его "чем могу помочь?" — не пустые слова, а обязательство, которое он готов принять на себя. И уж он не подведет. А если ты ему не нравишься и именно по отношению к тебе он ощущает ту самую "тройную радость", то особенно маскироваться он не собирается.

Так может, это их "варварство" — важная ценность?

Как будто все просто, а по сути бесконечно запутанно. Снаружи виден контур. Схема. Знания о России, как правило, тоже схематичны. Если пробудешь здесь неделю или даже месяц — это даст лишь информационный шум. Игры вроде известные, но правила — другие. Они скрыты в частностях, в тайных инструкциях, в распоряжениях, противоречащих ранее принятым законам. А у кого хватит

терпения изо дня в день блуждать по этим лабиринтам? Российские реформы 90-х — точно помои с демократической кухни. Куски парламентаризма, свободы слова, рыночной экономики плавают в остатках нечистот тоталитарной власти, в воровстве, злодеяниях и циничном презрении к народу, который в массе своей еще не вырос в общество, а остался единицей демографической статистики.

Некоторые иностранцы называют русских "братьями нашими меньшими", имея в виду библейское братство человека и животного, а не, к примеру, родственную близость народов... Может, у нас и есть нравственная обязанность постоянно помнить о бараках, лагерях, детских домах и колхозах, но иногда терпения не хватает. Ну и что с того? Уходит ли недостаток бытовой культуры глубже? Означает ли это отсутствие культуры вообще?

А как насчет заполненных каждый вечер театров, концертных залов, музеев? Татьяна, которая у меня убирает, ходила когда-то в основном "на классику" в зал Чайковского. Теперь, увы, у нее нет денег... Она говорит красивым литературным языком. Женщина, живущая в петербургской коммуналке, рассуждает о либретто поставленной недавно оперы...

Новый советский человек, созданный Сталиным, должен был быть "культурным" — хоть культура разумелась советская. Безграмотность ликвидировали, чтобы читать сочинения Ленина, но до сего дня в провинциальных библиотеках кипит жизнь, а в домах культуры собирается цвет местной интеллигенции. В том числе молодежь.

Как-то я попросила дворника помочь при переезде. Витя — один из тех, у кого вечно душа болит, метла для него не столько орудие труда, сколько подпорка. Пока запакованные вещи ждали грузовика, другой помощник разгадывал кроссворд.

— Польский поэт на букву Т, пять букв? — бросил он в мою сторону.

Но суматоха переезда заполонила мой мозг, изгнав оттуда всех поэтов.

Тувим! — подсказал Витя, как оказалось — выпускник Московского университета.

"Новая русская", девушка в дорогой шубке из чернобурки, читает в переполненном вагоне метро что-то из классики. Что — разглядеть не удалось, но твердый темный переплет исключает детектив.

Косметичка в гостинице "Ленинградская" в свободные минуты листает "Историю" Соловьева. И таких немало. Однако все чаще я вижу в руках бульварное чтиво в золоченых мягких обложках. Что ж, культурное оглупление — международное знамение времени.

Больны ли русские общественным инфантилизмом? Неспособностью к самостоятельному, индивидуальному действию? Способностью только к предписанным жестам? Интересно, что могло бы вывести из себя толпу перед кассой? Кто должен тут крикнуть неизменное "впере-е-ед!"? Какая школа социальных эмоций столетиями выпускает в мир таких учеников?

Бутылка — единственное убежище для чести. *Без поллитры не разберешься* — сюда можно спрятать постоянное отступление, бегство от храбрости, унижение... Есть и другой спасательный круг — чувство юмора, умение смеяться над собой, самооправдание "для внутреннего пользования".

Они дают властям грабить себя, оплевывать, бить... И постоянно ждут доброго владыку, который все за них решит. В котором порядочность преодолеет цинизм...

Варшавский корреспондент "Известий" Корнилов писал о тех, кто правит Польшей ("Литературная газета", февраль 1999 года): "Прошу мне простить не вполне журналистский оборот, но, кажется, тут власть любит народ... или, по крайней мере, боится его..."

Нелюбимый народ. Народ, которым брезгуют. Которым помыкают во имя несбыточных мечтаний недоучек-властителей. А властители ничего не боятся. Петр I, при постройке Петербурга утопивший в приморской трясине тысячи жизней, — еще не самый худший в русской истории пример. В мировой истории повторяются те же негативные компоненты отношений власти и народа, но не на таких географических и временных просторах, не в таких масштабах...

^{*} Рецензию на книгу см. в №2 "Новой Польши" за этот год.

^{**} Все выделенное курсивом — по-русски в тексте.

Александр Ват

"МОЙ ВЕК" (беседы с Чеславом Милошем)

Отрывок из книги

Кто еще был со мной в камере? Был такой Йосек. Я ему рассказал среди прочего о том, что встретился в тюрьме со стариком Стекловым. Тот кричал: "Сталин подлец! Сталин бандит!". В ответ на это Йосек сообщил мне с подробностями, которых придумать не мог, что он хорошо знал сына Стеклова. И рассказал мне всю историю Стеклова. Был он просто кладезем информации, этот маленький Йосек, причем информации из жизни самых высших сфер. Стеклов был редактором "Известий" и т. д., и т.п., заслуженным автором больших книг о Чернышевском, о литературе, о политике, сотрудник Ленина. Сталин его очень любил. Он смешил Сталина анекдотами. Впоследствии, уже в Польше, я узнал, что Сталин, например, любил Циранкевича и приглашал его погостить в Крым, потому что тот его смешил своими анекдотами, в частности, антисоветскими. Нине по случаю такого совместного пребывания в Крыму он подарил шубу. Так вот, говорят, что Стеклов смешил Сталина, и Сталин его любил. Сами понимаете, старый социал-демократ, старый социалист. С большой помпой должен был отмечаться 50-летний юбилей его вступления в партию, еще не большевистскую, и покровительство взял на себя сам Сталин. Ну, подготовка к юбилею, в газетах портреты, все хорошо и вот, за день или за несколько дней до юбилея, бах! - и Стеклова посадили. Посадили и семью. Жену, значит, и сына. По какой-то удивительной милости Сталина жену и сына не только выпустили, но они даже не стали лишенцами, смогли вернуться в Москву, и им отдали часть квартиры, которую они до этого занимали. И не только это. Стеклов был филателистом, и у него была часть царской коллекции, совершенно говорят, невероятной. В мире немного было таких коллекций. Так вот, у него была значительная часть этой коллекции, и что-то из этой коллекции им даже вернули. Йосек, по его словам, был у Стеклова-младшего и видел то, что им вернули. Когда их выпустили, жена, разумеется, стала ходить с прошениями, куда только могла. Это может показаться странным, но даже в худшие времена террора женам позволяли кричать во весь голос. Потом их часто отправляли в ссылку, но если уж их не арестовывали, то разрешали ходить куда угодно и даже устраивать скандалы. Прокуроры просто прятались от этих жен, боялись их. Вот еще одна из тайн, понять которую трудно. Таков был порядок, так было заведено. Нельзя было проявлять грубость по отношению к жене арестованного, если сама она арестована не была. Ну жена и начала обивать пороги всех кабинетов. Ей говорили то-сё, но вот через какое-то время она получила официальную бумагу, сообщающую, что Стеклов скончался. Сердечный приступ или еще что-то там такое ... Взял и умер. Так мне рассказывал Йосек. [...]

И вот теперь я спрашиваю самого Стеклова, правда ли то, что мне Йосек рассказал? Он в общем и целом подтверждает. Вероятно, были там какие-то небольшие детали, но совсем небольшие. В принципе все это было правдой, только вот после ареста он очень недолго был на Лубянке, и сразу же после этого его отправили в омский централ. Знаешь, Омск, Томск - у меня всё это путается. Так что тут я головой не поручусь, томский это был централ или омский. Во всяком случае, это один из известных централов, которые были знамениты тем, что фактически

это были такие мавзолеи для заживо погребенных. Люди сидели в одиночках, со всеми удобствами, у каждого в камере был собственный туалет, питались хорошо, книжки им давали. Можно было десять лет сидеть, и никто никогда, кроме НКВД, и не узнал бы, что этот человек еще жив. Впрочем, на Лубянке всегда ходили такие слухи, что тот или другой среди расстрелянных вовсе не расстрелян, а сидит в каком-то централе. Были даже так называемые золотые клетки на Лубянке. Некоторые выдающиеся ученые могли работать в своей области и действительно жили как бы в золотой клетке. Все, что им было угодно из еды, из одежды, да вообще всё, что угодно. Всё у них было. Но вот этот централ, это было действительно такое жутко мрачное место. Склеп, могила. Как тебе известно, Йосеку семья Стеклова рассказала, что тот умер от сердечного приступа. Тут началась война, дезорганизация коснулась даже этих склепов, и оттуда начали вытаскивать людей и отправлять в Москву. Сразу, в самом начале войны, Стеклова вернули на Лубянку и оттуда очень быстро выслали в Саратов. Когда-то, уже после революции, он опубликовал двух- или трехтомную работу о Чернышевском. Ему всячески способствовали в написании этой работы, он не только книги получал, но даже архивные документы. Надо сказать, что Сталин принадлежал к поклонникам Чернышевского, поэтому Стеклов думал, что ему так облегчают работу по распоряжению самого Сталина. И вот однажды в разговоре у него вырвалось: "Я слышать не могу этой фамилии, сам звук этой фамилии вызывает у меня отвращение". Но работу он вроде бы почти закончил, так что она находится где-то в архивах НКВД.

Ты меня спрашивал, как мы тогда разговаривали, ведь у нас обоих была высокая температура. Знаешь, высокая температура скорее обостряла внимание, и интеллект приобретал какой-то, можно сказать, хищный характер. При всем этом я отдавал себе отчет, что для меня это – единственный случай, чтобы разузнать, наконец, о закулисной стороне всех этих дел, которые мне столько лет не давали покоя: например, вопрос о процессах, почему и как люди подписывали признания и т.д. Разговор был в общем-то трезвый, и если бы его записать на магнитофон и воспроизвести, то все было бы вполне стройно, логично, и все равно в этом разговоре была какая-то внутренняя горячка. Мимика Стеклова в этом разговоре беспрерывно менялась. Он был то жутко оживлен, то как бы обмякал. А у меня было все наоборот. И так как-то получилось, что когда он больше всего рассказывал о Сталине, а он очень охотно говорил о Сталине, - и вот, никакие мои усилия не помогают, я так хочу слушать, но мое внимание, или, вернее, основа памяти, внезапно начинают куда-то уплывать. У меня такое чувство, что она уплывает куда-то в море, в какое-то внутреннее море, которое внутри меня. Уплывает, уплывает... И я ничего из этого не могу удержать. И тут возникают такие провалы, пустые места, пустоты, потом я снова как бы пробуждаюсь и снова его слушаю. Потому что я главным образом слушал, разве что вопросы иногда задавал.

И вот, хотя в Саратове была уже поздняя осень, но день был еще очень теплый, что-то вроде польской "золотой осени", солнечно было и так как-то светло. Мы оба были как скелеты, потому что он не был опухший, а только скорее такой высушенный — и вот, этот странный разговор, который касался, казалось бы, истории, со всем этим моим жадным стремлением узнать всю правду. Ну, и вокруг было так светло, и всё помещение было так залито светом, что я, наконец, смог к нему приглядеться, и пригляделся я к нему очень внимательно. Было в нем какое-то благородство, аристократизм в лице. Кожа очень сухая, кожа лица, вообще кожа, морщины. Я помню, что были морщинки, но общее впечатление было такое, что лицо у него гладкое. Я не могу себе этого объяснить. Когда я закрываю глаза и стараюсь его припомнить...

(Впрочем, Суварин показал мне свою фотографию с ним во времена их молодости: разница небольшая). Но одну вещь я угадал. Потому что когда я, например, смотрел на его губы, которые были уже только следами губ, я представлял себе, что у него должны были быть очень чувственные, почти женские губы, и это фотография Суварина мне подтвердила. Поскольку лицо у него было очень сухое, исхудавшее, когда я его вспоминаю, я помню как гладкое лицо. так и лицо, испещренное такими интересными морщинками, но не только морщинками, потому что у него была еще такая энергичная складка около ноздрей, такое одно движение, как будто сделанное резцом скульптора. Кожа уже начала немного обвисать, но все равно была в этом лице какая-то энергия, не чувствовалось, что кожа обвисает. Ну и нос очень выделялся: такой выдающийся нос, хотя он и не был главным элементом в лице, потому что все-таки главное это были глаза. Глаза были сухие, глаза человека практически сумасшедшего, но с каким-то огнем внутри. Как бы это сказать: с огнем, но без блеска. Я не знаю, можно так сказать или нет: какой-то сухой огонь. Довольно большие глаза, очень интересные веки, как фарфоровые, такие тоненькие, белые. И необычайно богатая мимика. Иногда бывали такие моменты, особенно моменты усталости (потому что он быстро уставал), что атмосфера становилась какой-то такой торжественной, солнечной, почти мягкой, даже голос у него становился таким мягким. А вообще-то голос у него был сухой, сильный, да и взгляд агрессивный. Когда он говорил о героях революции и о Сталине, то все это было с неслыханным презрением: эта сволочь Троцкий, эта свинья Орджоникидзе, а может быть и наоборот, не помню. Но когда он кого-нибудь называл, то всегда это были сволочи, свиньи, подлецы. Я не знаю, говорил ли он о Ленине. Просто не помню. Что касается Сталина, то тут была ненависть, страшная ненависть. Это была его личная ненависть, которая, собственно, и заставляла его еще жить. Было такое впечатление, что он очень болен и живет только благодаря этой ненависти.

Я стремился прежде всего к тому, чтобы выяснить про эти московские процессы, все-таки остававшиеся загадочными. Откуда эти процессы, почему именно так было устроено, почему признавались герои революции. Тогда я еще не очень хорошо все это понимал. Ну, разумеется, Кёстлер². Никто тогда не слыхал о Кёстлере, но если бы даже на Лубянке мы и знали его концепцию, то мы бы лишь похихикали над его писаниной. Впрочем, я не утверждаю, что эта концепция вообще неверна, и что не было таких примеров, как он показал. Но мы-то знали, как именно заставляют людей признаваться в чем угодно. Знали. Зачем же нужно левой рукой тянуться к правому уху? Я тогда задал Стеклову тот самый вопрос. Как это случилось, что герои революции дошли до такого падения? Пыток боялись? В конце концов, они ведь сидели в Сибири... И вот его ответ: "Пытки? Для нас, пытки? А зачем пытки? Мы все, все - вот это я помню почти буквально, потому что у меня мурашки по коже пошли, у меня просто такая холодная дрожь возникла в этой горячке, так он это сказал — у нас у всех руки были по локти в говне и в крови. Каждый из нас, из арестованных героев революции, видел перед собой такой список, перечень падения, деградации, подлости, и это почти с самого начала, что нам уже практически было все равно. Признаться, не признаваться – все это не имело значения". Человек, который видел, что вся его жизнь постепенно катилась по наклонной плоскости, что он падал все ниже и ниже (теперь я передаю его речь своими словами, потому что он говорил кратко, но с огромной силой), - этот человек чувствовал отвращение к собственному прошлому. Отвращение к собственному прошлому и объясняло признания этих людей. Из-за отвращения к самому себе в чем угодно можно признаться. Тогда мне сразу пришло в голову, что ведь можно представить себе, до какой глубины падения, морального падения может дойти, например, католик, который убедился в том, что он обречен, осужден навеки, что уже ничто его не спасет.

В определенном смысле Стеклов не дошел до самой глубины падения, но лишь в определенном смысле. Это как с Ивашкевичем, с его оппортунизмом³. Он в какой-то момент сказал себе, что и так уже всё равно, и тогда чего уж стесняться, я могу хотя бы свою усадьбу сохранить и т. д., и т. п., и так в конце концов скурвился. Так вот, когда я всё это услышал, то меня действительно дрожь пробрала. У Стеклова был такой тяжелый взгляд, что когда он говорил об этих вещах, для меня это была просто какая-то невыносимая тяжесть. Была такая особенность его взгляда, не столько, может быть, этот сухой огонь, сухое пламя, сколько неслыханная тяжесть во взгляде — я ее чувствовал во всем теле, особенно когда он говорил о героях революции. То, что он говорил, было вульгарно. Но при этом у него всегда была какая-то изысканность, элегантность, которую я, впрочем, видел у старых польских национал-демократов из зажиточных, богатых семей, которые сначала получили хорошее семейное воспитание, а потом прошли через социализм. Это все создавало какой-то такой рафинированный аристократизм. Он был великолепным тому примером. Никто из моих старых друзей, бывших эндеков, не достиг этого уровня элегантности.

А про Сталина что я запомнил? Мало что в памяти осталось. Может быть, это из-за горячки, что я так старался запоминать и так мало запоминал... Он рассказывал мне о падении Енукидзе⁴. Я потом проверял в литературе – есть другая версия, то есть неизвестная версия, думаю, в те времена довольно распространенная. Енукидзе был для Сталина своего рода наставником, и Сталин довольно долго очень к нему прислушивался, считался с его мнением. Енукидзе был такой барин, бонвиван, грузинский социалист, весьма рафинированный тип человека. Все они, Церетели, вся эта группа социалистов, прекрасных марксистов, вся эта школа – они презирали Сталина с самого начала. К тому же вся эта история, когда Сталин ограбил поезд или банк... Дурная слава за ним тянулась. Мол, черная косточка, простолюдин. И вот он их уничтожал, но к Енукидзе, по-видимому, еще с молодости питал какое-то уважение, чем-то тот ему импонировал, так что он его щадил и очень с ним считался. Но у Енукидзе была дочь, этакая беззаветная служительница культа Сталина. Отец уже вел себя очень и очень осторожно. Бонвиван, уже не молодой, он хотел умереть своей смертью. Дурного он ничего не делал. Но, надо полагать, перед дочерью он ничего не скрывал и нехорошо отзывался о Сталине. И вот она по какой-то причине видно взяла и помчалась прямо к Сталину. Сталина это должно было сильно задеть. Енукидзе посадили. Подобный случай, о чем в Варшаве говорят, но, разумеется, об этом никто не сообщал, произошел с Варским⁵. Вероятно, Варского Сталин бы тоже пощадил. Тот был уже пенсионер, старик, тоже никому не мешал. Жил себе в Кремле, получал награды, почести. Но он ходил обедать к своей старинной подруге молодости, вдове Дзержинского. И вот эта Дзержинская тоже побежала к Сталину и сообщила, что Варский о нем говорил. И Варского забрали. Так что это был довольно обычный случай для "пассионарий", всех этих служительниц культа Сталина. Странно, что человеческая красота не играла здесь никакой роли, потому что вполне ясно, что все происходило на сексуальной почве. Но внешняя красота мужчины при этом не играла никакой роли, скорее сила. Потому что Сталин был по сути дела чудовищем. Низкий заросший лоб, низкий рост, оспины на лице, жуткие глаза. Паустовский у нас в Париже в присутствии Анджеевского описал Сталина так, как он его видел на каком-то собрании: ужас, просто чудовище. Что еще Стеклов говорил о Сталине? О дворе Сталина. Это был, собственно, не двор, и не камарилья, а действительно какая-то банда, шайка. Сталин подбирал себе в окружение главным образом людей, в высочайшей степени характеризующихся тем, что называется пошлостью. Пошляки. И вот все эти застольные беседы за водочкой, когда разные решения принимались - Стеклов об этом рассказывал с отвращением, именно об этой

неслыханной пошлости и жестокости этих пошляков. В какой-то момент, уже под самый конец он мне говорит: "Когда Вы вернетесь... (я это помню дословно), когда Вы вернетесь в Польшу, обязательно расскажите, как умирал старый Стеклов!", — на что я сразу ответил довольно искренно, потому что так и думал: "Никогда я туда не вернусь!". А он на меня рассердился: "Наверняка вернетесь. Несомненно и наверняка вернетесь!". И тогда я понял, что этот старый капризный эгоцентрик считал, что я должен вернуться, потому что у меня появилась миссия, жизненная миссия: рассказать, как умирал старый Стеклов. И вот за нами пришли, и на этом разговор закончился. Сначала взяли его, и он еще на пороге кричал: "Расскажите в Польше, как умирал старый Стеклов!"

Ну, забрали его, а потом пришли за мной. Я оказался в палате, довольно большой, выходящей в коридор, а двумя-тремя дверями дальше был Стеклов. У них там было прекрасное лекарство против дизентерии, так что я уже на третий примерно день мог вставать с постели. Так что я вставал и сам ходил в туалет. Там было довольно свободное обращение. Перед каждой палатой стоял солдат, но в коридоре они не особенно следили, и я слышал голос Стеклова. Однажды я услышал: "Ради Бога!" Голос у него уже был как бы надтреснутый. Он звал кого-то, нянечку, вероятно, то есть санитарку. Дважды в один и тот же день, а был это пятый или шестой день, я останавливался перед его дверями. Один раз утром, и часовой - по лицу было видно, что незлой человек - позволил мне остановиться, хотя и сказал: "Тут не разрешается говорить!" Однако Стеклов меня заметил и еще раз повторил: "Расскажите, как умирал старый Нахамкес-Стеклов!". Я помню, что он тогда добавил свою настоящую фамилию. В первый раз! Я сделал какой-то дружеский жест, он тоже приложил руку к сердцу с какой-то дружелюбной улыбкой, а вечером я снова остановился около дверей его палаты. И тут я увидел жуткую перемену, совершенно другое лицо, несравнимое, как день и ночь. Веки опущены, одни щелочки остались. Эти веки, которые там, в зале ожидания – я тогда очень внимательно присмотрелся – были как тонкий китайский фарфор, теперь уже были тяжелые, как автомобильные шины. Ну и лицо, похожее не столько на череп, сколько на Рамзеса, то есть лицо совершенно как у мумии Рамзеса. Челюсть у него уже отвисла, дыхание тяжелое, говорить он не мог. Иногда он еще кричал, в самом начале кричал и потом снова кричал несколько раз: "Сталин!..." - это у него уже была навязчивая мысль. И нянечка в нашей палате, старая такая, сердечная женщина – все эти старые нянечки были очень сердечные – так вот, когда он произносил слово "Сталин", она потихоньку крестилась. Ну, разумеется, он тогда уже был в агонии. Больше я его не видел.

¹ Жена многолетнего премьер-министра ПНР Юзефа Циранкевича, известная польская актриса Нина Андрыч — *Прим. пер.*

² Артур Кёстлер (1905-1983 гг.) — английский писатель и философ, участник гражданской войны в Испании, автор известного романа "Слепящая тьма" (1940 г., русский перевод 1988 г.), в котором изображен психологический механизм сталинского террора. — *Прим.пер*.

³ Ярослав Ивашкевич (1894-1980 гг.) — польский писатель, многолетний председатель Союза польских писателей — Прим. пер.

 $^{^4}$ Енукидзе А. С. (1877-1937), с 1918 г. секретарь президиума ВЦИК, в 1922-1935 гг. секретарь президиума ЦИК СССР — Прим. nep.

⁵ Адольф Варский (1868-1937) — один из организаторов социал-демократической, а затем коммунистической партии Польши — *Прим. пер.*

Александр Ват

Переводы Натальи Астафьевой

СТИХОТВОРЕНИЯ

ТЮРЕМНАЯ БАЛЛАДА

В карцере пятые сутки я трясся от холода ночью, «О, не буди из дремоты меня, мой бедный сыночек»

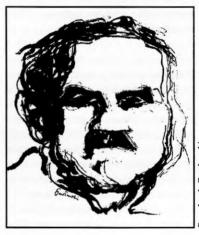
Сын тянет ко мне с мольбою худые, как кости, руки: «Зачем ты нас оставил в неволе, в беде и в муке».

Опять я впадаю в дрему, мучительно умирая: «О, не буди, не надо, жена моя дорогая!»

Жена ко мне тянет руки, что голод пятнал следами: «Выдержи. Выживи. Помни. Будь. Всегда. С нами»,

Встаю. Глаза открываю. Дрожа, расправляю плечи: Здесь преддверие смерти. В вечности будег встреча.

Замарстынов, 1940

ис. Jacek Gawłowski

Лешек Шаруга ПОЭЗИЯ БОЛИ

Александр Ват (1900-1967) принадлежал к числу тех писателей, которые, подобно Кестлеру, Бабелю или Оруэллу, после эпизода интенсивного участия в строительстве коммунистической утопии, в своем позднейшем творчестве начали стремиться к проникновению в механизмы этой своей идеологической привязанности и к разоблачению сущности тоталитарной системы. А. Ват воспитывался в семье с одинаково живыми как еврейскими, так и польскими традициями: среди его предков мы обнаруживаем не только философа XI века, комментатора Библии Раши из

Труа, каббалиста XVI века Исаака Лурию, или главного раввина ("гаона") города Кутно, но и участника восстания против царизма в 1863 г Берека Хвата. В семье будущего поэта пересекались влияния иудаизма, католицизма и атеизма — это тем более важно, что религиозные вопросы во всем его творчестве играли чрезвычайно важную роль.

Он дебютировал как футурист. Владимир Маяковский, который дважды встречался с Ватом в Варшаве в период между войнами, записал в своем дневнике: "Ват урожденный футурист". Это мнение с сегодняшней точки зрения представляется верным лишь частично - с тем же успехом можно ранние произведения Вата вписать в традиции сюрреализма, и именно в этом направлении движется интерпретация Томаса Венцловы, который недавно опубликовал обширную монографию, посвященную автору книги "Темное светило".

В молодости он был связан с кругами левонастроенных писателей, в частности, с Бруно Ясенским, Анатолем Стерном, а позднее также с Владиславом Броневским. Он был редактором коммунистического журнала "Месенчник Литерацки", бывал также частым гостем в советском посольстве. Об этих контактах он писал: "Это были дипломаты школы еще Чичерина, а затем Литвинова, просто настоящие европейцы. Люди с широким европейским образованием, великолепно воспитанные, с идеальными манерами и огромной наделенные эрудицией, недюжинным умом. Они ничем не напоминали ни надутых чиновников, ни солдафонов, ни чекистов". Здесь Ват знакомился с приезжающими в Польшу

ПЕРЕД ПОСЛЕДНЕЙ РІЕТА МИКЕЛАНДЖЕЛО

Я Твой отец, ибо я кладу Тебя в гроб.

Вот последнее дело рук. Я сломаю резец, утоплю мою кисть. Ибо я кладу Тебя в гроб, Сыне мой, Сыне. Это конец. Дальше лишь ночь. Ничто.

Все, что перестрадал Ты, перестрадал я с Тобою. Но страдал я дольше и страдаю ныне.

Все, что Ты передумал, я передумал с Тобою. А теперь сломаю резец, утоплю неверную кисть, капюшон наброшу монаший и буду молчать.

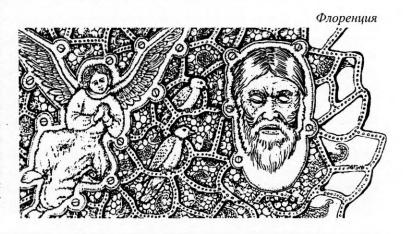
Но страдал я дольше, но страдал я горше. Ибо я не Божий червь — но человечий.

Ибо меня мой Отец оставил не вчера

– а в самом начале.
Ибо какая же мне награда

– кроме Геенны?

Небытие, быть может. Море молчанья.

ВЕЧЕРНЯ В НОТР-ДАМ

Вечером летним войди в собор, играют Баха: Sois tranquille Sois tranquille, mon ame... Хорал витражей, корон сверканье, мерцающий трепет ста тысяч свечек взвихрили в воздухе пыль цветную, в которой божественности не видят художники постимпрессионисты...

Но свет — это Дух Святой, который в собор сквозь стекло и свинец ворвался. И здесь, смешавшись с музыкой Баха, рождает в пространстве цветную гамму, где каждый цвет — иное пламя, эон, звучащий в огненных призмах, хор звучных красок, пламени песня, облако звуков в огне собора...

Живой огонь. В нем возродится душа затравленная. Умерший Феникс. Sois tranquille, mon ame... Sei ruhig, mein Seel¹ Sei ruhig

успокойся, душа моя. (фр., нем.)

советскими писателями. За свои связи с коммунистами он был арестован и сидел в одной камере (которую он назвал "веселой камерой пролетариев") с Броневским. В тридцатые годы он начал работу в известном издательстве Гебетнера и Вольффа, где был литературным руководителем. После начала войны в 1939 г. он оказался в оккупированном Советским Союзом Львове, где был арестован и посажен в тюрьму на Замарстынове, а позднее перевезен в Москву, где сидел на Лубянке. Годы с 1941 по 1946 он провел в ссылке в Казахстане. После войны Ват работал редактором Государственного Издательского Института в Варшаве, в 1959 г. выехал на лечение во Францию и решил не возвращаться. Скончался Александр Ват в Париже.

Поэтическое наследие А. Вата сравнительно невелико: в него входит четыре сборника: "Я с одной стороны и Я с другой стороны моей мопсожелезной печки" (1919), "Стихотворения" (1957), "Средиземноморские стихи" (1962) и опубликованный посмертно, но составленный еще самим автором сборник "Темное светило" (1968 г.). Помимо этого он опубликовал том рассказов "Безработный Люцифер" и вместе с Чеславом Милошем записал на магнитофон цикл бесед, из которых возник "устный дневник" под названием "Мой век", опубликованный в 1981 г. Также посмертно были опубликованы два тома его эссе и заметок - "Мир на крючке и под замком", а также "Дневник без гласных".

Комментируя длительный период молчания Вата как писателя, Чеслав Милош писал: "Во всяком случае, если революционный пыл побуждал его к литературной пропаганде, то с того момента, когда Ват заключил пакт с Историей, он перестал публиковать свои стихи

и рассказы, в чем его Муза, быть может, оказалась мудрее его самого. [...] Лишь тогда, когда этот пакт был расторгнут, Ват-поэт заговорил своим голосом". Не только Ватпоэт, но также Ват-мыслитель и Ват-свидетель эпохи. Среди оставшихся после него бумаг множество набросков и разработок, иногда начатых, а иногда просто предназначенных для задуманных больших форм. Все они прежде всего сосредоточены на попытках описания и интерпретации механизмов действия тоталитарных систем, в том числе - и главным образом - системы советской. В эмиграции, начиная свое сотрудничество с парижской "Культурой" (он написал, в частности, большое вступление к тому рассказов Андрея Синявского (Абрама Терца), "Фантастические повести") и характеризуя принципиальную разницу между положением польских и советских писателей, он писал: "Польским писателям выбили (метафорически) зубы и вставили протез из чужого рта, но голов при этом не отрубали. Они были запуганы, но не жили беспрерывно под властью Страха и Ужаса. Это правда, что для слишком впечатлительных личностей запуганность иногда бывает самой непереносимой. Я сам это почувствовал, когда после нескольких недель страха перед неминуемым арестом пробудился от ночного кошмара в тюрьме на Замарстынове (24 января 1940 г.). Этот кошмар со всей доскональностью, присущей лишь снам, воспроизводил мои самые зловещие страхи. Я проснулся с чувством облегчения: наконец-то меня посадили". Это только один из многих анализов, начатых Ватом: к сожалению, ему не удалось представить их как единое целое (ближе всего к этому он был в "Моем веке").

ПЕРЕД ВИТРИНОЙ

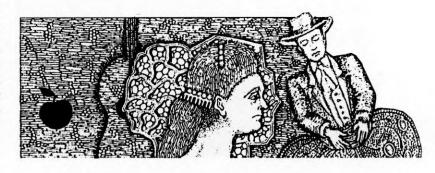
Мир. Он так мал, что одной гитары хватит, чтобы наполнить его звучаньем — если играет на ней любовь.

Любви не видно, но она здесь.

Рядом с гитарой блюдо яблок
— знак королевский в картах таро;
осознанье зла-добра;
плод Гесперид,
не золотой,
из разноцветья
нашего мира,
который так мал,
что одной гитары хватит
и т.д.

Все это видно кроме Любви ее не видно но она здесь в малой витрине лавки картин в предместье Сент-Оноре

Париж, декабрь 1955

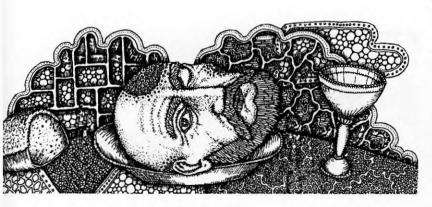
домой

Посидел бы я с тобой немножко на мазовецком песочке поглядел бы на сосны посвистел бы с дроздом на пару. Но с тамошним. По-польски.

Паутинки бабьего лета уж вплетаются в хвойные иглы солнце заходит по-польски и вересковая поляна вся расцветает лилово, так прекрасна в своем смиренье, в своей приземленности возвышенней горделивых кипарисов здешних.

Постоял бы я у березы, такой вознесенной и белой, такой нематериальной, что, наверно, вовсе и не дерево она, а фатаморгана, сновиденье — идеал — идея — приземленно цветущей грустной вересковой поляны...

Ване, сентябрь 1956

Причиной неспособности Вата к концентрации, к сосредоточенности, причиной, из-за которой, особенно в позднейший период, он переносил на бумагу лишь "фрагменты", "заметки" или "отрывки" для более крупного, но никогда не созданного им произведения, была болезнь и причиняемая ею непреодолимая боль. Наиболее полное выражение этот опыт нашел в "Дневнике без гласных", а также в его поэтическом творчестве. Свою болезнь сам Ват связывал со своей активной политической деятельностью, с рабским следованием доктрине. Как пишет Милош, болезнь "началась в Варшаве, в период, когда восторженная одержимость доктриной считалась обязательной, и Ват был одним из тех прокаженных, при виде которых знакомые переходили на другую сторону улицы. Именно тогда с ним случился инсульт [...] и этот лопнувший кровеносный сосудик в мозгу в течение многих лет напоминал о себе приступами сильнейшей боли, психосоматического происхождения, против которой врачи не находили никаких эффективных средств". В состоянии боли - или же в перерыве между очередными приступами - Ват написал одно из ключевых произведений своей поэзии, стихотворение, которое дало заглавие сборнику его лирических произведений, написанных им на протяжении всей жизни: "И все-таки этой ночью, записывал он в Париже 7 ноября 1963 г., - между одним обрывком сна и другим, несмотря на огромную боль, я написал "Темное свет-ило". Несомненно, боль является также одной из основных тем творчества Вата в послевоенный период, причем здесь можно явственно отделить друг от друга два ее полюса: с одной стороны, это земная боль существования, а с

другой – метафизическая, экзистенциальная боль:

"В боли моей несчастье моё, горе моё, горе великое, в коже саднящей, болящей, израненной, терзаемой день ото дня огненной болью, с первого раннего утра через всю бесконечную пустошь лишённых смысла мгновений и до самого позднего вечера, как и в отвратительных обнаженьях древних пород, родом из недр, грозных как ножевые проблески пробуждений".

Здесь явно читается ссылка на первый день творения ("И был вечер, и было утро: день один", Быт 1, 5). Существование пронизано болью. Мир, с которым мы контактируем через нашу кожу, познается нами прежде всего через боль. Это обобщение собственного, индивидуального опыта, соединяет пространства: сферы интимности и внешнего мира. Поэтический жест, жест создания мира является повторением жеста Творца, но в то же время, попыткой - заранее обреченной на провал, но постоянно возобновляемой, попыткой заглушить эту "огненную боль", которой с самого начала заклеймено наше существование. Поэтому поэзию Вата можно определить как неустанное стремление к очищению от боли, к освобождению.

Освобождением становится для него изгнание. Именно так обстоит дело в "Темном светиле", стихотворении, соотносящемся со знаменитым фрагментом из "Государства" Платона, в котором философ приказывает изгнать поэтов из своей утопической республики. Снаружи, за стенами символического города "цветы дышат счастьем". Поэтому выбраться за его стены кажется – по крайней мере, на первый взгляд — шансом освободиться, спастись.

Леопольду Лабендзю ¹ ...frisst der Grimm seine Gestalgungen in sich hinein Hegel ²

Что я могу поделать, если я для тебя lumen obscurum? Верь мне, я себя вижу где-то внутри себя как светлую точку. Даже прозрачную. На фоне Хаоса, да, на темном. Но ведь над всем сегодня царит семантическое недоразуменье.

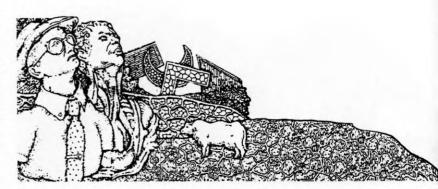
Не забывай однако ж, мой Ипполит: мы оба с тобой пай-мальчики, что пошли, в соломенных шляпах и белых блузах с синей каймою, ранним солнечным утром ловить сачками бабочек. А к ночи они гоняются за зигзагами молний, запыхавшись смертельно. Напрасно... Ведь молнии Хаос тоже не разорвут! Ничто его не разорвет. Он себя разрывает сам. Пожирая себя, кусок за куском, не насыщаясь. А я с этим ничего не могу поделать, дорогой друг.

Париж, июль 1963

¹Леопольд Лабендзь (род. 1920) - публицист, редактор "Survey" в Лондоне, друг Вата.

2...ярость сама пожирает свои ипостаси... (Гегель)

³ темный свет (лат.)

Из цикла "СНЫ У СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ"

Двумя руками, сосредоточенно, очень бережно, доктор, я нес впереди себя, как фонарь, тростниковую клетку. а в ней трепетал мотылек, я не знаю названья. Не белый, скорее соткан из света, но жилки крыльев жестки и непрозрачны. Я сказал "фонарь", потому что освещал дорогу передо мной. Ночь, а было светло. Дорога шла по разливам, маслянистым, нога тяжело в них вязла. Они были радужны, как голубиные шеи, когда я, всю ночь прошлявшись по городу, на рассвете возвращался домой, молодой Агасфер, гоним приговором, не объявленным, но уже предчувствуемым. Итут я задумался и захлебнулся в прибое предчувствий, так что он вырвался, С силой орла. И летел, как камень, но — вверх. А потом – на запад. Но поскольку я шел своей прежней, Противоположной дорогой, он вдруг вернулся и вновь закружился, но гневно. о, даже заклекотал, он, прежде молчавший как мертвый. И так повторилось, доктор, три раза. Но тщетно: дома ждала меня мать, под крахмальной простыней, я должен был исполнить свой сыновний долг. Мотылек же, не мотылек - птица, махнул широким крылом, казалось, вовсе не гневный, а отчаявшийся. Во мне. И улетел, навсегда. Как же мне, доктор, без фонаря? И что значит этот сон, доктор? Но прошу без секса. Мне не этого нужно: дыханья для легких, света для сердца, пищи земной для глаз. Ибо ночь и дорога по душным разливам, а я без фонаря, без крыльев, без клетки, и, право, не знаю, что делать мне со свободой без моего мотылька?

Однако даже это спасение оказывается лишь миражом, поскольку за стенами поджидает стражник — смерть. Именно так обстоит дело в произведении, открывающем сборник "Стихотворения":

Боль моя — моя темница,
Где ни окон, ни дверей.
Слышу только — за стенами
Ходит стражник взад-вперед. (...)
Как же смерть меня настигнет,
Коль в темнице моей боли
Нет ни окон, ни дверей?

Поэтому освобождением становится смерть, вторжение Небытия, уничтожение собственного существования - столь глубокое и окончательное, что оно уничтожает даже прошлое, как в той записи из "Дневника без гласных", в которой использование давнопрошедшего времени позволяет радикально заострить вопрос: "Ты ставишь меня перед альтернативой: крест или небытие. Но если, уже страдая на кресте, ты мечтаешь лишь о небытии? Только о небытии? Исключительно о небытии? Не о таком небытии, чтобы уже никогда не быть, но о таком, чтобы уже не было, что хоть когда-то было". Ответа на так поставленный вопрос творчество Вата не дает и дать не может. Однако оно является диагнозом как экзистенциального, так и метафизического состояния современного человека, человека, который "страдая на кресте", испытывая не покидающую его боль существования, отчаянно ищет спасения.

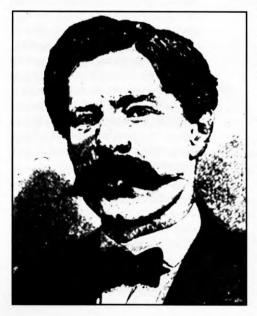
Антони Кучинский

ОН СИБИРИ НЕ БОЯЛСЯ

В далекой Якутии, там, где река Лена, разветвляясь на множество рукавов, впадает в море Лаптевых, вдоль ее левого берега высится все еще малоизученная таинственная горная гряда протяженностью более 300 километров. На картах она обозначена как кряж Чекановского. Вершина, названная его именем, есть и в хребте Хамар-Дабан, расположенном на юго-восточном побережье Байкала. Его фамилия вошла составной частью и в латинские названия ископаемых животных и растительных организмов, а также растений, доныне произрастающих в Сибири. Использование имен ученых в географической и природной ономастике — особенно красноречивая форма признания их заслуг.

Каковы же были научные достижения Александра Чекановского, если его имя столь прочно вошло в научный обиход? Сначала скажем о том, откуда они взялись. Научные достижения Чекановского связаны с его ссылкой в Сибирь. Этот непокорный российским властям ученый активно участвовал в патриотических действиях во время восстания 1863 года. Его личность — типичный пример трудолюбия и самопожертвования, с какими многие ученые, отправленные в Сибирь, отдавали себя исследовательской работе на ниве естествознания, этнографии или языкознания. Вклад Чекановского в естественнонаучное исследование Сибири, а также наблюдения в сфере культуры — этим он тоже занимался — еще один пример силы воли тех, кто, оказавшись в Сибири, отдал этой земле свой труд, знания и способности, чтобы изучить ее, обустроить и цивилизовать. Заслуги Чекановского — это одновременно и результат поразительно дальновидного и мудрого отношения российских чиновников, которые создавали ссыльным возможность вести научную работу; это была одна из тех моделей сибирской действительности того времени, при которой ссыльных умело использовали, чтобы поднять на более высокий экономический и цивилизационный уровень края, столь отдаленные от центра Российской империи.

Следует признать, что результаты усилий как польских, так и российских ссыльных в деле изучения Сибири были бы гораздо более скромными, а во многих случаях вообще невозможными, если бы не помощь, которую они получали от правительственных учреждений, прежде всего от Российского географического общества, основанного в 1845 году. Его Восточно-Сибирское отделение было создано в Иркутске в 1851 г. и сразу начало свою научную и организационную деятельность. В составленной обществом программе предусматривалось не только создание в Иркутске научной базы в виде научной библиотеки и музея, но и осуществление широкомасштабных работ по геологии, географии, зоологии; кроме того, планировались этнографические, антропологические и археологические исследования.

Когда после польского восстания 1863 г. в Иркутске и его окрестностях оказалось много образованных поляков, местное отделение Географического общества, несмотря на их статус ссыльных, помогало им в научных исследованиях, инициировало эти работы и оплачивало их. Часто их исследования пересекались с изысканиями российских ученых, работавших в этом районе. Известно, что наряду с той помощью, которую Географическое общество оказывало в исследовательской работе, велики это заслуги также в улучшении быта ссыльных поляков, а бывало и так, что общество способствовало их освобождению.

Большое влияние на судьбы сосланных в Восточную Сибирь поляков оказал генерал Болеслав Кукель, поляк на российской службе, который был начальником штаба войск Восточной Сибири и до 1369 г. возглавлял Восточно-Сибирское отделение Российского географического общества. Не будем перечислять примеров его дружеского и доброжелательного отношения к соотечественникам, занимавшимся научными исследованиями на территории Восточной Сибири. Следует лишь упомянуть, что он оказывал помощь Бенедикту Дыбовскому, изучавшему флору и фауну Байкала, Николаю Витковскому, проводившему археологические раскопки в окрестностях Иркутска, и другим ссыльным, чьи имена вошли в историю польских научных открытий, связанных с просторами Сибири.

Наш герой родился в Кременце в 1833 году. Окончив гимназию в Киеве, Чекановский поступил на медицинский факультет Киевского университета. Однако, спустя некоторое время, он прервал учебу и перешел в Дерптский университет, где начал изучать геологию. К сожалению, из-за материальных трудностей университет он не закончил, вернулся в Киев и начал работать ради заработка. Это был период подготовки к назревавшему восстанию против российского владычества.

Политическая деятельность, в которой участвовал Чекановский, была связана с повстанческим подпольем. Арестованный в 1863 г., после краткого пребывания в тюрьме он был, как и многие другие участники восстания, отправлен в Сибирь. Его приговорили к шести годам каторги. В Томск он прибыл больной тифом. После выздоровления его направили в деревню Сивакову, расположенную на берегу реки Ингоды недалеко от Читы. Там жили и другие ссыльные поляки, работавшие на лесоповале, лесосплаве, в сельском хозяйстве, на лесопилке. Они охружили новоприбывшего товарища заботой, опекали его, подменяли на самых трудных работах. Сам же он, несмотря на плохое физическое состояние, занялся изысканиями в области естественных наук. Можно сказать, что ему просто повезло. В Сиваковой его морально поддерживал Бенедикт Дыбовский, пользовавшийся большим авторитетом среди ссыльных. То же самое было и в Дарасуне, где Чекановский активно продолжал свои исследования. Но время успехов наступило несколько позже. Сменив еще раз место пребывания, Чекановский не прервал своих изысканий. Осенью 1866 г. он поселился в Падуне на берегу Ангары (ныне окрестности Братска). Один из польских ссыльных много лет спустя писал, что и в этой деревне, "в одном из самых тихих уголков мира, замечательный геолог и путешественник не прерывал своих наблюдений, хотя призрак голодной смерти много раз маячил у дверей его убогой избушки. Огромная сила воли всегда позволяла ему одерживать победу в борьбе с голодом, а любовь к научной работе делала его жизнь светлее".

Так оно и было. Но на сей раз ему повезло. Именно в это время в Восточной Сибири находился с геологической экспедицией академик Фридрих Шмидт. В Иркутске он узнал, что в Падуне в невероятно тяжелых условиях живет Чекановский, с которым он учился в Дерпте. Шмидт поспешил ему на помощь в эту глухую деревню. И был вдвойне удивлен. Во-первых, плачевным состоянием здоровья Чекановского, который был уже на грани физического истощения, так что помощь пришла весьма вовремя. А во-вторых, Ф.Шмидт, в то время уже известный в России ученый, обнаружил новаторство работ Чекановского, особенно по геологии. Он приложил все усилия, чтобы помочь Чекановскому, и это ему удалось. Благодаря Шмидту в конце 1868 г. Чекановский был переведен в Иркутск и там, в Восточно-Сибирском отделении Российского географического общества, занялся систематизацией геологических коллекций. Конечно, не обошлось без помощи уже упомянутого генерала Болеслава Кукеля. Именно он добился, чтобы Чекановскому разрешили отправиться с экспедицией на юг Иркутской губернии. В течение трех лет (1869-1871) Чекановский исколесил огромную территорию этой губернии. Он составил точную геологическую карту тех мест, указал имеющиеся там многочисленные залежи полезных ископаемых, добыча которых началась позднее и принесла большой финансовый доход, что способствовало развитию региона. Кроме того, во время этой экспедиции он собрал богатейшие коллекции — геологическую (около 10 тыс. единиц) и флоры, которые впоследствии купила у него Академия наук в Петербурге. В этом ему помогал Ян Черский, позднее самостоятельно занимавшийся геологическими исследованиями в Сибири. Чекановский сотрудничал также с Бенедиктом Дыбовским, ибо только путем взаимных научных консультаций можно было приумножить результаты исследований, проводившихся на местности. Исследования Чекановского пролили новый свет на геологическое строение района Прибайкалья, а в российской и мировой науке они были признаны новаторскими. Таковыми они считаются и по сей день, несмотря на то, что научные знания об этой территории постоянно пополнялись и развивались. Достижения польского ученого стали основанием для присуждения ему в 1870 г. золотой медали Российского географического общества, весьма престижного в тогдашней России учреждения. К этой высокой оценке научных заслуг Чекановского прибавим, что составленная им геологическая карта Иркутской губернии в 1875 г. получила награду на Международной географической выставке в Париже.

Событие всей жизни, которым стало для Чекановского исследование Сибири, звало его изучать всё новые территории, а опубликованные работы и полученные награды стали своеобразной "жалованной грамотой" ссыльного. С момента поселения в Иркутске, все чаще получая субсидии от правительства, он отправлялся в экспедиции по неизведанным районам Сибири. Эти экспедиции требовали больших физических усилий: ему очень часто приходилось пешком преодолевать большие расстояния по неизученной местности. Использовались также собачьи и оленьи упряжки. Сплавляясь на примитивных плотах и лодках по сибирским рекам, экспедиции изучали их судоходность и берега, чтобы на составленных начерно картах отметить места, где можно построить речные пристани. Увидев в Чекановском опытного исследователя, прекрасно умеющего справляться с трудностями в столь сложных местных условиях, а также знакомясь с результатами его трудов, вышеупомянутый Ф.Шмидт предложил Географическому обществу организовать экспедицию с геологическими и природоведческими целями в совершенно неизученные районы между Енисеем и Леной, особенно в район Нижней Тунгуски и реки Оленёк, а руководителем этой экспедиции он предложил назначить Чекановского. Его предложение было принято. В 1873 г. вместе с российскими учеными Фердинандом Мюллером и Гавриилом Навальных Чекановский отправился в новую экспедицию. Первый ее этап охватывал территорию Среднесибирского плоскогорья, преж-

де всего район Нижней Тунгуски. Потом была предпринята смелая экспедиция на север, туда, где и сегодня простирается горная гряда, называемая кряжем Чекановского. Тогда же были составлены точные картографические описания этого района, определены географические условия, проведены геологические изыскания и этнографические наблюдения. А когда государственные средства кончились, Чекановский в мае 1875 г. на собственные деньги отправился в район реки Оленёк, чтобы провести там геологическую разведку. Именно тогда он обнаружил залежи каменного угля и других ископаемых, исследовав территорию, которая была в то время совершенно неизведанной землей, а составленные им карты способствовали дальнейшему ее описанию и обустройству.

Экспедиционную деятельность Чекановского отличали энергия и четкая организация. Он действовал весьма успешно, и следует подчеркнуть, что, кроме научных данных по геологии и географии, он собрал также много любопытных наблюдений из области этнографии и лингвистики. В его заметках есть описание обычаев и нравов эвенков и якутов, описание русских селений и экономических отношений в местах, где он вел свои изыскания. Чекановский особенно любил исследовать труднодоступные и неизведанные местности. Поэтому нет ничего удивительного в том, что его так часто называют первооткрывателем. В результате его трудов были исправлены географические карты, получены точные данные о географических особенностях многих районов, определены месторождения угля, руды и другого минерального сырья. Много внимания он посвятил изучению сибирских рек, их течения и берегов, геоморфологии горных районов, имеющих большое экономическое значение. Его работы получили признание в научном мире, на долгие годы стали единственным источником знаний о недоступных просторах Восточной Сибири. Не перечисляя всех оценок, которые встречаются в многочисленных энциклопедиях, учебниках и научных трудах в России и за ее пределами, напомним лишь, что академик Ф.Шмидт, который "вывел Чекановского из дома неволи" и ввел в науку, писал, что его отчеты, представленные Географическому обществу, были переведены на другие языки и стали достоянием науки, а составленные им карты изменили и дополнили карту Азиатской части России. Следует добавить, что не все результаты своих изысканий Чекановский сумел опубликовать при жизни. Российское географическое общество позаботилось о том, чтобы были созданы оптимальные условия для публикации его работ, и в 1876 г. благодаря стараниям общества Чекановский поселился в Санкт-Петербурге, чтобы заняться обработкой результатов своих исследований.

Если с перспективы прошедших лет мы попытаемся оценить научные достижения Чекановского, то прежде всего нас поразит их объем. Занимаясь своими исследованиями, он всегда чувствовал себя человеком с клеймом ссыльного. Кроме того, не надо забывать, что научную работу ему приходилось вести в чрезвычайно трудных условиях. Он часто страдал от голода и холода; он вынужден был сам доставать транспортные средства, пригодные для трудных условий, в которых проходили его экспедиции первооткрывателя. Многие физические работы ему приходилось выполнять самому. Часть своих научных работ Чекановский опубликовал при жизни, и всегда они получали признание. Но за рамками этих публикаций осталось огромное количество рукописей, хранящихся в российских архивах, прежде всего в Санкт-Петербурге и Иркутске. Чтобы окончательно не обмелел тоненький ручеек сведений о его работах, под покровительством Академии наук СССР были предприняты попытки собрать работы Чекановского, и была издана книга: "А.Л.Чекановский. Сборник неопубликованных материалов А.Л.Чекановского. Статьи о его научной работе" (Иркутск, 1962). А в Польше вышла биографическая монография Збигнева Вуйцека "Александр Чекановский. Очерки о людях, науке и природе Сибири" (Люблин, 1982). Учитывая выдающиеся заслуги и новаторские свершения Чекановского в области геологии и географии Сибири, этих двух публикаций явно маловато. Следовало бы подумать о польско-российском издании всех его работ с соответствующими научными комментариями. Для этого необходимо сотрудничество ученых из Польши и России, что представляется мне вполне реальным.

Пребывание Чекановского в России, несмотря на ссылку, было весьма плодотворным и бурным и обещало большую научную карьеру. К сожалению, в середине этого пути ученый по собственной воле расстался с жизнью. В 1876 г. в Санкт-Петербурге он покончил жизнь самоубийством. Чекановский ушел первым из трех великих польских естествоиспытателей, изучавших Сибирь, к которым относятся также Ян Черский и Бенедикт Дыбовский. На первом этапе ссылки все трое работали вместе, поддерживали друг друга, многим были друг другу обязаны. Потом, спустя годы, судьба их разделила. Я. Черский умер на Колыме в 1892 г., и там находится его могила. Б. Дыбовский по возвращении из Сибири в течение многих лет работал во Львовском университете. Он умер во Львове в 1930 г. и там же похоронен. А могила Чекановского не сохранилась. Известно лишь, что он был похоронен на одном из Смоленских кладбищ в Санкт-Петербурге.

Память об этих ученых навсегда осталась в истории польской и российской науки, и проявляется это поразному. Но, пожалуй, самый прочный след они оставили на карте Сибири, где их имена можно прочесть в названиях: кряж Чекановского, хребет Черского, пик Дыбовского. В этих названиях содержится нечто волнующее память, но память надо постоянно оживлять, напоминая о научных достижениях польских ученых, которые свидетельствуют и о польско-российских научных связях. Названия эти — хвала и памятник за все, что они дали Сибири.

Лешек Шаруга

ОБЗОР КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В "Плюс-минусе", еженедельном культурном приложении к газете "Жечпосполита" (2000, №16), было опубликовано начало дискуссии о поведении и роли интеллигенции в Польше после крушения коммунизма: "Конец ПНР и установление демократии и свободного рынка бросили этому слою двойной вызов. Во-первых, после обретения независимости потеряла смысл долго принадлежавшая интеллигенции роль вождя общества на пути к свободе. Во-вторых, черты интеллигентского этоса, многим позволившие успешно сопротивляться коммунизму, в капиталистической действительности Третьей Речи Посполитой стали немодными: теперь ловкость ценится выше гражданского мужества, а нонконформизм не пользуется спросом. Действительно ли польская интеллигенция со свойственной ей иерархией ценностей обречена на вымирание? А может быть непокорные все еще нужны в бегущем от ценностей рыночном мире?"

В открывающей дискуссию статье "Преждевременные некрологи интеллигенции" ответов на эти вопросы ищет Богдан Цивинский, автор изданного в конце 60-х сборника эссе "Родословные непокорных", пользовавшегося в то время большой популярностью и ставшего предметом оживленных споров. В своей статье Цивинский реконструирует родословную и этос польской интеллигенции XIX — начала XX вв., после чего предпринимает попытку показать структуру этого социального слоя: "Вокруг комплекса апробированных ценностей концентрируются в основном те, кто действительно готов приводить их в жизнь. Это несомненные нонконформисты, способные платить за свои убеждения ту или иную, часто очень высокую цену. Разумеется, они составляют ничтожное меньшинство всей интеллигенции. В более широком, внешнем по отношению к предыдущему, зато гораздо большем по численности кругу находятся те, кто знает о первых и восхищается их поведением, но готов им подражать только тогда, когда за это не надо платить ничего, или самую незначительную цену. (...) Следующий круг составляют те, кто ни в какую деятельность не лезет, но, говоря об этих смельчаках положительно, участвует в создании общественного мнения, благожелательного к ценностям, защищаемым смельчаками".

В эпоху разделов и оккупаций это поведение благоприятствовало сохранению политических чаяний и культурной самобытности поляков; в борьбе с чужеземным государством, подменяя несуществующие собственные государственные структуры, оно становилось общественным служением. Положение изменилось после обретения Польшей независимости: "После 1918, а еще точнее — 1921 года, в совершенно переменившихся условиях независимого польского государства, обе прежние концепции служения интеллигента подверглись дезинтеграции. Государство уже не нужно было подменять, тем более не следовало с ним бороться, а надо было созидать его и совершенствовать. В высшей степени необходимый для этого интеллигент психологически не был подготовлен к такой роли. "Государственническая" деятельность была ему чужда, в мундире чиновника ему было не по себе. (...) Краткость эпохи между двумя войнами привела к тому, что новая формула служения еще не успела четко обнаружиться, а уже наступила война и с ней -- немецкая оккупация. (...) Следующий исторический этап, жизнь в коммунистическом государстве, с самого начала откровенно антинациональном и тоталитарном, позднее частично ослаблявшим эти свои характерные черты и стремившимся получить минимум общественной поддержки, был для польской интеллигенции новым трудным экзаменом. В ходе его интеллигентские круги подверглись сильной идейной эрозии и глубоко поддались оппортунизму, тем не менее (...) сохранились и круги, верные традиционно признаваемым ценностям". Из этих кругов вышли действовавшие в 70-80-е годы структуры демократической оппозиции — вновь, как в XIX веке, организующиеся вокруг чаяний свободы и независимости и борющиеся за политический суверенитет Польши.

После 1989 г. положение изменилось: "Последнее десятилетие знаменует новую перемену государственного положения и связанную с этим потребность заново сформулировать, что такое интеллигентское служение. Такая формулировка до сих пор еще четко не выработана. Более того, разлаются высказывания, согласно которым как вся концепция служения обществу, заимствованная из старых романтических образцов, так и самобытность социального слоя, приписывающего себе особое призвание к такому служению, ныне глубоко устарели и утратили связь с сегодняшними живыми тенденциями и представлениями о карьере. Современная Европа не нуждается в жертвенных романтиках, не нуждается в сумасшедших общественниках и не предусматривает для них места в своих структурах". Отвергая подобные мнения и полагая, что формулировка интеллигентского служения обществу еще не исчерпала себя, Цивинский пишет: "Вопрос распадается на два новых вопроса. Первый: нуждается ли Польша в наше время в интеллигентском служении обществу? Второй: найдутся ли охотники нести это служение? На первый я отвечал бы так. Верно, что государство у нас теперь свое. Слабое, неудачливое, недостаточно убедительное, очень медленно и бестолково зарабатывающее международный престиж и не умеющее найти правильные пути необходимых реформ — но свое. Это государство, вопреки всем трудностям, следует преобразовывать именно в структуры служения, в аппарат служения благу человека в Польше и вокруг нее. Это следовало бы признать естественной задачей №1, и прежде всего задачей польского интеллигента. Разумеется, эту задачу одни будут выполнять внутри государственного аппарата, другие — вне государственных структур. (...) истинная ценность Польши будет прямо пропорциональна тому, сколько в ней окажется людей, осуществляющих это служение. (...) Задача №2 связана с обороноспособностью Польши. Бросив взгляд на карту, я убеждаюсь, что Польша не находится и еще долго не будет находиться в безопасности (...) этого факта не изменят никакие декларации (...) президентов всего мира. Не ко мне обращены их речи о всяческих гарантиях. Тем более я вижу необходимость сохранять и признавать ценность гражданского служения — именно служения интеллигента, способного мобилизовать свое окружение и сделать боевым постом любое место, куда его забросит судьба".

Наконец Цивинский констатирует, что вместе с формальным разрастанием интеллигенции, вместе с увеличением числа людей с университетскими дипломами повышается и доля тех, кому это образование нужно только для карьеры в бизнесе. "Очевидно, что когда мы хоть словом намекнем об интеллигентской традиции служения, об интеллигентском этосе, вся эта компания тут же удерет, громко рассуждая о европейской, не действующей на нервы свободе от предрассудков и о прелестях владения собственностью. (...) Такие люди молниеносно покинут круги интеллигенции, некоторые — уже покинули. Они — средний класс. И пусть остаются таковым. По-польски их называли нуворишами, а то и похуже. Интеллигентские традиции служения что-то скажут нескольким процентам всей массы образованцев. Так было всегда. И этого вполне достаточно". Презрение к предпринимателям, высказанное Цивинским, наверное вызовет полемику, за которой — если она действительно начнется — я постараюсь внимательно следить. Одно можно сказать заведомо: эти часто презираемые "нувориши" в Европе нередко выступают как меценаты важной культурной деятельности: основатели университетских кафедр и других подобных начинаний.

Задачи интеллигенции — ведущая тема и в последнем номере люблинского журнала "Форум академицке" (2000, №4). В эссе "О так называемом конце интеллигенции" краковский консервативный философ Рышард Легутко пишет: "Тезис о том, что интеллигенция как социальная группа неизбежно прекращает свое существование, появился в момент крушения коммунизма и перехода к новому строю. (...) Характерно, однако, что высказывания о конце этой социальной группы не сопровождались ни сожалениями, ни горечью. В известной степени можно сказать, что польская интеллигенция радовалась перспективе самоликвидации. (...) На вопрос, почему при новом строе такой класс людей перестанет существовать, отвечали обычно с помощью нескольких аргументов. Утверждали, что, во-первых, вместе с восстановлением политического суверенитета прекратится спрос на группу профессиональных "учителей общества"; возникнут нормальные механизмы образования, и не будет больше необходимости действовать вне рамок системы, как это делалось в ответ на попытки чужеземного государства либо его наместников захватить в свои руки польское самосознание. Во-вторых, приводился аргумент о том, что новое общество неизбежно будет становиться все более индивидуалистическим, а вместе с

этим рухнет большинство коллективных представлений и видов ответственности. (...) В-третьих, предсказывали, что свободный рынок приведет к тому, что интеллигенция станет профессиональной группой, подобной другим группам, стремящимся найти свое место в системе свободной инициативы. (...) Был еще и четвертый аргумент: в мире идет мощный процесс гомогенизации, в результате которого польское общество уподобится западным, где слоя интеллигенции не существует (западные языки не располагают даже надлежащим понятием для определения подобной группы*); появление интеллигенции, таким образом, было связано с особым историческим опытом, с исчезновением которого исчезнет и интеллигенция".

Опровергая эту аргументацию и пытаясь определить, что такое интеллигенция, Легутко пишет: "Если мы определим это понятие как относящееся к группе, которую характеризует огромная преданность идеям, ощущение миссии, взятой на себя ради всего общества, или спор с политической властью, то легко заметим, что в этом вовсе нет восточноевропейской специфики. С некоторого времени стало правилом, что интеллектуальные группы мощно включаются в дело преобразования общества и по преимуществу ведут спор с властью. Разница между Востоком и Западом состоит в том, что в России и Польше интеллигенция перед лицом невозможности политической деятельности взяла на себя более серьезные обязанности. (...) Интеллигенция и — шире — культура стали чем-то вроде подмены политики, что в западных обществах, разумеется, не нашло применения". Дальше в той же статье мы читаем: "Как в XIX веке, так и сегодня интеллигент — польский, немецкий и даже американский, чувствует себя ответственным за прошлое и будущее своего народа. Прошлое он клеймит, разоблачает, пробуждая чувство вины, на будущее — жаждет оказывать влияние. (...) В наше время неслыханной популярностью пользуется мнение, что эпистемологические и культурные категории — основа и носитель власти, репрессий и дискриминации. Таким образом, если существует группа, которая может этому противостоять, демистифицируя одни категории и выдвигая на первый план другие, такой группой может быть только интеллектуальный класс".

И наконец: "В обществе, где господствует индивидуализм, роль интеллигенции трудно переоценить. Именно она будет наполнять содержанием общие понятия, формировать идеологии, укреплять их, бороться с ними, опровергать их. Она с помощью новых, технически развитых СМИ будет создавать и свергать кумиров. Разумеется, сам процесс распространения идей и стоящего за ними содержания сегодня находится в руках таких групп, как специалисты по рекламе или рыночным операциям, не входящие в интеллигенцию в обычном смысле слова. (...) Это вовсе не значит, что следствия деятельности интеллигенции в наступающую эпоху будут только негативными или прямо разрушительными. Конечно, негативного можно предвидеть немало: от тенденции к бестолковому и бессмысленному ниспровержению до сильной тяги к идеологии. Однако, с другой стороны, если мы согласимся, что по причинам, на которые мы не можем оказать большого влияния, общие понятия еще долго будут формировать умонастроения современных обществ, то следует согласиться и в том, что труд истолкования и разъяснения этих понятий можно выполнять более благородно и ответственно. Выберет ли интеллигенция этот образ действий и какова при этом будет ее численность, этого мы сегодня предвидеть не можем".

Как видно, обе приведенные здесь в выдержках статьи высоко ставят сам принцип существования интеллигенции как специализированного социального слоя, но одновременно обращают внимание на ее ответственность перед обществом, перед будущим. Однако если Цивинский особенно сильно подчеркивает ее служебную роль, то в эссе Легутко можно обнаружить уверенность в том, что эта группа может в известном смысле играть ведущую роль. В этом случае, отметим, возникает опасность — искушение создавать какие-то новые механизмы "социальной инженерии", разрабатываемые именно интеллигенцией. Это особенно касается тех, кто конструирует программы массовых идеологий, часто, как мы знаем из истории, подверженных тоталитарным мутациям.

^{*} Напр., во французский язык вошло слово intelligentsia, заимствованное из русского, но в применении к своим реалиям оно приобрело в нем совершенно не социальный и несколько иронический оттенок, тот же, который звучит в русском "интеллектуалы". Парадоксальным образом, одно и то же слово обратно переводится по-разному: intelligentsia russe — русская интеллигенция (безоценочно), intelligentsia parisienne — по существу, "парижские умники". — Пер.

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

- В рамках празднования 55-летия газеты "Тыгодник Повшехны" в Кракове состоялось представление "Суд над XX веком". Среди присутствующих было множество знаменитостей, в частности, Анджей Вайда, Рышард Капусцинский, Марек Эдельман. Роль защитника уходящего столетия взял на себя сенатор Кшиштоф Песевич, в обычной жизни прекрасный адвокат, сценарист многих фильмов Кшиштофа Кесьлёвского. Суд присяжных признал, что XX век виновен в последствиях легкомысленной доверчивости, проявленной по отношению к человеческому разуму, в порабощении человека путем подчинения его массам, а также в резком ухудшении качества жизни.
- Последняя неделя апреля прошла под знаком торжеств, связанных с самым большим праздником христианства Пасхой. Во многих городах Польши организовывались символические Крестные Ходы (в Лодзи шествие носило экуменический характер), во всех церквях толпы верующих и неверующих приходили на поклонение ко Гробу Господню. В предпраздничный период в Кракове состоялся первый международный фестиваль религиозных спектаклей и мистерий "Страсти 2000".
- В Большом Театре в Варшаве второй раз были вручены премии Союза независимых кино- и теле продюсеров, которые иногда называют польскими "Оскарами". Бесспорным победителем стал фильм "Долг" Кшиштофа Краузе (премия за лучший фильм, режиссуру, сценарий и мужскую роль). Лучшей актрисой была признана Гражина Шаполовская, сыгравшая Телимену в фильме "Пан Тадеуш" Анджея Вайды, а сам постановщик получил премию за совокупность творческих достижений. Кшиштоф Краузе и Анджей Вайда получили также премии Союза польских кинематографистов. Их фильмы "Долг" и "Пан Тадеуш" были признаны лучшими фильмами 1999 г. Премию за лучший зарубежный фильм получил Ларс фон Трир за фильм "Идиоты" (Дания).
- Продолжается подготовительный период перед съемками семисерийного телевизионного фильма "Маршал Юзеф Пилсудский". Режиссер Анджей Тшос-Раставецкий намерен представить образ крупнейшего политика независимой Польши, основываясь на материалах многочасовых бесед, которые в тридцатые годы провел с Пилсудским историк Адам Сливинский. Роль маршала сыграет Збигнев Запасевич.
- ОРТ первая программа российского телевидения начала показ сериала "Огнем и мечом" в постановке Ежи Хоффмана. Таким образом Польское Телевидение, которое, по всей вероятности, начнет показ сериала не ранее 2001 г., осталось далеко позади.
- В Париже вышел на экраны фильм "Верность", последнее произведение польского режисеера Анджея Жулавского, который завоевывает себе известность (и снимает фильмы) главным образом во Франции. "Верность" это довольно свободная адаптация "Принцессы Клевской", известного романа, написанного в XVII веке г-жой Лафайетт. Главную роль играет Софи Марсо.
- В этом году на Каннском фестивале в конкурсе молодых кинематографистов Польшу будет представлять фильм "Вознесение" Малгожаты Шумовской. Этот фильм являет собой своего рода поэтическое размышление о ситуации человека в Восточной Европе после падения Берлинской стены.
- В рамках ретроспективы "Завтрашний день кино" в Варшаве было показано около ста любительских фильмов, сделанных в Польше и за рубежом. Премию "Гран-При" получил фильм "24>50" Марека Съвито и Александра Гавека, студентов Академии кино и телевидения в Варшаве.
- Польский ответ на знаменитую голландскую телепрограмму "Большой брат", где зрители как бы подсматривают за простыми людьми, предлагают Марцель и Павел Лозинские, известные

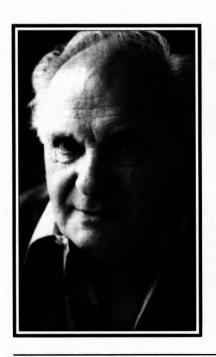

документалисты, готовящие проект под названием "Кинематограф". "Каждый человек может быть героем документального фильма, — говорит Марцель Лозинский, — В "Кинематографе" не камера будет искать людей, но сами люди будут приходить к камере". В различных пунктах страны будет расставлено 25 кабин с цифровыми камерами. Каждый, кто захочет что-нибудь сказать, сможет войти, нажать на кнопку и запечатлеть себя на экране. Передачи программы должны начаться 1 сентября.

- По телевидению был показан фильм Марцеля Лозинского "Катынский лес", в котором говорится о расстреле органами НКВД польских офицеров в лесу под Катынью. Эта трагедия в течение многих лет ложилась тенью на польско-российские отношения. "Катынь стала для поляков аргументом не в пользу ненависти, пишет Тадеуш Соболевский в "Газете Выборчей", но в пользу правды. Фильм "Катынский лес" ведет нас еще глубже, выходя за пределы чисто исторического анализа преступления. Он рассматривает его с человеческой стороны, в том числе со стороны русских. Как множество фильмов Лозинского, этот фильм также становится очищающей психодрамой". В то же время в варшавском Королевском Замке состоялась торжественная промоция кладбищенской книги военного кладбища в Катыни.
- "Варшава пейзаж с Зингером". Это цикл документальных фильмов с игровыми элементами, поставленный Хенрикой Добош и Адамом Кинашевским и посвященный еврейским кварталам довоенной Варшавы, которые были описаны в книгах лауреата Нобелевской премии по литературе Исаака Башевиса Зингера. В ходе съемок фильма, который сейчас демонстрируется по ІІ программе государственного телевидения, использовались архивные материалы. Закадровый текст принадлежит историкам, в частности, Владиславу Бартошевскому, а о фактах личной биографии Зингера рассказывает сын писателя Израиль Замир и его друг еще с варшавских времен Мордехай Цанин.
- 19 апреля 1943 г. в варшавском гетто вспыхнуло восстание. Оно было актом отчаяния со стороны тех, кто еще оставался в живых и не хотел безропотно идти на верную смерть. До сегодняшних дней в живых осталось семеро участников тех событий. Анка Групинская взяла у них интервью и объединила в книгу "Вечно по кругу", опубликованную в годовщину тех трагических дней. Сам автор описывает свою книгу как "незавершенную попытку дать имя эпохе уничтожения".
- В апреле третью годовщину со дня выхода в свет своего первого номера праздновал "Мидраш", еврейский журнал, предназначенный не только для евреев. Его главный редактор, Константы Геберт, говорит: "Нам удалось преодолеть стереотип мышления: евреи это антисемитизм, Катастрофа и "Скрипач на крыше". Он считает этот факт одним из крупнейших достижений своего журнала.
- Польский ПЕН-Клуб присудил премию имени Ксаверия Прушинского Яну Новаку-Езёранскому, великолепному политическому публицисту, многолетнему директору польского отдела радиостанции "Свободная Европа".
- В городке Крынки близ Белостока вышел в свет серьезный белорусский культурный альманах "Белорусский год 2000". Находящийся в тех краях дом белорусского писателя Сократа Яновича превратился в культурный центр, известный под названием Виллы "Сократ". Автором графического оформления альманаха является Леон Тарасевич.
- Издательство "Чительник" опубликовало очередной том "Дневников" Марии Домбровской, охватывающий 1936-1945 гг.
- Впервые за последние тринадцать лет на книжном рынке появилась новая книга Станислава Лема "Мгновение ока". Она немедленно заняла первые места в списках бестселлеров, опередив таких всегдашних фаворитов, как произведения Иоанны Хмелевской и Малгожаты Мусерович. 79-летний автор предпринимает в этой книге попытку подытожить футурологические прогнозы, содержащиеся в его более ранних сочинениях и связанные, в частности, с искусственным интеллектом и виртуальной реальностью.

- В Большом Театре в Варшаве состоялось первое в мире представление оперы Роксанны Пануфник "Музыкальная программа". Роксанна принадлежит к числу английских композиторов, но ее отец, Анджей Пануфник, был одним из самых выдающихся современных польских композиторов. Он эмигрировал из Польши в 1954 г. Действие "Музыкальной программы" происходит среди музыкантов, у каждого из которых есть собственные корни и собственные увлечения. Произведение встретилось с благожелательным приемом критиков и зрителей.
- Необычайно интересным был признан концерт, состоявшийся по случаю 25-летия существования группы "Маанам". Редко случается, чтобы культовые молодежные рок-группы (а именно такой группой был "Маанам") сумели сохранять в течение многих лет столь хорошую форму. Это, несомненно. заслуга Коры и Марека Яцковских. Она прекрасная вокалистка с сильным голосом, он автор, лидер и композитор группы, сумели добиться того, что "Маанам" является единственной группой, сохранившей популярность и "звездную" репутацию после бума рок-музыки 80-х годов.
- Анне-Софи Муттер выступила, наконец, в Варшаве, сыграв написанный специально для нее II скрипичный концерт "Метаморфозы" Кшиштофа Пендерецкого. Оркестром ("Penderecki Festival Orchestra") дирижировал сам автор.
- В варшавском Театральном Музее проходит выставка, посвященная Фредерику Яросси, одному из самых выдающихся авторов знаменитых польских кабаре периода межвоенного двадцатилетия ("Qui pro quo", "Банда", "Варшавский цирюльник"). Выставка показывает нам не только самого Фредерика Яросси, но и варшавскую атмосферу тех лет.
- "Книга в одиночку не пробьется" из этого принципа исходили студенты, организовавшие в библиотеке Варшавского Университета фестиваль под названием "Мания чтения". К книгам они добавили кино, музыку, выставки, подготовив высокопрофессиональную промоцию чтения как такового. Мероприятие длилось три дня. В нем приняли участие многие выдающиеся авторы. Подключились также три книжных магазина из сети "Интернет". Проявленный публикой интерес был огромен. Сегодняшние организаторы намерены в будущем году расширить это мероприятие, а также убедить в необходимости организации подобных фестивалей представителей других университетов. Ясно одно: от таких фестивалей литературе только польза. А это можно лишь приветствовать.

ВО ВРЕМЯ ПОДГОТОВКИ ЭТОГО НОМЕРА
К ПЕЧАТИ НАС НАСТИГЛА
ПРИСКОРБНАЯ ВЕСТЬ:
16 МАЯ В ВАРШАВЕ СКОРОПОСТИЖНО
СКОНЧАЛСЯ
АНДЖЕЙ ЩИПЁРСКИЙ,
ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА
НАШЕГО ЖУРНАЛА, ВЫДАЮЩИЙСЯ
ПРОЗАИК И ПУБЛИЦИСТ

Редакция "Новой Польши"

Анджей Вернер

ПАМЯТЬ О ГААГСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ И ЯНЕ БЛОХЕ

31 марта 2000 г. в рамках международного празднования столетней годовщины Первой Гаагской мирной конференции (1899 г.) Общество Яна Готлиба Блоха провело в Варшаве конференцию под патронажем министра иностранных дел РП профессора Бронислава Геремека, посвященную роли и историческому значению Гаагской конференции, а также вкладу поляков в ее достижения и наследие. В заседаниях, состоявшихся в Малом дворце МИД на улице Фоксаль, приняли участие многие ведущие представители дипломатических, военных и политических кругов.

Вначале (на 1-й сессии) участники обсуждали генезис знаменитой инициативы российского императора Николая II о созыве крупной международной конференции в Гааге, а также впервые появившиеся в ту эпоху угрозы миру в Европе. Затем (на 2-й сессии) дискуссия была посвящена вкладу, внесенному в дело, начало которому положили Гаагские конференции, варшавским банкиром и промышленником Яном Блохом, известным в свое время как Иван Станиславович Блиох, а также вкладу других поляков, главным образом судей и профессоров международного права. В ходе заключительной 3-й сессии участники размышляли о будущности мира в Европе через 100 лет после Гаагской конференции.

Следует заметить, что во времена Гаагской конференции и ранее Я.Блох, общество имени которого организовало конференцию в Варшаве, часто бывал в Санкт-Петербурге и других городах России. Дело в том, что он был не только финансистом, но и строителем и владельцем многих железнодорожных линий. Широкую известность приобрели также его работы на тему экономики и финансов России и Царства Польского. Эта всесторонняя деятельность принесла ему чин государственного советника

(что соответствовало рангу генерала), дворянский титул и членство в престижном Научном Комитете Министерства Финансов в Петербурге.

Его активные контакты с двором, в том числе и с самим царем Николаем II, относятся к периоду 1890-х годов, когда Блох вел новаторские исследования принципиально нового, гораздо более разрушительного характера будущей войны крупных держав в промышленную эпоху. Результаты исследований привели его к выдвижению тезиса о "невозможности" (на этой стадии промышленного развития) достижения монархами и их правительствами своих политических целей с помощью войны, ибо последняя, являясь, как бы мы сегодня выразились, "тотальной", может в результате оказаться самоубийственной или же привести к "социальной революции".

Свои размышления Ян Блох наиболее полно изложил в 6-томном произведении "Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях", опубликованном в Петербурге в 1898 г., а затем переведенным на другие языки. Благодаря этим усилиям и неустанным попыткам создать в Петербурге и иных столицах международные суды, организовать мирное решение споров, а также благодаря созыву и успеху конференции в Гааге, Блох считается ее "духовным отцом".

Разумеется, в Варшаве коллективным героем стала сама первая Гаагская конференция, справедливо считающаяся сегодня одним из крупнейших достижений многосторонней дипломатии XIX века. Благодаря своим гуманитарным и мирным инициативам, а также тому толчку, который она дала развитию международного права и судебных органов, эта историческая Конференция неизменно останется в памяти многих людей как в Польше, так и во всем мире.

Бронислав Бачко

ОРУЭЛЛ И СОЛЖЕНИЦЫН

Среди многочисленных литературных произведений, в основе которых лежит сопротивление тоталитаризму, особую важность имеют две книги: "1984" и "Архипелаг ГУЛАГ". Их публикацию разделяет четверть века: "1984" опубликован в 1949 г., "Архипелаг ГУЛАГ", законченный в 1968 г., был издан лишь в 1973-м (к тому же за границей, а не в Советском Союзе). Эти два текста, несомненно, внесли больше ясности в понимание того, что же такое коммунистическая тоталитарная система, чем десятки ученых социологических и политологических исследований. Книги эти не только не похожи друг на друга, но во многих отношениях прямо-таки противоположны. И в то же время они схожи. В этом очерке я хотел бы предложить своего рода сравнительное прочтение обеих книг, поразмышлять о системе их различия и сходства.

1

Прежде всего отметим разительную противоположность как биографий писателей, так и литературной формы их произведений.

Когда в июне 1949 г. Оруэлл, уже смертельно больной, напечатал в Лондоне роман "1984", Александру Солженицыну был 31 год. Он сидел тогда в лагере в Экибастузе под Карагандой, на "общих работах", откуда нелегко выбраться живым. Именно там Солженицын решил когда-нибудь написать книгу о лагерях, и этот замысел стал зерном "Архипелага ГУЛАГ". Оруэлл в то время, разумеется, ничего не знал о молодом капитане советской армии, арестованном за то, что в частных письмах к другу, перехваченных цензурой, тот позволил себе усомниться в гениальности Сталина как главнокомандующего.

Осенью 1936 г. Эрик Блейр (писавший, как известно, под псевдонимом Джордж Оруэлл) отправился добровольцем в Испанию, чтобы сражаться на стороне республиканцев. Он провел там семь месяцев и был ранен. Эрик Блейр вступил в боевые отряды троцкистской организации ПОУМ. Он ощутил на себе, что такое облавы на троцкистов, проводившиеся НКВД при активном содействии испанской компартии. Борьба с троцкистами, а точнее истребление троцкистов, признанных воплощением оппозиции и всяческого зла, было для политической полиции гораздо более важной задачей, чем борьба с фашизмом. Все приемы были дозволены: сторонников ПОУМ безжалостно травили, они бесследно исчезали, лишь иногда обнаруживались их останки. Эрик Блейр тоже был вынужден скрываться, чтобы избежать ареста и его последствий — тайного убийства или секретной переправки в Россию. Там же, в Испании, Эрик Блейр, профессиональный журналист, на опыте познал, что такое подцензурная пресса, служащая исключительно пропаганде. Она воспевала победы, которых не было, замалчивала реальные схватки, если в них отличились троцкисты или анархисты. В общем-то, это был сравнительно недолгий опыт, но Оруэлл пережил его очень интенсивно. В этом опыте сближение Оруэлла с троцкизмом было гораздо менее существенным, чем познание, что такое террор и пропаганда ненависти к собственным товарищам по оружию, как извращены ценности, за которые он готов был отдать жизнь. Ведь Оруэлл отправился воевать добровольцем прежде всего как социалист в самом общем смысле этого слова. Его антитоталитаризм был связан именно с этим выбором, которому он остался верен до конца жизни. Он был убежден, что социальная справедливость ни в коем случае не может быть достигнута за счет свободы личности; напротив, для него смысл и обоснование социальной справедливости были неотрывны от утверждения свободы личности. Оруэлла отличало недоверие ко всякой идеологии и морализаторству, которые применяют к человеку мерило совершенства. "Быть человеком, — писал он в своих "Размышлениях о Ганди" (1949), — значит не искать совершенства, иной раз выбирать грех, если этого требует верность другим людям, не распространять аскетизм за пределы, за которыми невозможна дружба, быть готовым потерпеть поражение и оказаться сломленным жизнью, если

знаешь, что такую цену неизбежно приходится платить за любовь, за связь с единственным человеческим существом, которое ты ставишь выше всех остальных. Вне всякого сомнения, алкоголь, табак и т.п. — вещи, которых святой должен избегать, но и святость — это то, чего должны избегать человеческие существа".

Требовалась исключительная чуткость и совершенно уж исключительное социальное воображение, чтобы из краткого эпизода испанского опыта выделить те составные элементы, которые поддавались обобщению и которые можно было использовать для создания модели тоталитарного общества, каким оно предстало в романе "1984".

Можно ли сравнить этот краткий испанский эпизод с трагической судьбой Солженицына? В данном случае все опять-таки начинается в армии. Молодой капитан, комсомолец ("странный марксист, упрямо привязанный к своей свободе" — таким вспоминает его один из фронтовых товарищей), Солженицын прошел после ареста чуть ли не все круги гулаговского ада: тюрьму, знаменитую Лубянку; "первый круг" — "шарашку", в которой условия были более сносными, чем где бы то ни было; наконец — лагеря, откуда возвращались редко и где на какой-то момент он сломился и почти согласился сотрудничать с НКВД (об этом инциденте он с исключительной нравственной отвагой рассказывает в "Архипелаге"; страницы эти вызывают ассоциации с судьбой Уинстона Смита, с его окончательным крахом в "1984"). Однако в конечном счете опыт ГУЛАГа оказался для Солженицына конструктивным, а в известном смысле — даже спасительным. Лагерные встречи с зэками, подвергшимися преследованиям за веру, помогли Солженицыну вновь обрести веру во Христа. В лагерях, где заключенных перебрасывали с места на место, Солженицын укоренился в русском языке. Он осознал, до какой степени разрушен и извращен этот язык в результате использования коммунистической системой. На клочках бумаги он записывал слова и обороты, которым грозит забвение. Так возник своеобразный словарь, сокровищница, призванная сохранить богатство языка и хотя бы для следующих поколений уберечь его от разорения. Солженицын вышел из лагеря, обогатившись новым опытом и новыми ценностями.

II

Оба произведения, "1984" и "Архипелаг", трудно определить в рамках традиционно признанных литературных жанров: оба они противятся привычным схемам.

"1984" находится словно на перепутье, как будто Оруэллу удалось под конец жизни соединить два типа письма, присущие его творчеству. С одной стороны, тут без труда можно узнать опыт Оруэллажурналиста, который не только в репортажах, но и в первых, реалистических романах возвел журналистику в ранг литературы. Но, с другой стороны, "1984" — это непосредственное продолжение "Скотного двора", оруэлловского шедевра, который принадлежит к совершенно иной литературной традиции. В 1946 г., начав работу над "1984", Оруэлл публикует замечательное эссе Политика против литературы. Размышления о "Путешествиях Гулливера". А "Путешествия Гулливера" — подлинная лаборатория сатиры и антиутопии. Все представления об идеальном обществе там высмеяны: такие общества всего лишь воплощение человеческой глупости и зла. Правда утопии, осуществленная утопия может быть лишь противоположностью утопических обещаний. Единственное идеальное общество в "Путешествиях Гулливера" — это сообщество гуингмов, т.е. лошадей, существ, для людей непостижимых. Похоже, что Оруэлл не разделяет радикального пессимизма Свифта. Конечно, "1984" — это антиутопия ("Моя новая книга — утопия в форме романа", — писал Оруэлл весной 1949 г. одному из друзей). Стоит, однако, отметить, что в "1984" утопия предстает одновременно и осуществленной, и извращенной. В вымышленной истории Океании и "ангсоца" особая роль выпала утопии социалистической. Тоталитарная система власти, господствующей там, страшится социалистической утопии и любой другой, вытекающей из нее. Поэтому такая власть утверждает, будто действует во имя социализма, хотя на деле только перехватывает и переиначивает социалистические ценности, приспособляя их к своим целям. Все механизмы этой системы власти служат порабощению мысли и воображения, их деградации, отрезая их от источников, которые могли бы их питать. Эффективность системы основана, в частности, на том, что ее механизмы препятствуют всяким представлениям об обществе ином, нежели то, которое существует, всякой мысли о таком обществе. Отсюда вытекает и непрерывная подгонка прошлого к настоящему; отсюда и запрет на контакты с заграницей, со всем, что иное. В "1984" искусство

репортажа сочетается с исключительным социальным воображением. Если оставить в стороне телеэкраны и прочие технические новшества, заимствованные из научно-фантастических романов, центральная тема "1984" — модель тоталитарного коммунистического общества. Оруэлл конструирует эту модель, свободно используя элементы, почерпнутые из действительности своего времени — как из своего испанского опыта, так и из истории СССР. В центре его внимания — сопряженные между собой идеология (систематическое искажение истины) и террор, вездесущий, но старательно скрываемый. Оба эти фактора успешно взаимодействуют, вырабатывая парализующий страх, неотделимый от повседневного, всеобъемлющего надзора всех за всеми и системы политических репрессий. Эта модель не абстрактна. Оруэлл показывает ее словно изнутри — как повседневность, описанную в достоверном репортаже.

Еще труднее определить литературный жанр, которому соответствовал бы "Архипелаг ГУЛАГ". В "Архипелаге" Солженицын объединяет разные жанры и средства выражения: эпопею и пародию (напр., глава о зэках как особом народе — замечательная пародия на пресловутый сталинский текст "Марксизм и национальный вопрос"), лиризм и статистику, автобиографию и исторический анализ в точном значении термина, с привлечением источников. Страницы, посвященные оценке числа жертв ГУЛАГа, быть может, еще более драматичны, чем потрясающая последняя глава о восстании зэков в Кингире, подавленном танками.

Чтобы отчетливей показать оригинальность "Архипелага", стоит, быть может, вспомнить советскую дискуссию 30-х гг. о том, какая литературная форма лучше всего способна выразить величие Октябрьской революции. Одни, в том числе Лукач, призывали возродить эпопею: раз революция — глобальный процесс, подчиняющий себе судьбы личностей, только эпопея, продолжающая античную традицию, способна отразить специфику революционных преобразований. Другие, ссылаясь на пример произведений Бабеля, задумывались: а не короткий ли рассказ, не новелла ли — то самое, привилегированное средство выражения? Разве не в том характерная черта революции, что она прерывает протяженность индивидуальных судеб и коллективного бытия? Вся эта дискуссия тонет в пучине марксистской нормативной эстетики, которая "лучше знает", как надлежит творить литературу; разумеется, победила точка зрения "социалистического реализма", т.е. требование подчинять литературу очередным партийно-идеологическим директивам. Да только, по иронии истории, шедевром литературы о советском обществе стал именно "Архипелаг" — эпопея, и в то же время автобиография и анализ лагерей — машины, дробящей и крушащей судьбы личностей. Ее коллективный герой — народ зэков. Это книга о лагерях, т.е. об антиобществе, созданном коммунизмом: антиобщество и есть правда о нем.

Ш

По-своему знаменательно, что Оруэлл в "1984" почти не говорит об этом антиобществе. О лагерях упомянуто лишь намеком, в нескольких строчках. После ареста Уинстон Смит проводит ночь в полицейском участке, ожидая отправки в Министерство Любви, где только и должно начаться собственно дознание. Именно тогда, уже арестованный, он припоминает, что когда-то, в "нормальной" жизни, слышал о существовании лагерей перевоспитания, где узники отсиживают срока по двадцать лет, где заправляют уголовники, терроризирующие политзаключенных. Однако это не просто упоминание вскользь, не имеющее значения для структуры повествования. Важно именно то, что об этих лагерях и о том, что в них творится, Уинстон Смит знает так мало, поскольку за всю свою "нормальную" жизнь он не хотел и не пытался узнать больше — так же, как никогда не стремился доискаться, что же, собственно, случилось с теми, кто внезапно исчез, "испарился" из его окружения. Возможно, эта жажада незнания — один из самых опасных результатов воздействия пропаганды и вездесущего страха. Уинстон Смит не хотел ничего узнавать, подобно тому как не желали этого делать миллионы людей в Советском Союзе. А ведь лагеря были частью их собственного существования, там сидели их родные и друзья. Жажда незнания превращала их в сообщников власти. Именно это молчаливое согласие — один из самых тяжких грехов Уинстона Смита, вина, за которую ему придется расплатиться.

В "Архипелаге" ложь, которую непрерывно вырабатывает Министерство Правды, вездесуща, она словно вытатуирована на коже зэков. Эпизодически идет речь о механизмах функционирования про-

пагандистской машины. Вспомним хотя бы страницы, посвященные Горькому, который во главе делегации советских писателей посещает строительство Беломорканала, эту истинную душегубку, где погибли десятки тысяч зэков. После экскурсии певцы социалистического гуманизма опубликовали коллективное произведение, восхваляя воспитательную роль лагерного труда: труд возрождает бывших уголовников, делает их "новыми людьми", преисполненными энтузиазма. Вспомним, кстати, и страницы романа "В круге первом", где описан визит Элеоноры Рузвельт на Лубянку. Накануне надзиратели раздали узникам новые робы, они даже получили право на помывку в бане. Во время визита им дают на обед нечто новенькое — курицу. Изголодавшиеся, они набрасываются на еду, едят руками, жадно, давясь (ни ножей, ни вилок, конечно, нет). Госпожа Рузвельт потрясена этим зрелищем, а сопровождающие ее палачи пользуются случаем, чтобы посетовать, как тяжела их работа, какого труда требует перевоспитание этих одичавших злодеев в нормальных, приличных граждан. Отметим также, что в "Архипелаге" нет палачей, напоминающих О'Брайена из "1984" — демоническую фигуру, наделенную рафинированным интеллектом. На допросах зэки сталкивались только с примитивными хамами. Их подвергали пыткам, которые ничем не напоминали изощренных средств, применяемых Министерством Любви, почерпнутых из научной фантастики. Побои, лишение сна, холод и голод, унижения и страх — простейших средств хватало, чтобы обеспечить ужасающую эффективность полицейской машины, предназначенной ломать кости и поганить людские души.

Уже сам замысел "Архипелага" был вызовом советской пропаганде, продуцирующей те самые "провалы в памяти", которыми в "1984" занимается Министерство Правды. "Архипелаг" — выражение воли к сохранению коллективной памяти, к ее защите от изглаживания и уничтожения. Коллективным молчанием о лагерях поддерживалось забвение, на которое советская власть обрекла зэков и их судьбы. "Архипелаг" был криком правды, который раз и навсегда прервал это гробовое молчание.

Итак, несмотря на несходство судеб авторов и при всей специфике их творчества, раскрывается общность обоих произведений. Между "3984" и "Архипелагом" возникает нечто вроде игры отражений. Каждый из двух текстов по-своему обы руживает скрытые структуры тоталитарной системы. Благодаря этому чтение их устанавливает между ними разнообразные связи, каждый из текстов то и дело отсылает к другому. Мир ГУЛАГа зиждется на массовых репрессиях, слитых со всеобъемлющей идеологией. ГУЛАГ в каком-то смысле соответствует Океании из "1984", просто он лишен украшений, заимствованных из фантастических романов, сведен к повседневности искалеченного быта миллионов людей. Но и, наоборот, весь мир "1984" предполагает существование лагерей, из которых не возвращаются, именно тех, в неведении о которых пребывал Уинстон Смит, так как ему не хватило мужества хоть что-то о них узнать.

При чтении обоих текстов, за счет самого акта чтения, вскрывается пласт опыта, общий и для молодого Солженицына, и для Уинстона Смита. Когда Смита арестовали, он ощутил, что прежняя жизнь лопнула — он смещается в зазеркалье. Однако постепенно Уинстон вновь обретает чувство связи: тюрьма, которую он для себя открыл, оказывается лишь продолжением и восполнением смысла его обычной жизни в Океании. Когда арестовали Солженицына, началось решающее для него накопление жизненного опыта, долгое и болезненное обучение. В "Архипелаге" он упоминает, что в тот момент беспрерывно твердил, что не виновен, и без конца задавался вопросом: почему *именно я*? почему *именно со мной* это случилось? Лишь намного позднее, в тюрьмах и лагерях, закончится его послушничество и он поймет, сколь ошибочным было это отчаянное вопрошание. Ибо точный вопрос звучит иначе: а почему *не я*? почему это *не должно было* случиться именно со мной? Система никому не гарантирует невиновности — всякий в любой момент может быть задержан.

Зэки нашли отличную формулу, чтобы выразить связь между лагерями и окружающим миром. Лагеря они называли "малой зоной", а мир вне колючей проволоки — "большой зоной". Общество Большого Брата и новояза из "1984" — именно такая "большая зона". ГУЛАГ, "малая зона", — это противоположность нормальной жизни, своеобразное антиобщество. Но только тут, во всех последовательных его кругах, становится явной истина тоталитарного общества, которую в "большой зоне" заслоняет обманчивая видимость, маскируют пропаганда и насилие.

В обоих текстах структура времени аналогична. Конечно, действие "1984" происходит в вымышленном будущем, а "Архипелаг" воссоздает историю лагерей, их зарождения во время гражданской войны, а затем разрастания, наподобие метастазов канцерогенной ткани, на протяжении всей истории Советского Союза. Тем не менее и тут и там главное время — настоящее. Обе книги, каждая на свой лад, проповедуют сопротивление тоталитаризму и сами составляют акт сопротивления. Обе они обязывают всех нас, читателей, к участию в сопротивлении, хотя бы во имя защиты смысла жизни, которому тоталитаризм угрожает, будучи системой как физического, так и символического насилия. Уже шла речь об идейных и политических различиях между Оруэллом и Солженицыным. Однако перед лицом тоталитаризма различия становятся второстепенными. Писатели согласны друг с другом, когда обнажают систему, стремящуюся стереть грань между добром и злом, между истиной и ложью. Человеческие ценности слишком хрупки. Главная цель обоих текстов — перед лицом опасности тоталитаризма дать осознание этой хрупкости и нашей общей ответственности за эти ценности.

Весьма примечательно, что оба произведения — казалось бы, раг excellence политические — оказываются словно над политикой: перед лицом тоталитарной угрозы они формулируют нравственные вопросы и требования. Оруэлл говорил, что питает отвращение к политике и именно потому вынужден размышлять о ней. Солженицын предупреждает читателей, что от чтения "Архипелага" должны отказаться те, кто ожидает книги преимущественно или исключительно политической. Как уже говорилось, "Архипелаг" проникнут чувством индивидуальной и коллективной вины, и уже благодаря одному этому текст обретает нравственное измерение. Защита памяти о лагерных страданиях и о судьбе ээков — это и нравственный долг. Оруэлл объяснял, что выбрал местом действия "1984" именно Англию, поскольку хотел, чтобы англосаксы лучше осознали, что они не застрахованы от тоталитарной угрозы. Знаменательно и то, что в обоих текстах очевидна особая забота о языке, о спасении языка от вырождения, от "казенной речи" или, если воспользоваться выражением Жоржа Нива, от "речи-палача". В "1984" новояз подчиняет себе и подавляет живой язык.

Нравственный пафос обоих текстов в некоторых отношениях противоположен. Уинстон Смит остается в одиночестве, в конечном счете он сломлен системой: он умирает, "возлюбив Большого Брата". Солженицын же в "Архипелаге" вместе с верой обретает и человеческую солидарность. Вдобавок эпопея ГУЛАГа включает и историю "сорока дней Кингира", самого крупного и длительного бунта зэков в мае 1954 года. Разумеется, восстание было подавлено, а личная судьба Солженицына не должна заслонять нам судьбу миллионов Иванов Денисовичей, которые умерли в отчаянии и одиночестве, и даже могилы их неизвестны. И все же оба текста схожи тем, что формулируют аналогичные нравственные требования и содержат один и тот же пафос. Требования эти лучше всего выразить, перефразируя слова Солженицына, произнесенные в момент ареста: как же это могло меня не коснуться? Приведем и слова Джона Донна, которые избрал эпиграфом Хемингуэй: "Никогда не спрашивай, по ком звонит колокол; он всегда звонит также и по тебе".

IV

До 1989 г. обе книги, и "1984", и "Архипелаг", были запрещены в странах бывшего "социалистического лагеря". Трудно забыть, что на протяжении многих лет, даже десятилетий, экземпляр любой из них, изъятый во время обыска, служил вещественным доказательством на политическом процессе. Литературные произведения, несомненно, имеют свою структуру, на которую не влияют ни запреты, ни изъятие, и исследование этой структуры, безусловно, необходимо для лучшего понимания текстов. Однако литературные произведения — достаточно сложные культурные явления, не сводимые к своей структуре. Они имеют свою историю, в ходе которой живут и обогащаются новым смыслом.

Историк утопий стоит сегодня перед лицом явлений новых и оригинальных. На его глазах рухнул общественный строй, который в качестве своего законного оправдания использовал обещание воплотить утопию справедливого и счастливого общества — пусть в неопределенном будущем, но зато исторически неизбежно. Отсюда понятная реакция — рост недоверия к любым утопиям. Быть может, утопия, как уже бывало в истории, переживает "холодный период" застоя в продуцировании новых социальных грез. Стоит, однако, принять во внимание позицию, которую в умонастроениях посткоммунистических обществ занимает своеобразный вариант либеральной утопии — специфический кон-

гломерат архаичных, родом из XIX века, идеализированных представлений о "чистом" либерализме и вполне современных, нынешних разочарований и чаяний, порождаемых потребительским обществом.

Для этих обществ чрезвычайно характерно и другое явление: произошли революции, которые порвали с коммунизмом, ориентируясь на уже существующую общественно-политическую модель, выдержавшую испытание двухвековой историей, а не на будущее общество и новые социальные институты, как это имело место в классических революциях, чьей исторической матрицей была Французская революция 1789 года. Отсюда и характерное для посткоммунистических стран обращение к прошлому, к докоммунистическим временам, в некоторых странах — к периоду независимости в межвоенное двадцатилетие и своему собственному демократическому опыту (конечно, длительность этого опыта, как и жизнеспособность традиций — величина переменная, в зависимости от страны, иногда, кстати, ничтожная, а то и вообще нулевая). С этим связано наложение двух конфигураций, которые в прошлом не только выступали раздельно, но и исключали одна другую, а именно: революции и рес*таврации*. В посткоммунистических обществах трудный процесс обучения демократии — заново или с нуля — принимает именно форму реставрации в историческом значении слова, то есть в смысле возвращения старого, некогда уже существовавшего общественного строя. От этого производны типы поведения и выбор позиций, выражающие, в частности, отношение к историческому времени, характерное именно для данной конфигурации (освобождение от коммунистической символики в паре с возвратом прежних, докоммунистических символов; мифологизация и идеализация докоммунистического прошлого; стремление вынести за скобки десятилетия господства коммунизма и за счет этого возродить прерванную историческую преемственность; желание изгладить память об этой эпохе с одновременной потребностью создать новую память о ней, исключительно негативную, сведенную к мартирологии, и т.п.).

И вот "1984" и "Архипелаг" начинают в этих странах новую жизнь, вступают в новый период их исторического бытия. Оба текста в контексте падения коммунистической системы будут читаться иначе, чем до сих пор. Парадоксально, но "1984", антиутопия о вымышленном будущем, принимает форму текста о прошлом, о системе, которая перестала существовать. Сегодня трудно предвидеть, будут ли— и как именно— эти книги выполнять в новых условиях свою прежнюю двойственную функцию: служить сбережению коллективной памяти и раскрепощению социального воображения.

(1991)

Бронислав Бачко — историк общественной мысли. До 1968 — профессор Варшавского университета. Покинул Польшу в 1969, продолжил исследовательскую работу в Клермон-Ферранском и Женевском университетах. Представитель варшавской школы историков общественной мысли. Автор книг "Руссо: одиночество и общность" (1964) и "Человек и мировоззрение" (1965). Много лет публиковал свои труды по-французски (среди них "Свет утопии", 1978). Последняя книга на польском — "Общественные идеи. Очерки о надежде и коллективной памяти" (1994).

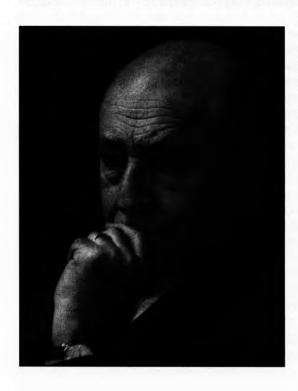
PRZEGLĄD POLITYCZNY

Ежи Помяновский

ПОНЯТЬ УМОМ РОССИЮ

беседа с Катажиной Яновской и Петром Мухарским

Ежи Помяновский (1921), писатель. Работал врачом, журналистом, завлитом Национального театра. Был профессором Пизанского университета (Италия). Сотрудник парижской "Культуры". Автор книг о театре ("Сезон в чистилище"), о литературе ("Магнитный полюс"), о прошлом и будущем Польши в Восточной Европе ("Русский месяц с гаком").

— Вы — автор многочисленных книг, а значит, судя по всему, писатель. Однако при этом вы любите подчеркивать, что по профессии вы читатель. Какова ваша истинная профессия?

— Верно бывает и то и другое, но я предпочитаю считать себя читателем. Когда я не нахожу подходящего текста у более одаренных писателей, я сажусь за стол и принимаюсь за работу. Перевожу я тоже только то, чем хотел бы — сам получив радость от чтения — поделиться с соотечественниками.

Я оставил кафедру полонистики в прекрасной Пизе и переехал в Краков — родной город моей жены Александры. И только здесь, в нашей краковской мансарде, обрел и время, и охоту, и условия для работы.

И тут вспоминается совсем другое жилье, в которое я попал в далеком 1961 году. Я приехал тогда в Россию с какой-то театральной делегацией и поспешил на улочку, где некогда жил Исаак Бабель. Хотелось навестить еще живущих там его жену и дочь. Они занимали одну комнату в коммунальной квартире. Мы были вынуждены говорить шепотом, поскольку оказалось, что вся остальная площадь принадлежит бывшему офицеру НКВД, может быть, тому, который арестовал Бабеля.

Это было единственное ведомство в Советском Союзе, которое по сути дела не вело жилищного строительства. Его сотрудники и офицеры просто-напросто занимали квартиры арестованных. Думаю, одной этой детали достаточно, чтобы понять, через какой ад прошли русские. Вопреки бытующему у нас мнению, именно они были первыми жертвами системы.

- Благодаря вашему рассказу мы оказались в самой гуще российской тематики. Не могли бы вы рассказать, с чего началась Ваша увлеченность Россией?
- Началось, пожалуй, не с увлеченности. Иосиф Бродский как-то сказал, что Россия это театр абсурда навыворот. То есть на сцене играют вещи худо-бедно реалистические, а театр абсурда творится в зрительном зале. Это остроумное изречение вывернуло наизнанку одно из стереотипных представлений о России. Зачастую же стереотипы не что иное, как плоды невежества. В польско-российских отношениях невежество обоюдное. Меня сердит и злит отсутствие усилий к тому, чтобы невежество сменилось взаимопониманием, без которого не может быть и речи о спокойном сосуществовании.
 - Выходит, образ России в глазах поляков, да и Запада грешит стереотипами? Какие из них наиболее опасны?
- В основе всех предрассудков лежит неумение видеть разницу между Россией и СССР. В течение нескольких десятков лет мы имели дело не с русским народом, а с военными или с посланцами империи. Пора, наконец, осознать: столкновение интересов у Польши в этом веке было не с Россией, а с Советским Союзом. Если позволить Союзу возродиться, конфликты такого рода неизбежны и в будущем.
 - В чем же заключается эта разница? Разве Россия, в отличие от Советского Союза, не имела империалистических амбиций?
- Способность увидеть по ту сторону нашей восточной границы не только Россию, но и иные народы, входившие в состав империи, есть первое условие возможности договориться и с самими россиянами. За нашей границей Литва, Украина, Белоруссия, а потом уже Россия.
 - Вы сказали, что причина нашего страха перед Россией лежит в поверхностности знаний о ней. Означает ли это, что, поняв Россию, мы смогли бы избавиться от страха?
- Россия представляет потенциальную угрозу не только для Польши, но прежде всего для самой себя. Семидесятилетняя изоляция от мира приводит к тому, что в России легко прививаются весьма дешевые и залежалые идеи, часто импортируемые с Запада.
- Россия последнее прибежище идеологий, давно отринутых цивилизованным миром. Они обанкротились на наших глазах, а в России все еще находят своих приверженцев, к примеру, в самой многочисленной российской партии КПРФ. Это национал-социалистическая партия. Бенито Муссолини еще в 1930 году писал: "Большевизм это славянский вариант фашизма".
 - Вы употребили интересную и вместе с тем трагическую метафору: "Россия театр абсурда". Вы познавали Россию через актеров этого театра. Узрели ли вы ее истинное лицо благодаря им?
- Сперва я должен был научиться русскому языку, которого совершенно не знал, когда там очутился. Мой отец был кавалером Георгиевского креста. Его, как и большинство юношей из Царства Польского, призвали в русскую армию и отправили на другой конец империи. Во время Первой Мировой войны он воевал на Кавказе с турками, а потом с немцами на Западном фронте. Вернувшись в Польшу, он познакомился с моей мамой и сделал ей предложение, которое было принято. С тех пор ему не разрешалось произносить ни слова по-русски. Мама была учительницей польского, и потому я в родном доме русского языка не слышал.

В России я оказался в 1939 году. Некий неведомый мне немец, которому я не причинил никакого зла, подстрелил меня, и я попал в руки русских. А потом очутился в шахте, где говорили на этаком волапюке, смеси русских, украинских, греческих и татарских слов. Там научиться русскому было невозможно. К счастью, в России есть не только шахты, штейгеры, начальники и конвоиры. Там есть еще и женщины. У них-то, прошу прощения, я и научился хорошему русскому языку.

Прежде всего, я обязан этим ленинградке Виктории Симоновне, моей ровеснице, у которой за плечами уже был лагерь. Может быть, поэтому она была со мной более откровенна, чем со своими соотечественниками.

- Вы полюбили Россию через женщин?
- И через женщин тоже, не отпираюсь. Уверяю Вас, способ не наихудший. От Вики я услышал стихи Анны Ахматовой. Такое часто бывает: чужими стихами мы выражаем собственные чувства. В

какой-то момент она читала стихи, и я отчетливо услышал, как что-то щелкнуло у меня в голове. Словно открылся какой-то клапан, и я стал вдруг понимать русскую поэзию, ее мелодию, интонацию, дивную ее глубину. Вот с этого момента и началась моя увлеченность русской литературой. Может быть, не ее содержанием, не созданными ею мифами, а необыкновенным ее очарованием. В особенности очарованием поэтическим. Обаяние свое и музыку русская литература умеет использовать как тягловую силу смысла.

- Позже вы познакомились и с Анной Ахматовой, автором стихов, которые декламировала ваша прелестная учительница русского языка?
- Когда меня выпустили из шахты, я отправился в военкомат и сказал, что хочу воевать с немцами они как раз напали тогда на Россию. Мы, поляки, из злейших врагов русских превратились в первейших их союзников. "Ладно, ответили мне, польская армия только создается, а пока что пошлем тебя копать противотанковые рвы".

На этой работе я снова был ранен, и меня отправили санитарным поездом в Среднюю Азию, в город, который тогда назывался Сталинабад, а теперь опять Душанбе — по-таджикски. Благодаря актрисе Фаине Раневской, с которой я был в дружеских отношениях, мне удалось поехать в Ташкент к Анне Ахматовой. Жила она в ужасающей бедности и не очень охотно впускала посетителей в свою жалкую каморку. Мы говорили с ней тогда очень коротко. Знакомство наше возобновилось уже после войны, когда Ахматова приехала в Москву, где в Колонном зале состоялся ее замечательный, воистину триумфальный поэтический вечер. Ее невероятный успех у слушателей вызвал завистливую ярость политического руководства Советского Союза и ускорил расправу с ней и другими писателями. Я встретился тогда с Ахматовой в доме Софьи Толстой, одной из вдов Сергея Есенина, и был удостоен чести беседовать с этой необыкновенной женщиной, одним из самых талантливых, если не сказать гениальных, поэтов XX века, и не только в России.

- "Teamp", в котором Ахматова читала свои стихи, уже не был театром абсурда. Героями того театра были русские интеллигенты, которых вскоре жестоко убрали со сцены истории.
- Затеяв борьбу с интеллигенцией, лишая ее права на существование, советская власть забила гол в собственные ворота.

Вместо интеллигентов большевики задались целью обучить специалистов, сделать из них этаких рядовых пролетарских обывателей. Отсюда — огромное количество профессиональных школ и техникумов и принижение роли гуманитарного образования. Но уверяю вас (я часто это повторяю): в соревновании двух инженеров победит тот, кто, помимо интегралов и дифференциалов, знает еще и Горация. В России недооценили этой закономерности. Власти полагали, что куда легче управлять людьми, которые не осмеливаются иметь собственного мнения.

Советская власть, отрубая голову своей интеллигенции, сама лишилась головы. Этим объясняется процесс, который извне выглядел как отставание Советского Союза от Запада. Талантов в России наверняка не меньше, чем где бы то ни было, но догматизм, насаждаемый в школах, искоренение свойственного интеллигенции критического отношения к действительности, привели к тому, что вместо интеллигентов в России взросла, по определению Солженицына, образованщина. К счастью, операция по тотальному гильотинированию собственного народа советской власти не удалась, и в этом есть немалая заслуга писателей.

Я расскажу вам об эпизоде, который, быть может, несколько прояснит мою мысль. Мы были добрыми знакомыми, не осмеливаюсь сказать друзьями, с Борисом Пастернаком. Я часто ездил к нему в Переделкино. Как-то раз на дачу к Пастернаку внезапно ввалился пьяный секретарь Союза советских писателей Фадеев. "Видишь, Боря, не могу я в таком виде домой явиться, ты же ее знаешь..." — пробормотал он.

Пастернак постелил ему на старой кушетке, прикрыл шалью жены своей, Зинаиды Николаевны. Фадеев вроде бы уснул, но, спустя минуту, вдруг поднял голову и абсолютно трезвым голосом, сказал: "Ну, и что после нас останется, Боря? Только твои стихи и "Двенадцать стульев"". На следующий день я увидел того же Фадеева на собрании Союза писателей, где он произнес громовую речь, полную

бранных слов и оскорблений по адресу "формалистов" и в их числе Пастернака. Но не это запомнилось мне с той встречи. Нечто иное осталось в памяти, а вовсе не трагическое двуличие Фадеева.

Пастернак вручил мне тогда свой новый сборник "На ранних поездах". Он в самом деле ездил из Переделкина в Москву первым поездом — то за продуктовыми карточками, то чтобы пристроить свои переводы из грузинских или польских поэтов в какой-нибудь литературный журнал.

Я уехал от Пастернака последним поездом. Помню, тут же открыл книжечку и сразу наткнулся на стихотворение, которое цитирую в своей книге "Русский месяц с гаком":

Рассевшись кучей, как в повозке, Во всем разнообразьи поз, Читали дети и подростки, Как заведенные, взасос.

Я обвел взглядом вагон: так оно и было. Читали все, не обязательно Пастернака. У русских писателей была своя армия читателей, и нельзя было вычеркнуть из школьной программы ни Пушкина, ни Толстого, ни даже Достоевского. Русская интеллигенция пронесла через все семьдесят лет два сокровища: книгу и память о прошлом.

- Будучи голосом русской интеллигенции, сознавали ли русские писатели свою миссию?
- Думаю, что сперва это сознавали немногие. Огромную роль сыграла книга как таковая и русские классики, которых издавали довольно широко. Но и среди современных писателей не было недостатка в тех, кто не поддался страшному диктату, так называемой перековке на новый лад всего общества вкупе с его мыслящим авангардом. Таких писателей было много, лучшим тому доказательством служит факт, что две тысячи, повторяю, две тысячи членов Союза писателей погибли либо за колючей проволокой, либо от пули в затылок, как Пильняк, Бабель и другие, слывшие гордостью русской литературы даже в тот период, когда цензура уже неистовствовала вовсю. Впрочем, и 20-е годы отнюдь не были временем райской жизни и расцвета. Русским писателям уже тогда приходилось бороться с трудностями, но они еще надеялись, что эта борьба даст результаты.
 - Переводя "Архипелаг ГУЛАГ" вскоре после его российской "премьеры", вы, должно быть, почувствовали, что там есть слова, которые в состоянии рушить стены.
- Разумеется, я догадывался об этом, но истинное значение книги Солженицына открыл мне Ежи Гедройц. Я был уже в эмиграции в Италии, когда ко мне приехал от него Густав Херлинг-Грудзинский и предложил перевести на польский "В круге первом" Солженицына. К тому времени я был уже под большим впечатлением от некоторых высказываний Солженицына. Они представлялись мне необычными, своего рода рецептом на будущее. Существуют идеи, которые — чтобы быть услышанными должны быть произнесены чистыми устами. Не каждому это дано. Солженицын облек в слова мысли, которые, быть может, многим приходили в голову, но только он, мученик, патриот и редкостный талант, смог выразить эти мысли таким образом, что они пробились сквозь глухоту общества. А сказал он простую вещь: чтобы свергнуть эту бесчеловечную систему, достаточно не участвовать во лжи. Это звучало так просто и убедительно, что я уже тогда ожидал от Солженицына чего-то необычайного. И, не раздумывая, принялся за перевод сперва "В круге первом", а затем и "Архипелага". Переводя Солженицына для парижской "Культуры", я стал осознавать, что ничем больше не должен, да и не хочу заниматься. В конкурсе на первую свою университетскую должность я принял участие лишь тогда, когда жена моя Александра поставила последнюю точку в переводе "Архипелага", который я ей диктовал. Я считаю Гедройца человеком выдающимся, умнейшим среди ныне здравствующих наших соотечественников. Мне представляется загадочным, более того, драматическим, тот факт, что их с Юлиушем Мерошевским идеи, которые они яснейшим польским языком изложили на страницах парижской "Культуры", не стали в наше время стратегическим планом, который мог бы весьма облегчить трудное геополитическое положение Польши между двумя великими державами. Ведь оказалось, что их предсказания и опасения подтвердились. В Польше много говорят и пишут о Гедройце, все его чтят, но почти никто не наследует его идеи.

— Вопреки высказыванию Норвида о том, что действия в Польше совершаются преждевременно, а книги запаздывают, в отношении восточной политики получилось иначе: благодаря парижской "Культуре" книги у нас есть, тогда как действия начисто отсутствуют. Но, может быть, причина в том, что теории Гедройца не получили широкого распространения?

— Кое-что все же делается — такие шаги, как приглашение президента Украины в Ланьцут, съезды в Таллинне и Вильнюсе. Однако неизвестно, будет ли продолжен этот труд и получит ли он признание.

Представьте себе, всего одна книга Мерошевского увидела свет в Польше после 1989 года. Все они много лет тому назад были изданы парижской "Культурой" и ввозились в Польшу контрабандой.

Мерошевский черным по белому сформулировал несколько принципов, которых должен придерживаться каждый разумный польский политик. К примеру, нет иного свободного поля для польских политических маневров, кроме сферы восточной политики. Принятие Польши в НАТО — вещь несомненно весьма важная, но тут от нас не так уж много зависело. А вот то, что происходит на Востоке — и в настоящем, и в будущем, — в немалой степени зависит от Польши. Именно рассуждения Мерошевского и Гедройца позволили мне сделать вывод, что врагом Польши был Советский Союз, а не Россия. И еще: что империя не может существовать без Украины, Литвы и Белоруссии — УЛБ, как сокращенно называл эти страны Мерошевский. Впрочем, достаточно и одной Украины: восстановить хищный имперский Союз без Украины невозможно.

Чтобы воспрепятствовать этому, Польша должна быть в наилучших отношениях с Украиной. Ничего, кроме прошлого, нас с украинцами не разделяет. Интересы Польши и Украины представляются мне общими. Так же, впрочем, как много лет тому назад представлялись они общими Гедройцу и Мерошевскому, когда еще и речи быть не могло о независимости Украины.

Из декалога Мерошевского и деятельности Ежи Гедройца вытекает еще один вывод: отказ от имперских устремлений, от сфер влияния, от колоний, которыми по сути были советские республики, — в интересах самой России. Ведь это огромная, великолепная, с богатейшими недрами страна.

Германия и Япония, два государства, пораженные в прошлом болезнью империализма, тогда лишь достигли наивысшей мощи и расцвета, когда отреклись от территориальных притязаний. Оказывается, чужие территории не нужны для достижения благосостояния.

- Вернемся к Солженицыну. Рассказывают, что в лагере он якобы записывал на снегу очередные страницы "Архипелага ГУЛАГ", а потом заучивал их наизусть. Спустя годы оказалось, что правдивые слова, начертанные палочкой на снегу, обладают мощью, способной расшатать имперский колосс. Позднее, однако, Солженицын стал утверждать, что с его страны следует снять ответственность за то, что коммунизм в России принял именно такие, а не иные формы, и обвинил в этом Западную Европу.
- О Солженицыне ходят самые различные, неподтвержденные, а порой не соответствующие действительности слухи. Я знаком с ним, и во время нашего недавнего разговора, а также в нашей с ним переписке, не обнаружил такого рода подчеркнуто односторонних взглядов.

— Ho Запада он не любит?

— Разумеется, и я разделяю некоторые его претензии к Западу. Западные левые перестали любить Советский Союз с тех пор, как большевики отложили дубинку, и тогда же начали искать новых кумиров в иных странах, где воплощаются идеи коммунизма: в Китае, на Кубе и т.д. Речь идет о леваках, а не обо всем западном обществе. Именно к ним относились претензии Солженицына. Не было у него претензии и к Америке как таковой; она оказала ему гостеприимство, обеспечила полнейшую безопасность и спокойную жизнь. Он никогда не призывал бороться с Соединенными Штатами или с западной культурой. Подобные взгляды Солженицыну зачастую приписывают не совсем бескорыстные люди, используя таким образом его авторитет.

Среди слухов, которые кружат о Солженицыне и которые, к слову сказать, часто инспирировались КГБ, появилось и обвинение в полонофобии. Не так давно мне пришлось написать статью под таким именно заглавием: "Полонофоб", в которой я привел прекрасные строки, восхваляющие положительные черты польского характера; строки эти принадлежат перу Солженицына. В третьем томе "Архипе-

лага" писатель превозносит поляка, инженера Ежи Венгерского (ныне живущего в Катовицах), с которым он находился в лагере; этот поляк был единственным, кто воспротивился позорному прекращению голодовки узников. Солженицын заканчивает этот фрагмент поразительными словами: " Если бы все мы были так же горды и тверды, какой бы тиран удержался?"

- Существует ли нечто такое, что можно назвать русской душой? Специфическим русским характером?
- Признаюсь Вам откровенно, я не люблю употреблять такие туманные, расплывчатые понятия, как "душа нации" и "коллективный характер". Во-первых, то, что мы принимаем за русский характер, есть характер власти в России. А мы именно с ней имели дело. Ну и вообще, что такое национальный характер? Знаменитый анархист Бакунин после многолетнего пребывания в Германии написал примерно следующее: "В характере немцев лежит ненависть ко всякой власти. Эта нация идеальный объект для анархической деятельности. Каждый немец хочет иметь собственное мнение, и поэтому невозможно создать монолитное мощное германское государство".
 - И все же понятие русской души существует. Ей приписывается прежде всего максимализм. Она представлялась европейцу загадочной в основном из-за своей склонности к нигилизму или к апокалиптическим пророчествам. Русская душа либо требовала от мира всего, либо относилась к нему с величайшим презрением. Вы согласились бы с таким стереотипным диагнозом русской души?
- Разумеется, не соглашусь и никогда не соглашался. Я вел в свое время в "Культуре" полемику с Войцехом Карпинским как раз на эту тему. Упрек в максимализме, который он бросил русским и России, показался мне весьма нелогичным; между прочим, без максимализма трудно себе представить склад ума и самую сущность святых. Вам не приходил в голову этакий "пустяк"?

Ну а если все же говорить о характере и о душе нации, то усилия советской власти этот самый характер, если таковой существовал, наверняка сильно исказили. Нельзя сегодня говорить о складе русского характера так, будто этих семидесяти лет не существовало или будто они прошли бесследно. Перековка, которой власть в России подвергала свое население, привела к весьма болезненным явлениям. Впрочем, я не верю ни в коллективную вину, ни в коллективную душу. Убежден, что существует только личная ответственность. Хотя Солженицын, разумеется, имел право призвать соотечественников к коллективному покаянию. Великий восточный мудрец Остад Элахи сказал: "Предсмертной исповеди недостаточно — надо стараться при жизни исправить причиненное людям зло, только тогда можно просить Бога о прощении".

- Ваш тезис о связи власти и народа можно переиначить: характер власти передает характер народа. Не примечательно ли, что социалистическая идеология, которая в Европе вылилась в движение за социальные реформы, именно в России приобрела столь чудовищный характер?
- Большевистские идеи дали точно такие же результаты и в России, и на Кубе, и в Никарагуа в странах со столь различной культурой. Есть такой вопрос армянского радио: "Что будет, если коммунизм победит в Сахаре? Точно неизвестно, но одно ясно: через три года песок пришлось бы импортировать".
 - Есть, однако, нечто демоническое в том, что отходы западных идей приобретали в России абсурдные формы. Словно бы в русском организме не хватило антител, которые защитили бы его от болезни утопии и идеологии.
- Россия так огромна, что эхо наших диспутов, бесед, дискуссий, философских теорий теряется в ее бескрайних просторах. Подвергается деформации.

Россия превратилась в склад отходов западной мысли. Русский славянофил Хомяков сказал: "Наша беда не в том, что мы воспринимаем западные идеи, вместо того чтобы рождать и развивать свои собственные, русские. Беда в том, что мы воспринимаем отходы этих идей".

И верно. Все эти гувернеры и горе-теоретики, которые кормили Россию новинками с Запада, часто были людьми весьма низкого пошиба. Теоретики марксизма, попавшие в Россию, встретились там с ситуацией, уже неведомой Западу, — с абсолютным произволом российских властей. В этом причина

искажения даже наиболее привлекательных идей. Россия была классической страной самодержавия, самовластия. Царь имел титул самодержца. Давайте сравним: американская конституция, первая настоящая конституция в мире, родилась из единственного желания — положить преграду произволу властей. Все семь ее статей (а в американской конституции всего семь статей и некоторое количество поправок) направлены на установление верховенства закона над властью.

В России же конституция (вернее, конституция в миниатюре) появилась только в 1905 г., после проигранной войны с Японией. Конституция правительства Керенского не была претворена в жизнь. А все последующие конституции, со сталинской во главе, были только списком намерений, которых никто не посмел бы назвать благими и которые в лучшем случае остались на бумаге.

- Быть может, ключом к феномену русского национального характера является русская литература, о которой говорится, что это литература вечных вопросов о Боге, о человеческой природе. Не через нее ли познается русская душа?
- Значение русской литературы с ее вечными вопросами определяется двумя факторами. Первый чувство ответственности писателя, осознавшего, что он один имеет право голоса, чтобы выступать от имени безмолвствующего народа как его представитель и заступник. Второй фактор простой вывод из того, что говорилось выше о произволе власти. Тому, кого не защищают человеческие законы, остается только уповать на Бога. Оттого и возникают вечные вопросы. Достоевский пережил не только каторгу он стоял у позорного столба в ожидании близкой смерти. Наверно, поэтому Достоевский так сильно ощущал потребность в руке Божьей, за которую можно ухватиться.
 - Не следует ли из ваших рассуждений, что характер нации определяется исторической судьбой, которая выпала на ее долю?
- Безусловно. Однако существует граница, за которой историческая судьба уже бессильна. Густав Херлинг-Грудзинский очень хорошо сказал о твердом ядрышке человеческой натуры, которое никакие усилия власти окончательно раздробить не в состоянии.

Такое ядрышко существует в душе всех народов. Твердое, не поддающееся насилию властей ядро объединяет нас в единую человеческую семью, и в этом смысле ни цвет кожи, ни вероисповедание людей не рознят. Это нечто такое, что принадлежит не национальному, а человеческому характеру. Тому, что отличает нас от животных. Курдский мудрец, которого я уже цитировал, утверждает, что у нас две души. Одна, животная, обогащает нас всякого рода ощущениями, страстями; словом, состоит из импульсов. Другая же — мудрецы из суфиев называют ее ангельской, а все верующие люди — дыханием Божьим, — дарована лишь человеку.

- Не отчаянием ли это продиктовано? Выходит, чтобы усмирить свой страх перед Россией, мы должны апеллировать к некой ангельской душе. Или к твердому ядру, которое не подвержено давлению истории, перековке душ. Так ли уж обязательно выявлять человеческое лицо, спрятанное за маской homo soveticus человека порабощенного?
- Я говорил о людях вообще, русские служат лишь поучительным примером. Имея столько выдающихся писателей, они вправе вслух говорить о своем опыте. Русские писатели в XIX веке достигли вершин литературной "иерархии".

Что же касается мер предосторожности по отношению к такому соседу как Россия, то еще раз повторю вслед за Мерошевским: "Русские перестанут быть империалистами, когда потеряют империю"; и еще одну его фразу позволю себе привести: "Мы должны искать контакт и взаимопонимание с русскими, готовыми признать право на самоопределение украинцев, литовцев и белорусов, и, что не менее важно, мы сами должны раз и навсегда отказаться от Вильно, Львова и (внимание!) от любой политики или планов, которые направлены на то, чтобы при благоприятной конъюнктуре утвердить наше превосходство на Востоке за счет вышеназванных народов".

Тут ни слова нет ни об ангельских душах, ни о тайнах русского характера. Есть простейшая рекомендация нашим министрам и политикам из правительства и из оппозиции — установить самые дружественные отношения с Россией, но с одним лишь очень простым условием: не ущемляя при этом независимости и жизненных интересов наших общих соседей: литовцев, украинцев и белорусов.

- Допустим, душа нации и склад ее характера явления эфирного свойства, но советский склад ума, быть может, нечто более осязаемое?
- Действительно, советский склад ума существует. Основа его глубочайшее убеждение в справедливости теории жизненного пространства, якобы необходимого для всего общества и уж во всяком случае для его властей. Лучше всего сформулировал эту теорию вовсе не русский, а немец Фридрих Великий: "Война не имеет смысла, если она не ведет к территориальным завоеваниям".

Идея эта обанкротилась, когда мы убедились, что современными научными методами можно добиться расцвета в государствах с небольшой территорией. Война должна была бы утратить всякий смысл, но увы, не утратила, поскольку продолжают возникать конфликты между народами, религиями, убеждениями, идеологиями.

- Значит ли это, что, поскольку из России извлечен советский взрыватель, мир может спать спокойно?
- О мире я знаю очень мало. Я немного знаком только с двумя странами Италией и Россией, но всерьез меня интересует третья страна Польша.

Так вот, в Польше, о которой я пекусь, важно знать, что советскую империю невозможно эксгумировать без предшествующего присоединения, завоевания или раздела Украины, захвата Литвы и Белоруссии. Вот камень, о который должны сломаться лопаты тех, кто стремится произвести эксгумацию, — Зюганова и других теоретиков его покроя.

Потенциальные наши союзники в России — это те, кто хочет, чтобы Россия была великой и сильной державой, но без захватов, без дополнительного жизненного пространства за чужой счет.

Солженицын в своей статье "Почему американцы не понимают русских?" пишет, что Россия должна отказаться от какой бы то ни было агрессии, даже от мысли о ней, а всю свою неизмеримую мощь направить внутрь, на восстановление собственной страны. Если такое случится, дорогие мои, это будет чудо. Но свершиться оно может только при условии, что русские откажутся от путей, которые почемуто казались им легче, а на самом деле их губили. К примеру, казалось, что вместо того, чтобы строить современные заводы искусственных удобрений, проще послать миллион комсомольцев в сухие степи Казахстана и отобрать там пастбища у казахов, пытаясь превратить степь в урожайные земли.

В российских провинциях с интенсивной экономикой, как, например, в Саратове, Нижнем Новгороде, где сделаны реальные шаги в направлении к настоящему, свободному рынку, — Россия встает на ноги. Страна не голодает, и все это удается без посягательств на чужую независимость, без захвата чужих земель.

Не кто иной, как военный, генерал Лебедь, сказал, что времена империй миновали. Эти часы остановились.

- Может ли что-то дать сегодня миру многоликая, разнородная и по-прежнему интригующая Россия, которой часы истории начали отмерять новое время?
- Разумеется, несмотря на отягчающие традиции, несмотря на предубеждения и химеры о национальной душе, которая якобы есть душа рабская и навсегда останется таковой; несмотря на то, что семьдесят лет по этой душе били молотом, а все мыслящие головы срезали серпом, Россия имеет все возможности стать нормальным государством в ряду себе подобных. У нее более чем достаточно собственных земель, и талантов, и школ, чтобы этого добиться. И тогда она не будет врагом Польши, врагом свободной Литвы, свободной Белоруссии и свободной, к счастью, Украины.

Сентябрь 1997 Квартира Ежи Помяновского, Краков.

Дорогие друзья!

"Новая Польша" для нас очень важна и нужна. Нас радует возможность знакомиться с культурной и общественной жизнью в стране и встречаться на страницах этого великолепного журнала со многими выдающимися польскими авторами.

Мы, со своей стороны, сообщаем о создании в Красноярске регионального объединения сибирско-польских творческих связей "Сибирь", в котором участвуют писатели, ученые, художники и артисты театра, в том числе и историки из объединения "Мемориал". Мы заинтересованы в укреплении творческих и дружеских отношений с "Новой Польшей".

В прошлом году мы показали в залах библиотеки Ягеллонского университета в Кракове нашу выставку "Поляки на красноярской земле". Мы дружим и поддерживаем переписку с профессором Антонием Кучинским и с Тадеушем Маркевичем. Известный драматург Тадеуш Слободзянек, который родился в ссылке в Енисейске, посетил наши края и установил с нами близкие, дружеские отношения. Краковский дирижер Станислав Корчинский — тоже уроженец наших краев, и намерен в этом году посетить нас.

Мы рассчитываем на контакт и сотрудничество.

Со словами глубочайшего уважения

Ольга Подпорская, председатель правления РО "Сибирь"

В 4-м номере "Новой Польши" в статье "Он был поромщиком..." была пропущена фамилия СЕМЕНА БУКЧИНА, который брал интервью у Жоржа Нива. СЕМЕНУ БУКЧИНУ редакция приносит извинение.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ:

М.Домбровская: Польша и поляки в произведениях Льва Толстого **В.Бересь** о «Газете выборчей» и «Тыгоднике повшехном»

Д. Ольбрыхский: Как ужиться с соседом?

Капиталистический манифест

Наши люди: сестра Хмелевская

А. Ермонский: Вы Гомбровича не читали?

С. Ларин: О Рышарде Капусцинском

Р. Капусцинский: Неизвестная глава из известной книги

А.Эппель: Четверостишие Юлиана Тувима

Е. Стемповский: Поляки у Достоевского

Я. Видацкий: О Юлиуше Мерошевском

Б.Петкевич Поэты из глубинки

А. Шиманский: Сруль из Любартова

П. Мицнер: О субкультурах молодежи

Р. Пшибыльский: О Бродском, Ахматовой, Мандельштаме

К. Яновская и П. Мухарский: Беседы к концу столетия с

Л.Колаковским, Б.Скаргой, Г. Херлингом-Грудзинским и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Милоша, Стахуры, Шимборской, Твардовского и др. в переводах

Бродского, Базилевского, Астафьевой, Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

ПРЕДСТАВЛЯЕТ ИЗДАВАЕМЫЕ ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ

МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ И НАЦИОНАЛЬНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ ПОЛЬША

СЛЕДУЮЩИЕ ЖУРНАЛЫ:

Dialog

Ежемесячник, посвящённый современной драматургии.

NOWE KSIĄŻKI

Ежемесячник для читателей, библиофилов, библиотечных работников и издателей. В каждом номере обзор новостей, рецензии, статьи об издательском деле, анонсы, библиографии.

Ежемесячник о Польше на русском языке. Публицистика, политика, вопросы экономики и культуры, обзор литературной и научной жизни страны.

twórczość

Самый долговечный и заслуженный польский литературный ежемесячник, посвящённый современной прозе, поэзии и культурной публицистике. Журнал активно участвует в культурной жизни Польши.

ruch muzyczny

Единственный в Польше журнал о музыке, её теории и практике. Выходит раз в две недели.

na świecie

Известнейший ежемесячник, содержащий обзор произведений зарубежных авторов.

Biblioteka Narodowa. Zakład Wydawniczy Czasopism Patronackich, 00-973 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax 6082488, tel. 6082374